

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

22 2025
ЧАСТЬ VI

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 22 (573) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Александр Иванович Привалов* (1938), главный герой и рассказчик в повести «Понедельник начинается в субботу» (1964) Аркадия и Бориса Стругацких. Точнее, Владимир Смирнов в роли Привалова из фильма-спектакля Ленинградского телевидения 1965 года. Телефильм режиссера Александра Белинского был негативно встречен авторами и зрителями и больше в эфире не появлялся.

Александр Иванович Привалов родился в 1938 году. Исследователи вычислили, что действие повести происходит между 1962 и 1963 годом, поэтому возраст протагониста около 23–25 лет. По национальности он русский. Герой живет в Ленинграде и является представителем престижной и редкой в те времена профессии — программистом. Саша — член ВЛКСМ и трудоголик, у которого нет интересов, кроме компьютеров.

Поворот в карьере героя случается, когда ему предлагают возглавить вычислительный центр НИИЧАВО. За зарплату в 120 рублей Привалов начинает руководить лабораторией, которая обеспечивает работу отделов института в вымышленном городе Соловце на Русском Севере. Привалов работает на ЭВМ «Алдан» и параллельно пытается познать азы магии.

Внешность героя типична для научного сотрудника периода 1960-х. Это мужчина в возрасте около 25 лет. Из-за плохого зрения персонаж носит очки. Его образ дополняют серая куртка из Восточной Германии и джинсы, исполосованные «молниями». Во время работы в НИИЧАВО герой отрастил бороду. Более точное представление о внешности Привалова дал график Евгений Мигунов. В самом знаменитом издании 1965 года он изобразил программиста почти точной копией студента Шурика из кинокомедии Леонида Гайдая «Операция «Ы» и другие приключения Шурика».

Александр Привалов — человек науки, проявляющий интерес к исследованиям и всему потустороннему и таинственному. Но при этом он скептически относится к иррациональному и волшебному. Ему свойственны чувство юмора, профессионализм, но он подвержен влиянию окружающих. В НИИЧАВО герой, как и другие молодые специалисты, трудится, не жалея ни времени, ни сил.

Саша вступает в различные отношения с коллегами по НИИЧАВО, в том числе в дружеские, профессиональные и романтические. Роман Петрович Ойра-Ойра обучает героя основам магии. О профессоре и шарлатане от науки Амвросии Амбруазовиче Выбегалло у персонажа сразу складывается нелестное мнение. У профессора есть практикантка — ведьма Стелла, которая Привалову нравится.

Сначала Александр всему удивляется в НИИЧАВО, но постепенно привыкает и на происходящее вокруг реагирует сдержанно. Окружение влияет на характер и взгляды программиста.

Многие герои Стругацких имеют прототипы. Так, прототип профессора Выбегалло — Трофим Лысенко, прототип Януса

Полуэктовича Невструева, директора НИИЧАВО, — директор Пулковской обсерватории Александр Александрович Михайлов; прототип Фёдора Симеоновича Киврина — Иван Антонович Ефремов.

Борис Натанович утверждал, что Привалов — «личность совершенно вымышленная». Однако у исследователей творчества братьев-писателей есть любопытная гипотеза, которая связана с историей создания персонажа. Отец советского геолога Александра Петровича Куклина приходился Стругацким двоюродным братом. О жизни и деятельности ученого известно из книги «По ту сторону ночи» Евгения Устиева. В конце 1950-х Куклина заинтересовали математические методы в геологии. Кроме того, он увлекался сбором информации на перфокарты. Александр выступал за внедрение вычислительных машин, следил за кибернетическими новшествами и применил программу «Кора-3» для классификации одной из колымских территорий. Устиев в книге называет Куклина алданцем.

Повесть Стругацких вместе с произведениями Василия Аксенова и Анатолия Гладилина, а также кинолентами Эльдара Рязанова и Георгия Данелии рисуют образ молодежи той эпохи. Их герои романтизируют научные и творческие искания, презируют быт и готовы трудиться на благо общества, забывая о выходящих.

Таким образом, Саша Привалов — символ советской интеллигенции, типичный представитель шестидесятников. Персонаж и его опыт отражают аспекты жизни и культуры СССР в период хрущевской оттепели. Кроме того, герой является ключевым элементом комического и философского контекста произведения, в котором наука и волшебство пересекаются с элементами сатиры и фантастики.

Изначально Привалов задумывался для повести «Понедельник начинается в субботу», но герой также встречается в произведении «Сказка о Тройке» (1968).

Во второй половине 1960-х Гайдай подумывал снять экранизацию по сценарию Стругацких. Режиссер считал, что на роль Привалова подходит Александр Демьяненко, сыгравший Шурика в «Операции «Ы»...». Но проект свернули на ранних этапах работы. На запрет повлиял и скандал вокруг «Сказки о Тройке».

Телефильм по мотивам «Понедельника...» снял Константин Бромберг. Картина 1982 года получила название «Чародеи» и немного перекликается с оригинальной историей. Стругацкие написали сценарий на основе повести, но работа не понравилась режиссеру. Бромберг попросил авторов создать самостоятельное произведение, по которому и был снят фильм «Чародеи».

Но это, как говорится в книге, «совершенно другая история».

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Емцева Е. Н.

Соотношение понятий
«злоупотребление правом»
и «недобросовестная конкуренция» 391

Заяц А. В.

Альтернативные способы защиты
гражданских прав: медиация, арбитраж
и переговоры 394

Землянский М. Д.

Гражданско-правовые средства защиты
имущественных прав 396

Ибрагимов Е. В.

Проблемные аспекты деятельности органов
власти в сфере сохранения объектов
культурного наследия (на примере
Пензенской области) 398

Иванова А. С.

Потребительский кредит как вид
кредитного договора 400

Игнатов А. Ю.

История становления особого порядка
судебного разбирательства 403

Исаков Д. С.

Отграничение террористических
преступлений от смежных составов
преступлений 407

Канцер А. В.

Правовой статус онлайн-агрегаторов
туристских услуг: пробелы ФЗ-132 и пути
их устранения 409

Караваева П. К.

Государственное регулирование
обязательного медицинского страхования
в РФ и за рубежом 411

Кисаримов А. А.

Особенности административной
ответственности государственных
служащих 414

Клименкова Е. М., Зиновьева Д. В.

Роль нотариата в гражданском обороте:
правовые и социальные аспекты 416

Клименкова Е. М., Зиновьева Д. В.

Использование современных
технологий в уголовном процессе:
возможности и риски 418

Корноухова Т. А.

Суд в системе субъектов собирания
доказательств по уголовным делам 420

Королева С. Д.

Роль лингвистической экспертизы
в разрешении правовых споров: анализ
языковых аспектов в публичной политике 423

Красавчикова И. М., Ускова А. В., Леошко О. А.

Меры по предупреждению преступлений,
совершаемых мигрантами 424

Курмакаева К. М.

Правовой статус ученого в российском
законодательстве 426

Мазур Л. Г.

Общественная опасность рецидива, личность
преступника при изучении рецидивной
преступности: проблемы и перспективы
развития 428

Максимова К. А.

Ответственность в предпринимательском
и торговом праве: анализ законодательных
изменений при администрации Трампа и их
влияние на бизнес в условиях кризиса 430

Мамаева Е. С.

Особенности назначения судебных
экспертиз при расследовании
преступлений прошлых лет 436

Мамаева Е. С.

Об актуальности использования ДНК-данных
в процессе производства предварительного
расследования 438

Мартусенко А. С.

Современные возможности применения
судебной фотографии при производстве
осмотра мест происшествий 439

Матвеева А. И.

Соборное уложение 1649 года: правовое
регулирование дворцового землевладения ... 441

Матвеева А. И.

Соборное уложение 1649 года: правовое
регулирование приобретения права
собственности 443

Мендурова А. С., Юдина Д. С.

Проблема определения участников
административного судопроизводства 445

Морозова Н. С.

Договор поставки: особенности заключения
и согласование существенных условий 446

Муродов А. Х.

Эволюция взаимодействия России
и Европейского суда по правам человека
в защите прав граждан РФ: политико-
правовой анализ 448

Нагибин Д. А.

Использование служебного положения как
квалифицирующий признак совершения
преступлений против жизни и здоровья 451

Новиков Н. О.

Становление и развитие системы
противодействия отмыванию денег
и финансированию терроризма 453

Орехова К. О.

К вопросу о понятии и специфических
характеристиках института лишения
родительских прав 456

Павлов И. П.

Цифровой рубль и его влияние
на регулирование криптовалютного рынка
в России 457

Паршина Е. А., Начетова И. А.

Алиментное обязательство между иными
членами семьи 461

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Соотношение понятий «злоупотребление правом» и «недобросовестная конкуренция»

Емцева Екатерина Николаевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Спиридонова Алёна Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент
Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Статья посвящена анализу взаимосвязи двух юридических понятий «злоупотребление правом» и «недобросовестная конкуренция». В работе проводится комплексное исследование сущности данных понятий. Проанализированы основные научные подходы к определению их соотношения. Приведены примеры из судебной практики, свидетельствующие о проблемах правоприменения в данной сфере.

Ключевые слова: недобросовестная конкуренция, злоупотребление правом, форма, соотношение понятий, хозяйствующий субъект, конкурент.

Вопрос взаимосвязи понятий злоупотребления правом и недобросовестной конкуренции является одним из тех сложных, многоаспектных вопросов, однозначные ответы на которые так и не даны в юридической науке. Исследование необходимо начать с рассмотрения сущности указанных понятий, т. к. вывод о характере их соотношения можно сделать только после изучения содержания каждого из них.

Понятие недобросовестной конкуренции закреплено в Федеральном законе от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее — Закон о защите конкуренции) [1]. Согласно п. 9 ст. 4 Закона о защите конкуренции недобросовестная конкуренция — это любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам-конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации.

Главой 2.1. Закона о защите конкуренции установлен запрет на определенные формы недобросовестной конкуренции. Среди них: дискредитация, то есть распространение ложных, неточных или искаженных сведений, которые могут причинить убытки хозяйствующему субъекту и (или) нанести ущерб его деловой репутации; некорректное сравнение хозяйствующего субъекта и (или) его товара с другим хозяйствующим субъектом-конкурентом и (или) его товаром; совершение хозяйствующим субъектом

действий (бездействия), способных вызвать смешение с деятельностью хозяйствующего субъекта-конкурента и другие. Статья 14.8 Закона о защите конкуренции устанавливает, что не допускаются иные формы недобросовестной конкуренции. Следовательно, перечень форм недобросовестной конкуренции является открытым, а относимость конкретного действия к недобросовестной конкуренции, как указал Верховный суд Российской Федерации, будет определяться правоприменителем исходя из совокупности общих признаков недобросовестной конкуренции, перечисленных в п. 9 ст. 4 Закона о защите конкуренции [2].

В свою очередь, регламентации понятия «злоупотребление правом» посвящены нормы п. 1 ст. 10 «Пределы осуществления гражданских прав» Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [3], в соответствии с которым «не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). Не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке».

В общем виде злоупотреблением правом можно назвать правомерные действия, совершаемые с противоправной целью [4]. Как отметил Верховный суд Российской Федерации: «злоупотребление правом имеет место в случае, когда субъект поступает вопреки правовой норме, предоставляющей ему соответствующее право, не соотносит свое поведение с интересами общества и го-

сударства, не исполняет корреспондирующую с данным правом юридическую обязанность» [5].

В научном сообществе сформировалось несколько подходов к определению соотношения понятий злоупотребления правом и недобросовестной конкуренции. Условно их можно разделить на три группы.

В первую группу следует включить мнения ученых, которые придерживаются позиции о полной самостоятельности указанных понятий. Они рассматривают недобросовестную конкуренцию в качестве злоупотребления не правами, а экономическими возможностями, в частности, конкуренцией.

С данной точкой зрения нельзя полностью согласиться в силу того, что любая экономическая возможность в той или иной мере урегулирована правовыми нормами, представляя собой субъективное право. Так, Закон о защите конкуренции закрепляет понятие конкуренции и обеспечивает надлежащее правовое регулирование отношений, связанных с ее защитой. Следовательно, конкуренцию следует рассматривать не просто как экономическую возможность, а как право хозяйствующих субъектов, которое регулируется и охраняется действующим законодательством.

Ученые, точки зрения которых можно отнести ко второй группе, считают, что недобросовестная конкуренция является злоупотреблением хозяйствующими субъектами правом на конкуренцию, представляя собой одну из форм злоупотребления правом. Сторонники данной позиции полагают, что несмотря на отсутствие недобросовестной конкуренции в перечне форм злоупотребления правом, установленном п. 1 ст. 10 ГК РФ, данный пункт не содержит и прямых указаний на то, что недобросовестная конкуренция таковой не является.

О. А. Порошикова отмечает, что ст. 10 ГК РФ не содержит ссылок на недобросовестную конкуренцию, но упоминает об «использовании гражданских прав в целях ограничения конкуренции», и приходит к выводу о необходимости дополнения нормы абз. 2 п. 1 ст. 10 ГК РФ запретом недобросовестной конкуренции [6, с. 133].

Третья группа ученых утверждает, что недобросовестная конкуренция представляет собой одновременно как форму злоупотребления правом, так и самостоятельную правовую категорию. Они небезосновательно отмечают, что формы недобросовестной конкуренции, перечисленные в главе 2.1. Закона о защите конкуренции, в силу установления в их отношении законодательного запрета не могут выступать в качестве злоупотребления правом, т. к. по своей правовой природе являются правонарушениями. Соответственно, хозяйствующие субъекты не обладают правом на недобросовестную конкуренцию в указанных формах, чтобы у них была возможность ими злоупотреблять. Однако, с другой стороны, остальные возможные формы недобросовестной конкуренции, которые прямо не запрещены законом, могут представлять собой злоупотребление правом в форме осуществления гражданских прав исключительно с намерением причи-

нить вред конкурентам. К таким действиям может непосредственно применяться п. 1 ст. 10 ГК РФ постольку, поскольку хозяйствующий субъект, реализуя свое право на конкуренцию, действует вопреки требованиям добропорядочности, разумности и справедливости, а «последствиями указанной недобросовестной конкуренции является фактическое ограничение конкуренции в пределах релевантного рынка» [7, с. 34].

В рамках указанной точки зрения в качестве примера можно привести ситуацию из судебной практики Арбитражного суда Приморского края. Суд поддержал вывод антимонопольного органа о том, что действия ООО «Владторгсервис» по установке сплошного высокого ограждения на своем земельном участке, препятствующего проходу в торговый объект его конкурента ООО «Гудвин», являются формой недобросовестной конкуренции (статья 14.8 Закона о защите конкуренции), и не отвечают общим требованиям честных обычаев в торговых делах и представлениям о добропорядочном, разумном и справедливом поведении [8]. Представляется, что подобное поведение ООО «Владторгсервис» наряду с недобросовестной конкуренцией может свидетельствовать о злоупотреблении им правом на использование принадлежащего ему земельного участка.

Другой пример отражен в практике Арбитражного суда города Москвы: суд установил, что антимонопольный орган правомерно усмотрел в действиях ООО «Мирролла Лаб», выразившихся в производстве гигиенического средства «Аквасол» в упаковке, сходной с упаковкой медицинского изделия «Аквалор» производства АО «Нижфарм», признаки нарушения антимонопольного законодательства в виде недобросовестной конкуренции, запрет на которую установлен статьей 14.8 Закона о защите конкуренции [9]. Судом отмечено, что действия ООО «Мирролла Лаб» направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности по сравнению с другими хозяйствующими субъектами-конкурентами, производящими гигиенические средства, но не использующими упаковки, сходные с упаковкой медицинского изделия. Данные действия также можно квалифицировать в качестве злоупотребления хозяйствующим субъектом правом на индивидуализацию товаров.

Следует отметить, что неоднозначное понимание соотношения исследуемых понятий наблюдается и в практике Суда по интеллектуальным правам Российской Федерации (далее — СИП РФ), который в одних случаях рассматривает недобросовестную конкуренцию в качестве формы злоупотребления правом, а в других указывает обратное.

Так, в Решении от 31.08.2023 по делу № СИП-428/2023 СИП РФ отметил следующее: «...доводы и доказательства истца, направленные на установление факта злоупотребления ответчиком правом при использовании товарного знака, основаны на положении абзаца второго пункта 1 статьи 10 ГК РФ, в соответствии с которым не допускается использование гражданских прав в целях ограничения

конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке. В контексте данной нормы акты недобросовестной конкуренции, в том числе связанные с приобретением и использованием исключительного права на средство индивидуализации по смыслу норм Закона о защите конкуренции, также являются и злоупотреблением правом» [10]. В Постановлении от 20.04.2022 по делу № А40–326340/2019 СИП РФ указал: «Суд вправе отказать лицу в защите его права на товарный знак на основании статьи 10 ГК РФ..., если исходя из фактических обстоятельств конкретного спора, установит злоупотребление правом со стороны правообладателя товарного знака (факт недобросовестной конкуренции) [11].

С другой стороны, в Постановлении СИП РФ от 26.01.2018 № С01–1015/2017 по делу № А32–14332/2017 отмечено следующее: «Критерием квалификации действий лица, зарегистрировавшего обозначение в качестве товарного знака, как злоупотребления правом или недобросовестной конкуренции может служить предшествовавшее использование спорного обозначения» [12]. Аналогичная формулировка содержится и в Постановлении СИП РФ от 02.03.2018 № С01–1161/2017 по делу № А40–254281/2016 [13]. Как видим, разделительная частица «или», находящаяся между понятиями злоупотребления правом и недобросовестной конкуренции, демонстрирует их неравнозначность по мнению суда.

Однако, несмотря на указанную противоречивость в судебных актах СИП РФ, обратим внимание на следующее. Нередки случаи, когда в действиях лица имеется только часть признаков недобросовестной конкуренции, но при этом установлено, что действия осуществлены исключительно с намерением причинить вред другому лицу, совершены в обход закона с противоправной целью, либо наблюдается иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав. В данной ситуации ввиду отсутствия всей совокупности признаков недобросовестной конкуренции возможна квалификация действий лица только как злоупотребление правом. Следовательно, нельзя отрицать тесную связь исследуемых понятий, в частности, действие, являющееся злоупотреблением правом, при дополнительном наличии признаков недобросовестной конкуренции может быть квалифицировано и в качестве такового.

На основании изложенного можно сделать вывод, что злоупотребление правом представляет собой первичную, базовую правовую категорию, отражающую сущность деструктивного использования правовых норм. В свою очередь, недобросовестная конкуренция в определенных случаях может представлять её производную форму, адаптированную к специфике рыночных отношений. Как верно замечено О. В. Голиковой, «сложившаяся ситуация не уникальна и в целом весьма типична для эволюции всех правовых институтов» [14].

Литература:

1. О защите конкуренции Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 14.10.2024) // СЗ РФ. — 2006. — № 31 (Ч. 1). — Ст. 3434.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // СПС «Гарант».
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
4. Муратова, Т. Б. Злоупотребление правом: общетеоретические вопросы / Т. Б. Муратова. — Текст: непосредственный // Modern Science. — 2021. — № 8. — С. 44–47.
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 03.02.2015 № 32-КГ14–17 // СПС «Гарант».
6. Порошникова, О. А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом: монография / О. А. Порошникова. — 3-е изд. — Москва: Юрайт, 2024. — 241 с. — Текст: непосредственный.
7. Егорова, М. А. Гражданско-правовые последствия нарушений антимонопольного законодательства: монография / М. А. Егорова. — Москва: Юстицинформ, 2020. — 408 с. — Текст: непосредственный.
8. Решение Арбитражного суда Приморского края от 06.06.2024 по делу № А51–2406/2024 // СПС «Гарант».
9. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 28.10.2020 по делу № А40–71661/2020 // СПС «Гарант».
10. Решение Суда по интеллектуальным правам от 31.08.2023 по делу № СИП-428/2023 // СПС «Гарант».
11. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 20.04.2022 № С01–1638/2020 по делу № А40–326340/2019 // СПС «Гарант».
12. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 26.01.2018 № С01–1015/2017 по делу № А32–14332/2017 // СПС «Гарант».
13. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 02.03.2018 № С01–1161/2017 по делу № А40–254281/2016 // СПС «Гарант».
14. Голикова, О. В. Недобросовестная конкуренция и злоупотребление правом / О. В. Голикова. — Текст: непосредственный // Конкурентное право. — 2011. — № 1. — С. 39–45.

Альтернативные способы защиты гражданских прав: медиация, арбитраж и переговоры

Заяц Анастасия Вадимовна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В современном мире правовые системы стремительно развиваются, с каждым годом возрастает количество споров в правовом поле, а традиционные судебные процедуры часто оказываются недостаточно эффективными для оперативного разрешения конфликтов. В связи с этим, все большую актуальность приобретают альтернативные способы защиты гражданских прав, такие как медиация, арбитраж и переговоры. Федеральный закон № 193 от 27 июля 2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» определяет главную цель таких процедур — снижение нагрузки на судебную систему [1].

Медиация, арбитраж и переговоры, как ключевые методы АСПС, предлагают уникальные возможности для разрешения конфликтов в различных областях. Такие относительно новые методы позволяют сторонам достичь компромиссного решения без обращения в суд, что способствует не только снижению нагрузки на судебную систему, но и ускорению процесса разрешения споров.

Процедура медиации основана на принципах добровольности, конфиденциальности и сотрудничества, что позволяет сторонам конфликта самостоятельно определять условия соглашения, а это способствует достижению более справедливого и взаимовыгодного решения. Арбитраж и третейское разбирательство, обеспечивает юридическую силу решения, что делает такой способ более надежным. Переговоры, в свою очередь, позволяют сторонам напрямую взаимодействовать для достижения взаимоприемлемого решения.

В современной практике медиация является эффективным инструментом по разрешению конфликтов и широко применяется в разных правовых системах. Медиация — особая форма посредничества и особая форма примирительной процедуры. Она позволяет сторонам при содействии независимого и беспристрастного лица выбрать взаимовыгодное и исполнимое решение, которое будет отвечать интересам всех участников конфликта. Таким образом, медиация является структурированным процессом разрешения конфликтов, в котором нейтральная третья сторона, известная как медиатор, помогает прийти к компромиссному решению, а специфика процедуры позволяет участникам конфликта активно проявляться в поиске решения, что способствует достижению удовлетворительного исхода.

Моисеенкова Е. В. в своей научной статье уделила внимание роли медиации в семейных отношениях: «Медиатор способствует тому, чтобы спорящие стороны в семейных правоотношениях сами смогли определить суть существующей проблемы самостоятельно ее урегулировать при его

содействии. Главная задача медиатора — помочь договаривающимся сторонам оценить ситуацию со стороны, обосновать юридическую сторону вопроса, разъяснив различные ее аспекты, а также учесть эмоциональное состояние людей» [6].

Таким образом это подтверждает, что медиация является особенно эффективной в сфере семейных и трудовых споров, где важно сохранить отношения между сторонами и достичь решения, учитывающего интересы всех участников конфликта. Данная процедура позволяет сторонам самостоятельно определять условия соглашения, что способствует достижению оптимального решения.

На первом этапе медиации предполагается ознакомление с процессом процедуры и выбором медиатора, далее стороны, совместно с медиатором определяют перечень проблемных вопросов, провоцирующих конфликт сторон, обмениваются информацией и точкой зрения с целью разъяснения позиций и конкретизации претензий, и далее стороны совместно с медиатором предлагают и рассматривают варианты решения спорной ситуации. В конечном итоге, стороны приходят к обоюдному решению, которое фиксируется в соглашении.

Однозначными преимуществами медиации является добровольность участия в процессе, закрытый режим и сохранение независимости в определении условий за счет гибкости процедуры. Но с другой стороны, такой способ решения не обладает юридической силой, а следовательно, не дает гарантии исполнения достигнутых договоренностей, кроме того, успех во многом зависит от готовности сторон сотрудничать и идти на компромисс.

Арбитраж, или третейское разбирательство, характерно тем, что стороны передают спор на рассмотрение арбитра или группы арбитров. Решение арбитража, в отличие от медиации, имеет юридическую силу и может быть принудительно исполнено, что гарантирует его исполнения для сторон. Другими словами, арбитраж предоставляет сторонам возможность разрешить конфликт вне судебной системы, но с сохранением юридической силы решения. Дюжев Я. Ю. в своей научной статье подчеркивал, что использование принципов равновесия и справедливости в арбитражных процедурах являются весьма актуальными, ведь от этого зависит эффективность и легитимность итогового решения [4].

В соответствии с Федеральным законом от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» и Законом Российской Федерации от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» процесс арбитража включает несколько этапов: стороны заключают соглашение о пе-

редаче спора на рассмотрение арбитража и выбирают арбитра (группу арбитров), которые будут рассматривать спор. Далее стороны представляют доказательства и аргументы в поддержку своих позиций, а арбитры начинают разбирательство, в ходе которого рассматриваются представленные доказательства и аргументы. Арбитры выносят решение, которое имеет юридическую силу и может быть принудительно исполнено [2].

Говоря о преимуществах данной процедуры, основным является юридическая сила решения, кроме того, арбитры обладают специализированными знаниями в определенной области, а закрытый режим рассмотрения таких споров позволяет сторонам сохранить конфиденциальность, что особенно важно для споров в коммерческой сфере, гибкость процесса позволяет сторонам адаптировать его к своим потребностям. Объективными минусами такой процедуры является высокая стоимость, и стоит отметить, что арбитражный процесс более формальный по сравнению с медиацией, что требует от сторон соблюдения регламента и процедурных правил.

Переговоры следует воспринимать как процесс совместного принятия решения двумя или более противостоящими сторонами юридического конфликта [7]. В отличие от медиации и арбитража, они не требуют участия третьей стороны и основаны на прямом общении между конфликтующими сторонами. Переговоры являются одним из самых распространенных и естественных способов разрешения споров, позволяя сторонам самостоятельно контролировать процесс и результат.

Переговоры могут проводиться в различных формах, включая неформальные встречи, официальные переговорные процессы и даже переписку. Мельников В. В. в своем правовом исследовании сделал вывод о том, что переговоры являются эффективным инструментом разрешения конфликтов в юридической практике. Они по-

зволяют избежать длительных и затратных судебных процессов, дают возможность сторонам найти компромиссное решение и сохранить деловые или личные отношения. Успех переговоров зависит от правильной подготовки, конструктивного диалога и желания сторон идти на взаимные уступки [5]. Таким образом, переговоры являются ключевым элементом в процессе разрешения конфликтов, позволяя сторонам сохранить отношения и достичь решения, учитывающего интересы всех участников.

Изучая процедуру переговоров, можно выделить следующие преимущества: контроль над процессом, что способствует его адаптации под потребности и интересы сторон, высокая степень гибкости, что способствует улучшению климата взаимоотношений сторон в долгосрочной перспективе, а также конфиденциальность. Очевидный недостаток переговоров проявляется в прямой зависимости настроения сторон и результата процедуры и полное отсутствие юридической силы такого решения.

В Российской Федерации переговоры не регулируются специальным законодательством, однако они широко применяются на практике. Переговоры могут быть частью процесса медиации или предшествовать арбитражу, что позволяет сторонам сначала попытаться разрешить спор самостоятельно, а затем прибегнуть к помощи третьей стороны или арбитража.

Альтернативные способы защиты гражданских прав, такие как медиация, арбитраж и переговоры, играют важную роль в современной правовой системе. Они предоставляют сторонам конфликта возможность разрешить споры более эффективно и с меньшими затратами. Однако выбор между этими методами зависит от конкретных обстоятельств и потребностей сторон. В некоторых случаях может быть целесообразно использовать комбинацию этих методов для достижения наилучшего результата.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».
2. Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации».
3. Закон Российской Федерации от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже».
4. Дюжев Я. Ю. Способы достижения равновесия в арбитражных процедурах // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 1–3 (88). — С. 155
5. Мельникова В. В. Переговоры как способ завершения конфликтов в юридической практике // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 10–5 (97) — С. 128
6. Моисеенкова Е. В. Медиация как способ досудебного урегулирования споров в семейных правоотношениях в российской федерации // Universum: экономика и юриспруденция. — 2024. — № 7 (117). — С. 31
7. Хохлова Е.М, Рёбрушкина М. А. Понятие переговоров // Евразийский научный журнал — 2016. — № 5 — С. 55.

Гражданско-правовые средства защиты имущественных прав

Землянский Михаил Дмитриевич, студент
Донецкий государственный университет

Защита имущественных прав приобрела особую значимость в условиях динамичного развития рыночных отношений и усложнения гражданско-правовых правоотношений. Наличие нормативно-правовых пробелов, а также противоречивость судебной практики и разнообразие правовых подходов стимулируют научный интерес к совершенствованию охраны права собственности.

Актуальность темы подтверждается многочисленными дискуссиями в научной литературе и практическими кейсами [1, с.297; 4, с.56].

Объектом исследования выступают общественные правоотношения в сфере имущественного права, охватывающие все этапы формирования, реализации и защиты прав собственности.

Предметом исследования являются правовые способы (методы) защиты имущественных прав, то есть специфические механизмы установления и обеспечения права собственности, определяющие юридическую природу и особенности его реализации в гражданско-правовом регулировании.

Цель работы — расширение и систематизация теоретических знаний о средствах защиты имущественных прав и разработка обоснованных предложений по совершенствованию системы правовой охраны собственности [1, с.297].

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

- анализ теоретической базы и изучение современных подходов к классификации способов защиты имущественных прав;

- систематизация существующих правовых механизмов защиты права собственности, включающих вещно-правовые (например, виндикационный иск, негативный иск, иск о признании права собственности) и обязателъственно-правовые средства;

- выявление проблем, возникающих в нормативном регулировании и правоприменительной практике на основе анализа судебной практики и нормативных актов;

- формулирование собственных предложений и рекомендаций, направленных на повышение эффективности защиты имущественных прав за счёт интеграции судебных, административных и договорных инструментов [1, с.297; 4, с.56].

В работе использованы методы сравнительного правового анализа, системного и структурного анализа, историко-правовой метод, а также методы логического анализа и синтеза. Применение данных методов позволило всесторонне исследовать проблему охраны имущественных прав, выявить закономерности формирования правового

механизма защиты права собственности и определить проблемные области в практике его реализации [1, с.297; 7, с.12].

Исследование опирается на труды отечественных и зарубежных учёных (Суханов, Лапач, Сергеев, Толстой, Магазинер и др.), анализ монографий, учебных пособий и судебной практики, что позволило подробно рассмотреть понятие вещи, её классификацию (движимые/недвижимые, делимые/неделимые, простые/сложные и т. д.) и установить правовые режимы. Особое внимание уделено различию между понятием «собственность» как экономического отношения и «правом собственности» как юридической возможности распоряжаться имуществом, что является фундаментом для осуществления имущественных правоотношений [1, с.205; 2, с.244].

Работа демонстрирует, что право собственности возникает на основании совокупности юридических и фактических действий, где существенную роль играют первичные (изготовление, переработка, приобретательная давность, находка и т. д.) и производные способы (гражданско-правовые сделки, наследование, приватизация). Прекращение права собственности происходит на основании предусмотренных законом юридических фактов, таких как отчуждение, отказ, уничтожение объекта и другие обстоятельства, что подчёркивает динамичный характер имущественных правоотношений [1, с.297; 3, с.377].

Особое внимание уделено анализу субъективного права собственности как основы гражданских правоотношений, включающему возможности владения, пользования и распоряжения имуществом. Защита прав обеспечивается через комплексы мер государственной и судебной защиты, предусматривающих как материальные, так и процессуальные меры, что позволяет эффективно противостоять угрозам нарушения прав собственности [1, с.288; 2, с.107].

Работа разделяет способы защиты права собственности на два основных типа:

- **Вещно-правовые способы** — включают виндикационный иск (истребование имущества из чужого незаконного владения), негативный иск (устранение препятствий для пользования имуществом) и иск о признании права собственности, направленные на восстановление абсолютного права владения [1, с.626; 3, с.12].

- **Обязательственно-правовые способы** — применяются в случае нарушения договорных отношений, предусматривая возмещение убытков, взыскание неустойки, а также возвращение безосновательно приобретённого имущества. Отличие заключается в том, что эти меры

носят относительный характер и зависят от конкретных обязательственных отношений между сторонами [1, с.619; 4, с.56].

Помимо судебных мер, в работе рассматриваются и внесудебные способы защиты, такие как меры оперативного воздействия, самозащита и медиация. Эти способы позволяют собственнику самостоятельно принимать меры по защите своих прав до обращения в судебные инстанции, что особенно важно при быстром реагировании на нарушение прав и предотвращении потенциального ущерба [1, с.288; 5, с.94].

На основании анализа действующего законодательства и судебной практики сформулированы следующие предложения:

- гармонизация теоретических положений с практическими реалиями;
- уточнение терминологии и совершенствование норм Гражданского кодекса РФ;
- усиление механизмов государственной регистрации прав собственности;

— разработка дополнительных нормативно-правовых актов, способствующих повышению эффективности судебной защиты;

— интеграция судебных, административных и досудебных инструментов охраны права собственности.

Такой комплексный подход позволит обеспечить стабильность гражданского оборота и сформировать высокую правовую культуру участников экономических отношений [1, с.297; 9, с.125].

Проведённое исследование выявило, что эффективная защита имущественных прав требует комплексного использования как вещно-правовых, так и обязательственно-правовых мер, учитывающих двойственность права собственности: его абсолютный характер в вещных правоотношениях и относительность в сфере обязательственных отношений. Результаты исследования имеют как теоретическую, так и практическую значимость, способствуя совершенствованию механизмов охраны имущественных прав в условиях динамично развивающейся экономики [1, с.297; 8, с.167].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм. от 1 июля 2020 г.). // КонсультантПлюс.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.). // КонсультантПлюс.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025). // КонсультантПлюс.
4. Суханов Е. А. Российское гражданское право: Учебник. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011.
5. Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: Теория и судебная практика. СПб.: Изд-во «Юридич. центр Пресс», 2002.
6. Черепашин Б. Б. Труды по гражданскому праву. 2-е изд. Москва: Статут, 2020.
7. Подшивалов Т. П. Негаторный иск: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.
8. Перова М. В. Система способов защиты права собственности в современном гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007.
9. Рыбаков В. А., Мечетина Т. А. О правовом отношении собственности и квалификации вещно-правовых способов защиты права собственности // Юрист, 2013, № 23, с. 14–18.
10. Обзор судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения: информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 января 2013 г. № 153. // КонсультантПлюс.

Проблемные аспекты деятельности органов власти в сфере сохранения объектов культурного наследия (на примере Пензенской области)

Ибрагимов Евгений Владимирович, студент магистратуры
Пензенский государственный университет

На примере Пензенской области рассмотрены проблемные аспекты деятельности органов власти при реализации полномочий по сохранению объектов культурного наследия. Автором даны рекомендации по повышению эффективности реализации законодательных норм на практике.

Ключевые слова: культурное наследие, объекты культурного наследия, историко-культурная экспертиза, единый государственный реестр, памятник архитектуры.

Стратегия государственной национальной политики России на период до 2025 года [1] в качестве одного из ключевых постулатов преподносит тезис о том, что историческое и культурное наследие выступает в качестве одной из основ национальной политики.

О повышенном внимании к проблемам сохранения культурных традиций, культурного наследия, культурной самобытности со стороны руководства, несомненно, говорит и внесение изменений в Основной закон нашего государства в части, касающейся сферы культуры. Так, в результате проведения в 2020 году конституционной реформы статья 68 Конституции РФ дополнилась пунктом 4, согласно которому «культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа. Культура поддерживается и охраняется государством» [2]. Становление вышеуказанного положения конституционной нормой в очередной раз подчеркивает важность охраны и защиты культурного наследия и определяющую роль органов власти в плане организации данного процесса.

В последние годы законодательная база в области регулирования правоотношений в сфере охраны объектов культурного наследия продолжает совершенствоваться. Однако, несмотря на значительную работу, проделанную законодателями в области устранения пробелов в правоотношениях, возникающих в сфере охраны объектов культурного наследия, проблемы все еще сохраняются.

Анализ законодательства выявляет единый алгоритм действий для всех видов работ по сохранению объектов культурного наследия (ОКН). На практике это выражается в следующей обязательной процедуре:

— Историко-культурная экспертиза. Проводится до начала любых работ на объекте и служит обоснованием для последующих решений.

— Получение задания на проведение работ. Определяет перечень и характер необходимых мероприятий и утверждается уполномоченным органом охраны ОКН.

— Оформление разрешения. Обязательное условие начала работ, выдаваемое органом охраны ОКН после рассмотрения документов

— Согласование проектной документации. Проводится специализированным органом охраны наследия

и обеспечивает соответствие работ требованиям сохранности объекта.

— Осуществление технического, авторского надзора и государственного надзора при ремонте ОКН.

Проведение работ, связанных с сохранением и ремонтом объектов культурного наследия возможно лишь при наличии у организации лицензии на соответствующий вид деятельности.

Высокий уровень требований к данным работам с одной стороны безусловно уместен, с другой стороны при практической реализации такой подход органов власти ведет к возникновению ряда проблем.

Так, правовая дефиниция понятия «сохранение объектов культурного наследия» в соответствии с положениями Закона № 73-ФЗ включает:

— Все виды работ от текущего ремонта до реконструкции (так, оштукатуривание небольшой неровности на стене и прикручивание на место оторвавшегося напольного плинтуса относят к ремонтным работам)

— Мероприятия как на архитектурно-ценных элементах, так и на технических конструкциях. (Например, кирпичное основание забора возле Ленинского районного суда г. Пензы (объект культурного наследия регионального значения «Дом жилой XIX в») не обладает культурной и исторической ценностью, но является неотъемлемой структурной составляющей памятника архитектуры).

Проблемы правоприменительной практики при чрезмерно расширительном толковании приводит к необходимости:

— Получения разрешений даже для незначительных работ (косметический ремонт, устранение мелких дефектов).

— Проведения экспертиз для технических элементов без историко-культурной ценности.

— Полного согласования проектной документации независимо от масштаба работ.

Правовые последствия такого подхода приводят к значительному увеличению сроков проведения работ, бюрократическим барьерам для собственников и, в целом ряде случаев, к неоправданному росту финансовых затрат.

Приведем в качестве примера следующие данные. В 2024 году Управлением Судебного департамента в Пен-

зенской области был осуществлен ряд закупок. Начальная цена контракта на выполнение проектно-изыскательских работ нежилых помещений для размещения Городищенского районного суда площадью 787,3 кв. м., (здание не является ОКН) составила 197 120,00 рублей [3]. Тогда как начальная цена контракта на выполнение проектно-изыскательских работ для капитального ремонта здания Спасского районного суда площадью 630,1 кв. м, являющегося объектом культурного наследия составила 958 132,00 рублей [4]. Дополнительным условием последнего контракта было проведение работ по сохранению и восстановлению внешнего облика фасада (памятника истории и культуры) регионального значения «Здание, где с 1918 г. размещался совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» и как следствие, цена при расчете на квадратный метр для объекта культурного наследия оказалась выше в 6 раз.

Следующим блоком проблемных моментов является, на наш взгляд, отсутствие в федеральном законодательстве норм, закрепляющих унификацию органов государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих полномочия в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия.

Например, исполнительным органом государственной власти Пензенской области, уполномоченным в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия на территории Пензенской области с момента принятия № 73 ФЗ являлись:

- с 2002 по 2009 гг. — Министерство культуры Пензенской области,
- с 2009 по 2012 гг. — Министерство культуры и архива Пензенской области,
- с 2012 по 2015 гг. — Управление культуры и архива Пензенской области,
- с 2015 по 2021 гг. — Комитет Пензенской области по охране памятников истории и культуры,
- с 2021 по 2023 гг. — Департамент Пензенской области по охране памятников истории и культуры,
- с 2023 г. — по настоящее время — Министерство по охране памятников истории и культуры Пензенской области [5].

Такая «чехарда» с передачей полномочий по охране объектов культурного наследия от одного органа к другому, либо постоянная реорганизация органов, отвечающих за охрану ОКН не может способствовать оперативному решению проблем, существующих в отрасли. Вместо решения вопросов по охране ОКН, определенная доля рабочего времени в вышеперечисленных органах была посвящена решению вопросов правопреемственности и приведению в соответствие названию внутреннего документооборота организации.

Следующий, на наш взгляд, проблемный аспект — правоприменительная практика в отношении недобросовестных собственников объектов культурного наследия.

Статья 54 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [6] закрепляет правовой механизм принудительного изъятия объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр, у собственника в случае систематического неисполнения им установленных требований по сохранению данного объекта культурного наследия или совершающего действия, угрожающие сохранности данного объекта и влекущие утрату им своего значения.

Уполномоченные органы публичной власти готовят обращение (иск) в суд. Суд при наличии доказательств о ненадлежащем содержании собственником объекта культурного наследия выносит решение об его изъятии. При этом, несмотря на то, что нормативно-правовая база, по сути, обладает необходимым набором юридических механизмов для защиты и охраны культурного наследия от проявлений вандализма и недобросовестного владения, на практике применение данных положений осуществляется крайне редко.

Так, Федеральный закон № 73 ФЗ был принят в 2002 году. И лишь в марте 2023 года впервые в истории Пензенской области Ленинский районный суд города Пензы постановил изъять у частного владельца объект культурного наследия. В центре внимания суда оказался исторический особняк XIX века, расположенный по адресу улица Калинина, 2, а именно — одна из его квартир [7]. То, что часть здания находилась в частной собственности, тогда как остальное площади принадлежали муниципалитету, долгое время создавало серьезные препятствия для его реставрации.

Для повышения эффективности работы по сохранению объектов культуры требуется усиление межведомственного взаимодействия и привлечение внебюджетных источников финансирования; поскольку главной проблемой, на наш взгляд, является потребность в огромных финансовых вложениях. Одним из существенных источников внебюджетного финансирования является внутренний туризм.

Для успешного сохранения ОКН необходимо привлекать бизнес-сектор, охватывающий широкий спектр сфер, от отелей и ресторанов до транспортных услуг. Важно отметить, что, хотя развитие туризма часто способствует сохранению культурного наследия, в отдельных ситуациях оно может и противостоять этой цели.

Популяризация объектов несет двойственные последствия. Положительный эффект роста туристического потока заключается в привлечении дополнительных финансовых средств, что в свою очередь стимулирует реставрационные работы (например пожертвования паломников помогают сохранить в надлежащем виде архитектурный ансамбль объекта культурного наследия федерального значения Троице-Сканов монастырь в с. Наровчат Пензенской области [8]). Примерами негативного воздействия является провоцирование массовым туризмом физического износа объектов.

Пути решения проблемных аспектов видятся нам в проведении следующих юридически значимых действий:

1) Внести изменения в Закон № 73-ФЗ в следующих аспектах:

— Четко разграничить «техническое обслуживание» и «реставрацию».

— Установить разные процедуры для разных видов работ.

2) Разработать методические рекомендации по классификации элементов объекта и по определению характера необходимых работ

3) Ввести упрощенный порядок для работ на технических элементах и неотложных противоаварийных мероприятий.

4) Цифровизация процедур согласования, что сократит срок прохождения всех требуемых законом этапов.

5) Для мелких ремонтных работ необходимо максимально упростить процедуру получения разрешения на проведение таких вплоть до отмены обязанности получать разрешение на проведение таких работ в органе охраны.

Помимо этого, необходим комплексный подход для успешного развития туризма, основанного на культурном наследии, необходим комплексный подход. Данный подход, с одной стороны, должен способствовать привлечению финансовых средств, с другой — ограждать объекты культурного наследия от преждевременного разрушения.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [электронный ресурс] <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013>.
2. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512.shtml> (дата обращения: 09.03.2025).
3. Официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок. [Электронный ресурс] // URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ea20/view/common-info.html?regNumber=0355100010924000056> (дата обращения: 12.04.2025)
4. Официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок [Электронный ресурс] // URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ok44/view/common-info.html?regNumber=0355100010914000176> (дата обращения: 12.04.2025)
5. «Об утверждении Положения о Министерстве по охране памятников истории и культуры Пензенской области». Постановление правительства Пензенской области от 3 марта 2023 года № 131-пП. [Электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/406548083> (дата обращения 15.04.2025)
6. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 N 73-ФЗ. [Электронный ресурс] // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076756> (дата обращения 15.04.2025)
7. Впервые в Пензенской области суд принял решение об изъятии объекта культурного наследия у собственника. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.penza-press.ru/news/history-of-penza/52128/> (дата обращения 15.04.2025)
8. Троице-Сканов монастырь — яркий памятник архитектуры второй половины XVIII века — второй половины XIX века. [Электронный ресурс] // URL: <https://kopik.pnzreg.ru/news/obshchestvo/1995/> (дата обращения 18.04.2025)

Потребительский кредит как вид кредитного договора

Иванова Анастасия Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Ушакова Екатерина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается правовая природа потребительского кредита, его соотнесённость с классификацией гражданско-правовых договоров, принятых в правоведении. Проанализированы общие и специальные условия договора потребительского кредита, заключаемого заёмщиком в виде физического или юридического лица и займодавцем в лице коммерческого банка, отмечается подробное законодательное регулирование процентных ставок и штрафных санкций за просрочку, выделена позиция высших судов по толкованию данного соглашения. Данный вид кредита в исследовании сравнивается с микрозаймом, границы между которыми, как отмечает ЦБ РФ, всё больше стираются. Цель данной

статьи — исследовать потребительский кредит как вид займа, осветить условия его заключения с позиций юридической определённости.

Ключевые слова: потребительский кредит, банк, заёмщик, заём, договор.

Consumer credit as a type of loan agreement

Ivanova Anastasiya Sergeevna, student master's degree

Scientific advisor: Ushakova Yekaterina Vladimirovna, candidate of law sciences, associate professor

Moscow University of Finance and Law

The article examines the legal nature of consumer credit, its correlation with the classification of civil law contracts adopted in jurisprudence. The general and special terms of a consumer loan agreement concluded by a borrower in the form of an individual or legal entity and a lender represented by a commercial bank are analyzed, the detailed legislative regulation of interest rates and penalties for delay is noted, and the position of the higher courts on the interpretation of this agreement is highlighted. This type of loan is compared in the study with a microloan, the boundaries between which, as noted by the Central Bank of the Russian Federation, are increasingly blurred. The purpose of this article is to explore consumer credit as a type of loan, to highlight the conditions of its conclusion from the standpoint of legal certainty.

Keywords: consumer credit, bank, borrower, loan, contract.

Современное развитие экономических отношений привело к бурному расцвету рынка кредитования. По сведениям Центрального банка России, около 50 миллионов человек составляет общее количество заёмщиков в банках и микрофинансовых организациях, постоянно увеличивается количество граждан, имеющих три кредита и более. Средний размер выданного кредита растёт, в среднем каждый работающий должен около полу-миллиона рублей. Задолженность россиян перед банками и МФО составила в совокупности около 34 триллионов рублей [4]. Появляются всё новые технические возможности для оформления договора займа. Всё это требует внимательного законодательного регулирования данной сферы и осмысления с точки зрения юридической науки.

Сам по себе кредит, по мнению многих учёных, относится к двустороннему и возмездному договору, при этом являясь разновидностью соглашения займа. Предметом договора являются денежные средства [3].

Что касается отнесения кредита к реальному или консенсуальному договору, то здесь мнения разделяются. Как считает И. Е. Михеева, если предоставление кредита зависит от определённых условий, то это делает данный договор консенсуальным, если же нет, то договора может быть и реальным [5]. Другие исследователи считают, что условность соглашения не должна влиять на признание договора реальным или консенсуальным, обосновывая это тем, что разграничение договоров по правилам их заключения и даты возникновения обязательств основывается на волеизъявлении сторон согласно 157 Гражданского кодекса РФ и на правовых нормах в соответствии со статьёй 433 ГК РФ [11]. По мнению Е. А. Суханова, консенсуальность кредита для хозяйствующих субъектов предпочтительна в силу того, что у заёмщика нет гарантии привлечения финансов, поскольку отсутствуют методы принуждения по отношению к займодавцу [2].

Также некоторые правоведы отмечают, что реальность данного соглашения подтверждается, когда заёмщик при наличии возможности оформляет предварительный кредитный договор и может вносить в дальнейшем изменения. Другие отмечают, что у заёмщика есть возможность принудить кредитора к выдаче финансов [1], но не стоит забывать, что законодатель в статье 821 ГК РФ предусмотрел, что займодавец может отказаться от предоставления финансов, если есть обстоятельства, которые указывают на то, что деньги не будут возвращены вовремя.

Возмездная природа кредитного договора обусловлена тем, что банк оказывает услуги, то есть ведёт предпринимательскую деятельность, является коммерческими организациями, то есть нацелены на извлечение прибыли. Главный признак желания получить прибыль — начисление процентов за пользование деньгами, это подчёркивается Федеральными законами «О потребительском кредите (займе)» [10], «О банках и банковской деятельности» [8].

Очень схож с потребительским кредитом микрозайм, но выдаётся он микрофинансовой организацией (тоже получающей лицензию от ЦБ на подобные услуги, как и банк), на небольшую сумму и небольшой срок, под большие проценты, а регулируется Федеральным законом «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» [9]. Тот же ЦБ отмечает тенденцию, что граница между микрозаймом и потребительским кредитом постепенно стирается: в первом квартале 2025 года МФО выдали более половины микрозаймов на срок более одного года, средние ставки по таким договорам приблизились к банковским, средний размер займа вырос в полтора раза по сравнению с прошлым годом [7].

Также вызывает споры и отнесение кредита к публичному договору. В публичном договоре стоимость услуг должна быть одинаковой для всех клиентов. Законодательно список договоров, относящихся к публичным, не

ограничен и является открытым, но тут нужно учитывать и судебную практику: Пленум Верховного суда РФ в своём Постановлении от 25.12.2018 г. «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ о заключении и толковании договора» выразил свою позицию по данному вопросу и отметил, что кредит не относится к публичным договорам на основании статьи 819 ГК РФ [6].

Участие коммерческих организаций позволяет не относить данный договор к публичным. При этом банк не обязан заключать кредитное соглашение с каждым, кто обращается к нему за такой услугой, поскольку может отказать фирме в кредитовании, а ведь по условиям статьи 426 ГК РФ потребитель имеет право обратиться в суд, когда продавец отказывается заключать публичное соглашение. В связи с требованием закона об обеспечении финансовой надёжности банк перед выдачей кредита оценивает множество факторов, которые влияют на вероятность возврата денег, в том числе финансовую устойчивость заёмщика и возможные риски. Следовательно, к таким правоотношениям нельзя применить условия публичного договора, ведь кредитор имеет право по своей инициативе в одностороннем порядке устанавливать условия кредитного договора.

Статья 5 ФЗ № 353 «О потребительском кредите» от 21.12.2013 г. регламентирует, что потребитель получает сведения, касающиеся заключаемого договора (условия выдачи займа, условия пользования им, условия возврата денег), бесплатно и до его подписания. Закон запрещает кредитору в договор кредита включать обязательство заёмщика заключать другие соглашения. Банк не имеет требовать платёж, который не отражён в договоре. Также кредитор обязан предупредить заранее о возможных санкциях за невозвращение денег или нарушение срока возврата.

Все персональные условия кредита должны быть согласованы между займодавцем и заёмщиком, причём у персональных условий есть преимущество перед общими условиями в случае их противоречия. Ни персональные, ни общие условия должны соответствовать сведениям, которые предоставляются банком для потребителя в рамках статьи 5 Закона о потребительском кредите.

Заёмщик обязан уведомлять займодавца об изменении контактов, с помощью которых кредитор поддерживает связь с ним, при этом имеет право потребовать перед заключением договора лицензию на осуществление банковской деятельности, бухгалтерский баланс и заключение аудиторов.

Банк же наделён правом в одностороннем порядке снижать проценты по кредиту или отменить их, снизить или

отменить размер штрафа за просрочку, дать рассрочку по выплате долга, то есть самостоятельно или по просьбе должника назначить самостоятельно по просьбе должника реструктуризацию, то есть изменить условия существующих обязательств, если они не влекут за собой увеличение долговой нагрузки и позволяют избежать банкротства.

Если для заключения кредитного договора необходимо открытие счёта в банке, то все операции, связанные с этим, должны осуществляться на безвозмездной основе, если только заёмщик сам письменно не согласится на оплату подобных услуг.

Закон о потребительском кредите делит процентные ставки на переменные и фиксированные. Если ставка переменная, то об её изменении кредитор обязан предупредить заёмщика в семидневный срок с момента вступления в действие данного периода. Не стоит забывать, что законодатель ограничил полную стоимость кредита (365 % годовых или одна треть от среднерыночной величины полной стоимости кредита, которая рассчитывается Центробанком России и используется в текущем квартале), что, конечно же, сказывается на процентной ставке кредита. Данное ограничение, согласно профильному закону, не распространяется на договоры, заключённые на срок менее 15 дней или на сумму, не превышающую 10 000 рублей, для которых не предусмотрено обеспечение. Для договоров, заключаемых на срок до одного года, нельзя начислять проценты и штрафные санкции, которые в общей сумме превысят полуторакратную величину основного тела долга. Размер неустойки тоже законодательно ограничен: — не более 0,1 процента от суммы просроченного платежа за каждый день просрочки, если проценты не начисляются, и не более 20 % годовой ставки, если начисляются.

Таким образом, для договора потребительского кредита в законодательстве определены общие и специальные условия. Также этот вид кредита может включать элементы других договоров, предусмотренных российским гражданским правом, и становится в таком случае смешанным договором, соответственно, к нему применяются положения, касающиеся каждого вида договора. По поводу соотношения договора потребительского кредита с классификацией гражданско-правовых договоров, то правоведы сходятся в том, что это разновидность займа, двустороннее и возмездное соглашение. В вопросах отнесения потребительского кредита к реальному или консенсуальному договору, публичному договору или договору присоединения мнения исследователей расходятся, что подчёркивает неоднозначную природу договора потребительского кредита.

Литература:

1. Гехова, А. А. Кредитная карта Сбербанка: процентные ставки и условия / А. А. Гехова, С. М. Тхамокова // Поколение будущего: Взгляд молодых ученых — 2022: сборник научных статей 11-й Международной молодежной научной конференции, Курск, 10–11 ноября 2022 года. Том 1. — Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. — С. 80–83.
2. Гражданское право: В 4 т. Том I. Учебник / Отв. ред. проф. Е. А. Суханов. — М.: Статут, 2023.

3. Груздева Д. С. Основные условия договора потребительского кредитования // Международный журнал гуманитарных и естественных наук, 96, 2024.
4. Количество граждан, имеющих кредиты и займы, выросло до 47 млн [Электронный ресурс] // <https://cbr.ru/press/event/?id=17161> (дата обращения 20.05.2025)
5. Михеева И. Е. Проценты и иные платежи по кредитному договору: монография. — М.: Юстицинформ, 2019.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 года № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ о заключении и толковании договора» [Электронный ресурс] // <https://trade.bashkortostan.ru/documents/active/384572/> (дата обращения 23.04.2025)
7. Тенденции на рынке МФО за I квартал 2025 года [Электронный ресурс] // https://www.cbr.ru/analytics/microfinance/mfommt_2025_1/ (дата обращения 23.05.2025)
8. Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. N 395-I «О банках и банковской деятельности» (с изменениями и дополнениями) // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР от 6 декабря 1990 г. N 27 ст. 357
9. Федеральный закон от 2 июля 2010 г. N 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» (с изменениями и дополнениями) // «Парламентская газета» от 9 июля 2010 г. N 36
10. Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. N 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» (с изменениями и дополнениями) // «Российская газета» от 23 декабря 2013 г. N 289
11. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. N 32 ст. 3301

История становления особого порядка судебного разбирательства

Игнатов Александр Юрьевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Гадельшина Лиана Ильгизовна, кандидат юридических наук, доцент
Российский новый университет (г. Москва)

В статье рассматривается история становления особого порядка судебного разбирательства. Особый порядок судебного разбирательства как упрощенная форма рассмотрения уголовных дел в современной правовой системе направлен на повышение эффективности правосудия, разгрузку судов и ускорение разрешения дел при сохранении процессуальных гарантий. Актуальность темы обусловлена необходимостью теоретического осмысления процессов, повлиявших на закрепление особого порядка в российском уголовном процессе. В условиях трансформации уголовно-процессуального законодательства необходимо изучение исторических этапов формирования данного института для понимания его правовой природы и эволюции. Цель написания статьи заключается в выявлении основных этапов становления института особого порядка судебного разбирательства в уголовном процессе России. Для достижения цели необходимо решить задачи, направленные на определение предпосылок появления особого порядка судебного разбирательства в российской правовой системе, раскрытие проблем в его становлении и путей их решения. При написании статьи использовались историко-правовой метод, позволяющий проследить динамику развития института; сравнительно-правовой анализ, обеспечивающий сопоставление различных правовых моделей; системный метод при оценке роли института в уголовно-процессуальной системе. Теоретическая значимость исследования заключается в расширении научного представления об эволюции особого порядка судебного разбирательства, уточнении понятийного аппарата и углублении понимания механизма его нормативного закрепления. Практическая значимость проявляется в возможности использования полученных выводов при совершенствовании уголовно-процессуального законодательства. При написании статьи автором представлено, как особый порядок судебного разбирательства прошел сложный путь от элементов упрощенного разбирательства в дореволюционном праве до самостоятельного института в современной модели уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, особый порядок судебного разбирательства, формы судопроизводства, развитие законодательства, процессуальные гарантии.

The history of the formation of a special procedure for judicial proceedings

Ignatov Aleksandr Yuryevich, student master's degree

Scientific advisor: Gadelshina Liana Ilgizovna, candidate of law sciences, associate professor
Russian New University (Moscow)

The article examines the history of the formation of a special procedure for judicial proceedings. The special procedure of judicial proceedings as a simplified form of consideration of criminal cases in the modern legal system is aimed at increasing the efficiency of

justice, unloading courts and speeding up the resolution of cases while maintaining procedural guarantees. The relevance of the topic is due to the need for a theoretical understanding of the processes that influenced the establishment of a special order in the Russian criminal process. In the context of the transformation of criminal procedure legislation, it is necessary to study the historical stages of the formation of this institution in order to understand its legal nature and evolution. The purpose of this article is to identify the main stages of the formation of the institution of a special procedure for judicial proceedings in the criminal process of Russia. To achieve this goal, it is necessary to solve tasks aimed at determining the prerequisites for the emergence of a special procedure for judicial proceedings in the Russian legal system, uncovering problems in its formation and ways to solve them. When writing the article, we used the historical and legal method, which allows us to trace the dynamics of the institute's development; comparative legal analysis, which provides a comparison of various legal models; a systematic method for assessing the role of the institute in the criminal procedure system. The theoretical significance of the research lies in expanding the scientific understanding of the evolution of the special procedure of judicial proceedings, clarifying the conceptual framework and deepening the understanding of the mechanism of its normative consolidation. The practical significance is shown in the possibility of using the findings in improving criminal procedure legislation. When writing the article, the author presents how a special procedure for judicial proceedings has gone through a difficult path from elements of simplified proceedings in pre-revolutionary law to an independent institution in the modern model of criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings, special procedure of judicial proceedings, forms of legal proceedings, development of legislation, procedural guarantees.

История становления особого порядка судебного разбирательства в России представляет собой длительный и сложный процесс трансформации правовых представлений о допустимости упрощенного уголовного преследования при признании вины, начиная с древнерусских правовых памятников и вплоть до современных норм. Особый порядок судебного разбирательства формировался не одномоментно: его развитие сопровождалось множественными попытками государства найти компромисс между эффективностью уголовного судопроизводства и соблюдением прав участников процесса [1, с. 329]. В разные исторические периоды акцент смещался то в сторону сокращения процессуальных процедур, то в сторону расширения гарантий обвиняемого.

Одним из первых источников, где прослеживаются элементы будущего особого порядка, является «Русская Правда» — правовой кодекс Киевской Руси [2]. Уже в «Краткой редакции» этого памятника права заложены идеи, которые можно рассматривать как раннюю форму упрощенного процесса. В случае признания вины суд мог завершить рассмотрение без дополнительных доказательств или допросов. Если же обвиняемый не признавал вину, требовалось прибегнуть к свидетельствам или Божьему суду (ордалиям). Здесь четко прослеживается дифференциация судебного разбирательства: признание вины позволяло завершить дело быстро, без проведения подробного расследования, а его отсутствие, напротив, порождало необходимость полноценного сбора доказательств [3, с. 95]. В этом заключается прообраз современного особого порядка, когда согласие с обвинением дает возможность рассматривать дело в сокращенной форме.

С дальнейшим развитием государственности и усложнением правовой системы подход к упрощенному рассмотрению дел получает нормативное оформление. В Новгородской судной грамоте 1440 года и в Псковской судной грамоте 1467 года появляются положения о бес-

судных грамотах [4; 5]. Такие документы позволяли разрешать дела без личного присутствия сторон, если были представлены письменные доказательства или заявления. Судьи принимали решения, не прибегая к сложной процедуре расследования или допросов. Судебником 1497 года кодифицируются многие устоявшиеся судебные нормы и допускается возможность отказа от судопроизводства при наличии признания вины [6]. В Судебнике вводится понятие следственного этапа в зачаточном виде. Начинается разветвление уголовного процесса на несколько стадий, каждая из которых могла быть сокращена при наличии определенных условий, прежде всего — признания вины.

В Судебнике 1550 года институционализируется инквизиционная форма процесса, при которой признание вины начинает восприниматься как доказательство [7]. Формируется система предварительного следствия, и сама структура процесса начинает делиться на следственную и судебную часть. Хотя на этом этапе еще не оформлен особый порядок в современном понимании, именно в этот период закладывается предпосылка: признание вины может существенно ускорить и упростить последующую процедуру. Одновременно усиливаются и репрессивные меры — признание часто добывается под пытками и становится объектом критики при гуманизации уголовного процесса [8, с. 64].

Изменения происходят в период правления Петра I. Принятие Артикулов воинских (1715 год) систематизирует уголовное законодательство и закрепляет инквизиционный подход [9]. Согласно Артикулу признание вины считается «царицей доказательств», а в случае его наличия другие доказательства могут не представляться. Признание автоматически влекло вынесение приговора без судебного следствия. Такое признание позволяло ускорять уголовное судопроизводство для развития военной и государственной дисциплины. Однако юридическая доктрина того времени не предусматривала спе-

циальных процессуальных форм, фиксирующих особый порядок. Его функции выполняло следствие, тогда как суд фактически становился формальным утверждающим органом.

В эпоху Екатерины II появляется концепция ускорения правосудия. В 1767 году императрица высказывается в «Наказе» Уложенной комиссии о необходимости «скорого и правого суда» [10]. В 1775 году принимается Учреждение для управления губерний, в котором устанавливается система губернских судов и вводится административное разграничение дел [11]. Обеспечиваются условия для формирования различных форм производства, включая упрощенные.

Судебная реформа 1864 года становится переломным моментом в истории становления особого порядка. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года вводит дифференциацию процессуальных форм [12]. В статье 681 Устава закрепляется возможность «сокращенного следствия» при признании обвиняемым своей вины. Такое следствие допускается, если обвиняемый не отрицает фактов, изложенных в обвинении, и если прокурор не возражает. Статья 682 дает суду право назначить полное судебное разбирательство, даже несмотря на признание вины, если это необходимо для установления истины. Институт мировых судей, введенный Уставом, предусматривал в делах малозначительной категории вынесение приговора без вызова свидетелей.

После Октябрьской революции 1917 года советская власть строила правосудие на принципах революционной целесообразности. В уголовном процессе основным критерием стало быстрое и «классово правильное» разрешение дела. В первые годы Советской власти основной задачей органов правосудия было укрепление власти и борьба с контрреволюцией. Положение «О народном суде РСФСР» от 30 ноября 1918 года устанавливало судопроизводство в упрощенной форме: при признании обвиняемым вины судебное следствие могло быть сокращено или исключено вовсе [13]. По положению допускалось рассмотрение дела за одно заседание без вызова свидетелей и без участия защитника. Роль суда часто исполнял народный судья, принимающий решение по своему усмотрению.

УПК РСФСР 1922 года зафиксировал эту тенденцию [14]. Согласно статье 282 при полном признании вины суд мог отказаться от проведения судебного следствия, ограничиваясь только заслушиванием заключения прокурора и выступлением обвиняемого. Такое положение создавало возможность быстрого и формализованного рассмотрения дела [15, с. 73]. Сохранялась возможность перехода к полному разбирательству, если суд сочтет это необходимым.

В 1930–1940-х годах массовые репрессии периода сталинизма свели к минимуму необходимость каких-либо судебных процедур. Приговоры нередко выносились внесудебными органами, такими как «тройки» и Особые со-

вещения при НКВД [16, с. 338]. Признание вины считалось достаточным и практически единственным доказательством, особенно в политических делах. Наказание сопровождалось широким применением пыток, фальсификацией дел и отсутствием каких-либо гарантий со стороны защиты.

Некоторые элементы упрощенного производства возвращаются в УПК РСФСР 1960 года [17]. В нем появляется процедура, схожая с особым порядком, хотя и не выделенная в отдельную форму. При полном признании обвиняемым своей вины суд вправе ограничиться кратким исследованием доказательств. Такая система применялась в судах народных заседателей, где требовалось быстрое рассмотрение бытовых и мелких уголовных дел. Однако при признании вины суд был обязан исследовать хотя бы часть доказательств, т. к. действовала презумпция невиновности.

Переход к современной модели особого порядка произошел в постсоветский период, когда была поставлена задача реформировать уголовное судопроизводство в соответствии с международными стандартами. На этом этапе произошло принятие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ [18]. Именно в нем впервые в отечественной правовой системе особый порядок был закреплен как самостоятельный институт.

В 2002 году по УПК РФ суд мог рассмотреть дело без проведения судебного разбирательства в полном объеме, если обвиняемый заявил ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке. Должны быть соблюдены три ключевых условия: обвиняемый должен согласиться с предъявленным обвинением; санкция статьи обвинения не должна превышать 10 лет лишения свободы; и судья должен удостовериться в добровольном и осознанном согласии обвиняемого. Эти положения закреплены в статье 314 УПК РФ. Суд обязан убедиться в осознании обвиняемым характера обвинения и последствий согласия на особый порядок и невозможность последующего обжалования приговора по мотивам несоответствия выводов суда обстоятельствам дела.

Особый порядок в российском уголовном процессе стал своеобразной формой процессуального компромисса между государством и обвиняемым. Государство получает ускоренное разрешение дела, экономию ресурсов и разгрузку судов, а обвиняемый — возможность рассчитывать на более мягкое наказание. По статье 316 УПК РФ суд может назначить наказание ниже низшего предела по санкции статьи, если имеются смягчающие обстоятельства.

С момента введения института особого порядка в 2002 году практика его применения получила широкое распространение [19, с. 58]. В 2009 году Конституционный Суд РФ в Постановлении от 27 апреля № 9-П подтвердил соответствие особого порядка Конституции РФ с учетом добровольности и осознанности согласия обвиняемого как достаточной гарантии соблюдения прав личности [20].

С 2013 года в процессуальное законодательство были внесены изменения, уточняющие полномочия суда по контролю за добровольностью согласия, возможность отказа в применении особого порядка при наличии сомнений в доказанности вины. В соответствии с ч. 5 ст. 316 УПК РФ участие защитника обязательно при рассмотрении дела в особом порядке.

Становление особого порядка судебного разбирательства в России сопровождалось рядом проблем из-за новизны процедуры и отсутствия единообразной практики. После введения главы 40 УПК РФ одной из проблем стало поверхностное понимание сути особого порядка участниками процесса [21, с. 79]. Он часто воспринимался как способ ускоренного «оформления» признания вины без должного контроля за осознанностью такого шага со стороны суда.

Для решения этих проблем необходимо усилить судебный контроль, чтобы суды принимали ходатайство и удостоверяться в осознании последствий обвиняемым и наличии у него юридической помощи. Статья 316 УПК РФ подчеркивает значение таких проверок. Также следует ужесточить требования к участию защитника, особенно по тяжким делам. Приговоры в особом порядке должны мотивироваться признанием вины и подтверждаться доказательствами.

Таким образом, становление института особого порядка судебного разбирательства в уголовном процессе России прошло следующие основные этапы:

1. Древнерусский период (XI-XV века) — формирование прообраза особого порядка на основе признания вины как основания для упрощенного разрешения дела («Русская Правда», судные грамоты).

2. Московский период (XV-XVII века) — нормативное закрепление упрощенного разбирательства при признании вины в Судебниках 1497 и 1550 гг., происходит развитие следственной стадии.

3. Петровская и Екатерининская эпохи (XVIII век) — систематизация уголовного законодательства (Артикулы воинские), происходит развитие идеи «скорого суда» и административное упрощение судопроизводства.

4. Судебная реформа 1864 года — внедрение сокращенного следствия и возможности упрощенного рассмотрения дел при признании вины, появление процессуальной дифференциации.

5. Советский период (1917–1950-е годы) — нормативное оформление упрощенных процедур в УПК РСФСР 1922 г., происходит последующая деградация института в годы репрессий, сведение процедуры к формальности.

6. Позднесоветский этап (1960–1980-е годы) — частичное восстановление сокращенного производства в УПК РСФСР 1960 г., но без оформления самостоятельного института.

7. Современный этап (с 2001 года) — законодательное закрепление особого порядка как самостоятельной формы судопроизводства в УПК РФ, с введением правовых гарантий и ограничений применения.

Литература:

1. Кувалдина, Ю. В. Альтернативные процессуальные формы: природа и направления развития / Ю. В. Кувалдина, Е. В. Марьина. — Текст: непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2022. — № 2 (49). — С. 326–338.
2. Русская Правда [Электронный ресурс]. — URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ruspravda> (дата обращения: 27.05.2025).
3. Рогава, И. Г. Исторический аспект особого порядка судебного разбирательства / И. Г. Рогава. — Текст: непосредственный // Тенденции развития науки и образования. — 2023. — № 98–4. — С. 94–98.
4. Новгородская Судная грамота. 1440–1471 гг. [Электронный ресурс]. — URL: <https://музейреформ.рф/node/13624> (дата обращения: 27.05.2025).
5. Псковская судная грамота 1467 года [Электронный ресурс]. — URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XV/1460-1480/Pskovc_sud_gr/text.htm (дата обращения: 27.05.2025).
6. Судебник 1497 года [Электронный ресурс]. — URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sudebnik1497> (дата обращения: 27.05.2025).
7. Судебник 1550 года [Электронный ресурс]. — URL: https://dep_iogip.pnzgu.ru/files/dep_iogip.pnzgu.ru/normativnie_akti/sudebnik_1550_goda.pdf (дата обращения: 27.05.2025).
8. Казаренко, Д. В. Порядок рассмотрения уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства / Д. В. Казаренко. — Текст: непосредственный // Наука XXI века: вызовы, становление, развитие: сборник статей XIII Международной научно-практической конференции. — Петрозаводск, 2023. — С. 63–68.
9. Артикул воинский от 26 апреля 1715 года [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/articul.htm> (дата обращения: 27.05.2025).
10. Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения. 1767–1768 гг. [Электронный ресурс]. — URL: <https://музейреформ.рф/node/13646> (дата обращения: 27.05.2025).
11. Учреждения для управления губерний от 7 ноября 1775 года [Электронный ресурс]. — URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2350/> (дата обращения: 27.05.2025).
12. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года [Электронный ресурс]. — URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 27.05.2025).

13. Положение «О народном суде РСФСР» от 30 ноября 1918 года [Электронный ресурс]. — URL: <https://constitutions.ru/?p=6707> (дата обращения: 27.05.2025).
14. Постановление от 25 мая 1922 года «Об Уголовно-процессуальном кодексе» [Электронный ресурс]. — URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/upk22 (дата обращения: 27.05.2025).
15. Алексеева, Е. В. Особый порядок судебного разбирательства / Е. В. Алексеева. — Текст: непосредственный // Вестник Международного юридического института. — 2023. — № 3–4 (84–85). — С. 70–77.
16. Поцепня, Н. А. Становление и развитие особого порядка судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве иностранных государств и России / Н. А. Поцепня, Н. Е. Мерецкий. — Текст: непосредственный // Правовая реальность в условиях цифровизации общества: материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Хабаровск, 2023. — С. 336–340.
17. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/1> (дата обращения: 27.05.2025).
18. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 27.05.2025).
19. Гриненко, А. В. Развитие особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам в Российской Федерации / А. В. Гриненко. — Текст: непосредственный // Вестник экономической безопасности. — 2023. — № 1. — С. 57–59.
20. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2003 № 9-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П. Н. Белецкого, Г. А. Никовой, Р. В. Рукавишникова, В. Л. Соколовского и Н. И. Таланова» [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42440/ (дата обращения: 27.05.2025).
21. Лобанов, Н. В. Особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением на современном этапе / Н. В. Лобанов. — Текст: непосредственный // Научный форум: юриспруденция, история, социология, политология и философия: сборник статей по материалам LXXXII Международной научно-практической конференции. — Москва, 2023. — С. 77–81.

Отграничение террористических преступлений от смежных составов преступлений

Исаков Дмитрий Сергеевич, студент
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

В статье рассматривается проблема разграничения террористических и смежных с ними составов преступлений в уголовном законодательстве. Автором выделяются критерии, посредством которых проводится отграничение их друг от друга, в целях правильной квалификации совершенного преступления.

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, террористические преступления, разграничение террористических преступлений, смежные составы преступлений.

Как известно, проблема разграничения смежных составов в уголовном законодательстве является одной из наиболее важных и актуальных на сегодняшний день. Это обусловлено тем, что от правильной квалификации деяния, совершенного лицом, зависит не только процесс привлечения лица к уголовной ответственности, но также и реализация справедливости наказания.

В настоящее время в правоприменительной практике нередко возникают вопросы при разграничении террористических преступлений между собой и отграничении их от ряда смежных составов преступлений. Для правильной квалификации совершенного преступления необходимо установить критерии, позволяющие отграничить их друг от друга.

Так, определенные проблемы наблюдаются при разграничении террористического акта (ст. 205 УК РФ) и заве-

домо ложного сообщения об акте терроризма (ст. 207 УК РФ). В первую очередь линия отграничения здесь проводится в части, касающейся оценки реальности угрозы причинения вреда в результате преступных действий, как неотъемлемого признака объективной стороны террористического акта. Если лицо не имеет реальной возможности совершить теракт, а лишь высказывает подобного рода намерение, квалификация его действий по ст. 205 УК РФ представляется весьма затруднительной. В этой связи представляется не вполне верным следующее судебное решение. Д., позвонив в органы внутренних дел, требовал личной встречи с председателем СК РФ, а для привлечения внимания и придания серьезности своим намерениям, угрожал в случае невыполнения этого требования совершить взрыв, а также расстрел граждан. Однако поскольку данная информация была сообщена не населению

и представителям средств массовой информации, а сотрудникам правоохранительного органа, и после оперативной проверки было установлено, что оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, свидетельствующих о том, что Д. способен и фактически готов осуществить террористический акт, не выявлено, Верховный Суд РФ согласился с определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Северная Осетия-Алания, что данное уголовное дело подлежит прекращению по ч. 1 п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием события преступления [3]. Между тем, судом было отмечено, что высказанные Д. угрозы были восприняты правоохранительными органами как реальные, вызвав у них обоснованные опасения относительно возможности совершения террористического акта, в связи с чем были проведены оперативно-розыскные мероприятия, направленные на его предотвращение. Таким образом, на наш взгляд, Д., высказывая угрозу произвести взрыв и расстрел граждан, осознавая, что не имеет реальной возможности совершить указанные действия, совершил заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) [6, с. 96].

В правоприменительной нередко возникают сложности в процессе отграничения террористического акта (ст. 205 УК РФ) и бандитизма (ст. 209 УК РФ). Они обусловлены тем, что данные составы преступлений имеют сходства по объекту преступления — отношения, возникающие в сфере общественной безопасности. В п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ, в качествеотягчающего обстоятельства выступает совершение данного преступления организованной группой. При этом одним из видов организованных групп является банда (устойчивая вооруженная группа), которая от остальных организованных групп отличается двумя признаками: вооруженностью и целью нападения как на организации, так и на граждан. В связи с этим, можно заключить, что террористические акты на практике также совершаются и бандами. Именно в таких случаях, как отмечает М. Т. Хугоева, возникают проблемы при разграничении рассматриваемых составов преступлений [4, с. 103].

Отличие между указанными составами видится в объективной стороне, субъекте и цели. Состав бандитизма считается оконченным, когда создана устойчивая вооруженная группа для нападения на граждан и организации, что для террористического акта является лишь подготовительной стадией преступления. Если в бандитизме основной целью является насилие по отношению к гражданам и организациям, то для террористического акта это лишь средство для ее достижения — получение от государственной или международной организации необходимого решения, дестабилизация работы органов государственной власти. Субъект террористического акта несет уголовную ответственность с 14 лет, когда как субъект бандитизма — с 16 лет.

Несомненно, ключевое значение в террористическом акте, как основании отграничения от смежных составов, имеет цель его совершения — дестабилизация деятель-

ности органов власти или международных организаций, либо воздействие на принятие ими решений. Постановление от 9 февраля 2012 г. № 1, разъясняя некоторые особенности квалификации террористического акта, указывает, что, если виновный совершает посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа путем совершения взрыва, поджога или иных действий подобного характера в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций, либо воздействия на принятие ими решений, содеянное надлежит квалифицировать по ст. 205 УК РФ [2]. Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, совершенное аналогичным способом в целях воспрепятствования их законной деятельности либо из мести за такую деятельность, квалифицируется ст. 317 УК РФ. Наряду с этим, данное Постановление не определяет, как квалифицировать действия, которые совершаются с двумя целями одновременно. Думается, что решение данного вопроса отдается на откуп правоприменителю, действующему по своему усмотрению. Между тем, в целях сужения пределов такого усмотрения и недопущения произвольного толкования уголовного закона, представляется целесообразным закрепить это разъяснение в Постановлении от 9 февраля 2012 г. № 1.

Весьма тонкая грань отделяет публичные призывы к осуществлению террористической деятельности от подстрекательства к совершению данных преступлений. В ряде случаев не понятно, где проходит линия раздела между двумя этими понятиями. Например, в соответствии с ч. 4 ст. 33 УК РФ подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом. Таким образом, призывы к совершению террористических посягательств полностью соответствуют определению подстрекательства, и тогда не вполне понятно, каким образом происходит разграничение между этими преступлениями. То есть, данные деяния одновременно можно квалифицировать как по ч. 4 ст. 33, ч. 1 ст. 205 УК РФ, так и по ст. 205.2 УК РФ. Думается, единственный критерий разграничения будет заключаться в конкретизации действий, публичные призывы не индивидуализированы, то есть лицо предлагает совершить акт терроризма в общем, без привязки к конкретному месту, времени и способу; а подстрекатель убеждает лицо в необходимости совершить конкретное преступление, например, заложить взрывное устройство в торговом центре и привести его в действие [5, с. 159].

Таким образом, в настоящее время в правоприменительной практике нередко возникают вопросы при разграничении террористических преступлений между собой и отграничении их от ряда смежных составов преступлений. Для разграничения указанных составов первоначально необходимо установить объективную и субъективную их сторону. Только лишь достоверно установив все обстоятельства этих элементов состава преступления, можно правильно и верно квалифицировать деяние, совершенное лицом по одной из разбираемых статей УК РФ.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 08.12.2024).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (ред. от 03.11.2016) // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 08.12.2024).
3. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 25 сентября 2013 г. № 22-АПУ13-4 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 08.12.2024),
4. Хугоева М. Т. Проблемы ограничения состава террористического акта (ст. 205 УК РФ) от смежных состав преступлений // Актуальные вопросы современной науки и образования. Сборник статей V Международной научно-практической конференции. — Пенза, 2020. — С. 102–104.
5. Чукин Д. С. Некоторые проблемные аспекты квалификации преступлений террористической направленности // Правовая среда в современной России: проблемы и перспективы развития: сборник статей II межвузовской научно-практической конференции. — Саратов, 2024. — С. 159–161. — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_69198221_47244698.pdf (дата обращения: 08.12.2024).
6. Чукин Д. С. Некоторые спорные аспекты квалификации преступлений террористической направленности // Актуальные проблемы науки (ко Дню российской науки): сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции. — Саратов, 2023. — С. 94–99. — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50750512_80272347.pdf (дата обращения: 08.12.2024).

Правовой статус онлайн-агрегаторов туристских услуг: пробелы ФЗ-132 и пути их устранения

Канцер Андрей Витальевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Макаревич Марина Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В статье анализируется правовой статус онлайн-агрегаторов туристских услуг в России и выявляются недостатки Федерального закона № 132-ФЗ. Актуальность обусловлена цифровизацией отрасли туризма и стремительным ростом онлайн-сервисов бронирования, которые требуют обновления правовых механизмов защиты потребителей.

Ключевые слова: онлайн-агрегаторы туристских услуг, правовое регулирование туризма, защита прав потребителей, финансовые гарантии туристов, цифровые платформы.

Как отмечается в литературе, туристская деятельность в современном обществе занимает важное место как в экономике, так и в социальной сфере и нуждается в эффективной правовой поддержке, чтобы обеспечить развитие отрасли и защиту прав потребителей туристских услуг. Правовое регулирование туризма выступает необходимым условием сбалансированного развития индустрии и охраны интересов всех её участников.

Актуальность темы определяется масштабной цифровизацией туризма и появлением новых онлайн-сервисов. В последние годы стремительно растут онлайн-платформы бронирования и агрегаторы туристских услуг, кардинально меняются модели взаимодействия туристов с поставщиками услуг. Перед правовой системой встаёт задача учесть эти новые формы оказания услуг и усилить защиту потребителей. Российское законодательство уже претерпело ряд изменений, направленных на развитие внутреннего туризма и повышение защиты прав тури-

стов. Введены налоговые льготы для внутреннего турбизнеса, усилены финансовые гарантии туроператоров, созданы единые реестры турфирм. В частности, все туроператоры и турагенты (включая онлайн-агентства) обязаны состоять в государственных реестрах, что повышает прозрачность рынка. Однако сохраняются существенные пробелы: отсутствует специальный закон о цифровых платформах в сфере туризма, и деятельность онлайн-агрегаторов регулируется лишь фрагментарно — отдельными нормами гражданского права и законодательства о защите прав потребителей. Так, Федеральным законом № 250-ФЗ от 29.07.2018 г. в Закон РФ «О защите прав потребителей» [2] были внесены поправки, которые впервые ввели понятие агрегатора туристских услуг и возложили на него определённые обязанности (раскрытие полной информации о себе и продавце, возврат денег клиентам при срыве тура и др.). Эти нововведения стали важным первым шагом, но требуют дальнейшего развития и си-

стематизации, поскольку не охватывают всех аспектов работы цифровых платформ.

Основой правового регулирования туризма в РФ является Федеральный закон № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» 1996 г. (далее — Закон о туризме) [1]. Этот закон устанавливает базовые понятия туристской индустрии, определяет права и обязанности основных субъектов — туристов, туроператоров и турагентов, а также вводит механизмы лицензирования и финансового обеспечения ответственности турфирм. Закон о туризме неоднократно дополнялся с учётом новых реалий. С 2022 г. введена обязательная регистрация всех турагентов (включая онлайн-агентства) в государственном реестре. Таким образом, онлайн-платформы, фактически выступающие посредниками в реализации турпродукта, обязаны иметь официальный статус турагента и состоять в реестре [4]. Это закрепляет базовую ответственность таких сервисов перед потребителями наравне с традиционными агентствами.

Помимо Закона о туризме, важную роль играют нормы гражданского законодательства и законодательства о защите прав потребителей. Именно через изменения Закона «О защите прав потребителей» был определён правовой статус онлайн-агрегаторов. Федеральным законом № 250-ФЗ от 29.07.2018 г. введено определение «владельца агрегатора информации о товарах (услугах)» — по сути, онлайн-платформы, которые предоставляют потребителю возможность ознакомиться с предложениями поставщиков, дистанционно заключить договор и произвести предварительную оплату через сам агрегатор. Если платформа не принимает оплату от клиента, она не подпадает под это определение и не несёт специальной ответственности. Агрегатор, отвечающий критериям закона, обязан доводить до потребителя полную и достоверную информацию о себе и фактическом исполнителе услуги (наименование, адрес, регистрационные данные и пр.) [5]. Он несёт ответственность за убытки, причинённые клиенту вследствие недостатка информации или её недостоверности, если это повлияло на решение заключить договор. Кроме того, если через агрегатор была принята предоплата за услугу, а исполнитель не оказал её в срок, потребитель вправе требовать возврата средств непосредственно от агрегатора, агрегатор обязан вернуть деньги в течение 10 дней. Иными словами, закон возлагает на онлайн-платформу солидарную с исполнителем ответственность за надлежащее исполнение обязательств перед клиентом, что существенно повышает защиту потребителей [5].

Цифровизация отрасли привела и к появлению специальных информационных систем. Так, запущена государственная система «Электронная путёвка» — единый электронный реестр данных о туристских договорах. Федеральным законом от 28.05.2022 г. № 148-ФЗ эта система получила законодательную основу, и с сентября 2024 г. все туроператоры внутреннего и въездного туризма обязаны вносить сведения о каждом туре в электронный реестр.

Цель нововведения — повысить прозрачность рынка и обеспечить государственным органам оперативный контроль за выполнением туров. Параллельно ужесточаются требования информационной безопасности: операторы туристских услуг должны соблюдать закон № 152-ФЗ о персональных данных, который предписывает хранить персональные данные российских туристов на территории РФ и принимать меры по их защите. Несоблюдение требований грозит штрафами или блокировкой ресурса компетентными органами. Также, в силу «закона о приземлении» № 236-ФЗ, зарубежные онлайн-сервисы обязаны зарегистрировать в России юридическое лицо (представительство) и подчиняться российскому регулированию. Это обеспечивает возможность предъявления к ним требований по отечественным нормам, включая правила о защите прав потребителей и уплате налогов на цифровые услуги.

Таким образом, правовая база в целом охватывает основные аспекты туристской деятельности, включая отдельные положения для онлайн-агрегаторов. Однако многие нормы, касающиеся цифровых сервисов, разбросаны по разным актам, что затрудняет их применение. Отсутствие целостного регулирования онлайн-агрегаторов оставляет определённые риски для потребителей и бизнеса.

Несмотря на предпринятые шаги, анализ показывает наличие ряда проблем и пробелов в законодательстве, касающихся онлайн-агрегаторов туристских услуг:

— Фрагментарность регулирования цифровых платформ. Отсутствует единый специализированный закон, определяющий статус и обязанности онлайн-агрегаторов в туризме. Их деятельность регулируется лишь общими нормами и отдельными положениями закона о защите прав потребителей, чего явно недостаточно. Современные онлайн-сервисы сталкиваются с новыми вызовами — от неясности юрисдикции споров до ответственности иностранных платформ и защиты данных клиентов. Действующие правила не охватывают этих нюансов полностью, что приводит к правовым «лазейкам» и неравномерной защите потребителей в онлайн-среде [3].

— Недостаточные финансовые гарантии для туристов.

Система финансового обеспечения туроператоров (обязательное страхование ответственности и фонды персональной ответственности) не всегда способна защитить клиентов при крупных банкротствах компаний. Хотя для выездных туроператоров установлены повышенные страховые требования, практика последних лет показала, что объёма гарантий может не хватать для покрытия всех убытков туристов. Таким образом, необходимы новые механизмы, гарантирующие возврат средств и помощь туристам в чрезвычайных ситуациях.

— Отсутствие саморегулирования отрасли.

В сфере туризма существуют профессиональные объединения (ассоциации туроператоров, турагентов, отельеров и т. п.), но им придан лишь консультативный статус, и они не выполняют регулирующих функций. Законо-

дательство фактически не предусматривает полноценного механизма саморегулируемых организаций (СРО) в туризме. В результате потенциал отраслевого самоконтроля не реализован: у добросовестных участников рынка нет инструмента коллективно устанавливать стандарты и дисциплинировать недобросовестных конкурентов. СРО могли бы вести реестры благонадёжности компаний, разрабатывать стандарты обслуживания, способствовать досудебному урегулированию споров, однако эти возможности пока не задействованы.

На основании выявленных проблем представляется необходимым модернизировать российское законодательство о туризме, устранив пробелы и учитывая передовой зарубежный опыт. К приоритетным мерам можно отнести следующие:

— Разработка комплексного регулирования онлайн-платформ. Необходимо принять отдельный нормативный акт или главу в Законе о туризме, посвящённую цифровым сервисам. В нём следует чётко определить правовой статус агрегаторов туристских услуг, их обязанности и ответственность, включая деятельность иностранных сервисов.

— Усиление финансовых гарантий туристов.

Требуется повысить надёжность системы защиты потребителей на случай несостоятельности турфирм. Целесообразно создать резервный фонд обеспечения туристских услуг, крупные игроки рынка могли бы делать отчисления пропорционально обороту, а мелкие — участ-

вовать через страхование. Параллельно следует увеличить минимальные суммы страхового покрытия ответственности туроператоров и ввести механизм постоянного мониторинга их финансового состояния. Эти шаги гарантируют возврат средств туристам и финансирование экстренной помощи при банкротствах.

— Развитие саморегулирования при контролируемом участии государства.

Законодательно стимулировать создание саморегулируемых организаций в сфере туризма, наделив их отдельными полномочиями — разработка отраслевых стандартов качества, сертификация услуг, рассмотрение споров в досудебном порядке и пр. При этом членство в СРО должно оставаться добровольным, а государство сохраняет надзор за соблюдением базовых требований. Такой баланс позволит использовать экспертный потенциал индустрии без ущерба для прав туристов.

— Цифровая трансформация и безопасность.

Продолжить развитие цифровых сервисов в туризме при одновременном укреплении кибербезопасности. Важно обеспечить полноценное функционирование системы «Электронная путёвка» и её интеграцию с другими платформами (портал госуслуг, системы онлайн-бронирования и т. д.), чтобы государственный контроль был максимально оперативным. Также необходимо актуализировать требования к безопасности данных по мере появления новых технологий.

Литература:

1. Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 49. — Ст. 5491.
2. Федеральный закон от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // Российская газета. — 1992. — № 33.
3. Баранова, Е. В. Правовое регулирование деятельности агрегаторов туристских услуг: проблемы и пути совершенствования / Е. В. Баранова. — Текст: непосредственный // Туризм: право и экономика. — 2023. — № 2. — С. 38–44.
4. Макарова, Н. С. Цифровизация туристской деятельности: проблемы правового регулирования онлайн-услуг / Н. С. Макарова. — Текст: непосредственный // Журнал российского права. — 2021. — № 9. — С. 118–128.
5. Гусева, Е. Н. Агрегаторы в сфере оказания услуг: правовой статус и ответственность / Е. Н. Гусева. — Текст: непосредственный // Вестник гражданского процесса. — 2022. — № 6. — С. 90–98.

Государственное регулирование обязательного медицинского страхования в РФ и за рубежом

Караваева Полина Константиновна, студент

Научный руководитель: Плотникова Галина Николаевна, старший преподаватель
Вятский государственный университет (г. Киров)

Правовое регулирование страховой деятельности достаточно актуальная тема на сегодняшний день, так как значение страхования в обществе возрастает с каждым годом, а, следовательно, требует определенных условий развития наряду с эффективной нормативно-правовой базой и надлежащим государственным надзором в данной сфере. Помимо рассмотрения фундаментальных аспектов правового регулирования обязательной страховой деятельности в целом, статья дает обзор данной темы в Российской Федерации и в другой стране (Франции), что обуславливает актуальность данной темы.

Ключевые слова: правовое регулирование страховой деятельности, сущность страховой деятельности, формы, инструменты, система страхового законодательства.

Правовое регулирование страховой деятельности осуществляется во всех странах мира. Регулирование страховой деятельности государством обуславливается необходимостью защиты интересов страхователей, а также важными функциями страхования при обеспечении компенсаций непредвиденных ущербов.

Несмотря на общие цели обеспечения стабильности страховой деятельности, защиты прав потребителей и стимулирования экономического развития, системы государственного регулирования страхования в Российской Федерации и за рубежом существенно различаются по структуре, инструментам и степени вмешательства государства.

Отсутствие единых подходов и несогласованность регуляторных мер в условиях глобализации страхового рынка создают ряд проблем, включая неравную конкуренцию, сложности в трансграничном страховании, недостаточное развитие инновационных страховых продуктов.

Требуется анализ ключевых различий в системах государственного регулирования страхования в РФ и за рубежом, а также разработка рекомендаций по совершенствованию российской системы с учетом передового международного опыта и специфики национальной экономики.

Суть государственного регулирования страховой деятельности заключается в создании эффективной правовой базы для данной сферы, обеспечении необходимых условий для функционирования страховых организаций, а также в формировании и развитии эффективного страхового рынка.

В этом контексте правоотношения в сфере страхования обусловлены страховым законодательством, которое, в свою очередь, имеет определенную систему, центрально место в которой занимает страховое право.

В рамках данной системы нормативные акты страховой деятельности можно разбить на два вида: нормативные правовые акты страхового права и нормативно-правовые акты других отраслей права, например, гражданско-правового характера. Также в качестве источников страхового законодательства стоит отметить обычаи делового оборота и судебные прецеденты.

Помимо указанного выше, источником страхового законодательства можно назвать международные правовые акты, где Российская Федерация принимает участие. Еще в начале XX века в большинстве стран мира было сформировано законодательство страховой сферы деятельности, отделенное от гражданского законодательства, которое регулирует договора страхования.

Если говорить о международной практике, то существует два базовых подхода к правовому регулированию страховой деятельности. Данные подходы имеют реали-

зацию в рамках двух систем права: «континентальной» и «англо-саксонской».

«Англо-саксонская» правовая система не определяет закон как единственный источник права и придает большое значение судебному прецеденту. Законодательство в основном обуславливает общие правовые рамки, которые не включают в себя детальную регламентацию страховой деятельности. Также большая часть сторон хозяйственной жизни не имеет кодификацию.

Если же говорить о «континентальной» системе права, то здесь уже страховая деятельность жестко регулируется государством и присутствует определенная регламентация всех участников при проведении страховых операций, а также производится систематический контроль за соблюдением.

В Российской Федерации же функционирование страхового рынка обуславливается определенной нормативно-правовыми базой, а именно достаточно большим количеством законодательных документов, например, Законом РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27.11.1992 N 4015-1, Гражданским кодексом, указами Президента РФ, указами Правительства РФ, нормативные акты министерств и ведомств, инструкторско-методические и разъяснительные документы.

С целью идентификации областей регулирования, в которых существующая в РФ нормативная база регулирования страховой деятельности отстает от международных стандартов и имеет возможности для совершенствования, была проведена сравнительная характеристика соответствия принципов правового регулирования страхования в РФ мировым стандартам.

Рассмотрим опыт правового регулирования сферы страхования на примере Франции, поскольку Франция и Россия относятся к одной романо-германской правовой семье.

Государственное регулирование страховой деятельности во Франции направлено на обеспечение устойчивости и надёжности системы страхования, защиту интересов клиентов и обеспечение честной конкуренции между страховыми компаниями.

Детально разработанный страховой кодекс 1976 года выступает главнейшим источником, регламентирующим деятельность в области страхования. Страховщиками во Франции являются страховые общества, основными организационно-правовыми формами которых выступают общества взаимного страхования и акционерные общества.

Наличие уставного капитала и получение соответствующей лицензии обязательно для осуществления деятельности в качестве страховой компании.

Французским правом предусмотрены следующие виды страховых договоров: личное страхование, к которому

относится: медицинское, страхование жизни, индивидуальное страхование от несчастных случаев, и т. д., то есть при котором может возникнуть неимущественный ущерб; страхование имущества, в соответствии с которым возмещается имущественный ущерб.

Главное отличие имущественного от личного страхования во Франции заключается в том, что в первом случае сумма, которая выплачивается страховой компанией при наступлении страхового случая, не должна превышать реальный ущерб, а во втором возмещение ущерба происходит на основании заранее оговоренной суммы, размер которой определен по соглашению сторон.

Франция — одна из стран с наилучшей во всём мире системой здравоохранения. ОМС покрывается 75 % стоимости всех медицинских услуг.

Происходит во Франции все таким образом: пациент самостоятельно оплачивает визит к врачу, затем фонд обязательного страхования перечисляет на его счет средства в течение 5–7 дней. Таким образом, происходит покрытие стоимости медицинских услуг только после их фактического предоставления.

Стационарная помощь во Франции покрывается страховыми компаниями на 80 %, но если госпитализируют страховое лицо свыше 31 дня, то выплаты производятся в полном объеме.

В список медицинских услуг, которые подлежат возмещению, входят базовые посещения врачей, операции, а также дорогостоящие процедуры. Все эти условия закреплены законодательно.

Национальная система медицинского страхования во Франции находится в ведомстве Министерства по социальным делам, и охватывает 99 % населения Франции.

В духе принципов, на которых основана Французская Республика, все население имеет равноправный доступ к медицинским услугам. Однако, имеются и некоторые нюансы. Например, действует система различных режимов управления, которые зависят от рода деятельности граждан. Главный из них — основной, он охватывает около 80 % населения, главным образом, занимающегося торговлей, а также занятого в промышленности, включая членов семей работников. Беднейшие слои населения получают услуги при содействии различных благотворительных организаций.

Для того, чтобы воспользоваться медицинскими услугами, необходимы специальные пластиковые карты, которые выдаются работающим гражданам при оформлении страховки. В России так же запущен процесс смены бумажных полисов страхования подобными картами.

В деле совершенствования медицинской помощи, только инновационный подход к развитию позволяет в должной мере повысить ее качество, с помощью новых лечебно-диагностических технологий и лекарственных средств, внедряемых в медицинскую практику.

Для того, чтобы внедрить сам инновационный подход, необходима высокая оснащенность учреждений оборудованием, высокий уровень подготовки кадров, а также на-

лаженная связь с разработчиками новых методов и оборудования. Все эти условия во Франции соблюдены, и новые технологии используются повсеместно. Больницы оснащены новым оборудованием, внедрена автоматизация многих процессов.

Российская система медицинского страхования весьма отличается от аналогичной во Франции. И, несмотря на то, что в ее общем строении имеются сходства, отличия все же выходят на первый план. И, не в последнюю очередь, это связано с наглядными «последствиями» данных различий, а именно — труднодоступности, пониженному качеству и слабой рентабельности медицинских услуг в России.

Отсутствие или низкая автоматизация тех процессов, которые можно было бы автоматизировать, низкое качество образования и квалификация персонала, общая низкая эффективность взаимодействия межведомственных отношений негативные черты системы здравоохранения России.

Французская система здравоохранения, известная как *Sécurité Sociale* (социальное обеспечение) с её подсистемой *Assurance Maladie* (медицинское страхование), часто считается одной из лучших в мире. Она основана на принципе всеобщего охвата, солидарности и свободы выбора врача. Выделим некоторые плюсы, которые, можно рассмотреть и применить в контексте России:

Солидарность финансирования: во Франции финансирование ОМС осуществляется за счет взносов работодателей и работников, а также налоговых поступлений. Система построена на принципе солидарности, когда здоровые платят за больных, а богатые — за бедных. Так, ставка взносов на ОМС во Франции, составляет 9,2 % с заработной платы, что позволяет снизить финансовую нагрузку на государственный бюджет. В России финансирование ОМС также осуществляется за счет взносов и бюджетных средств, но доля бюджетного финансирования значительно выше. На текущий момент, ставка взносов на ОМС в РФ, составляет всего 5,1 % от заработной платы, вследствие чего, государству приходится увеличивать долю бюджетных ассигнований в данной сфере. Можно рассмотреть возможности увеличения страховых взносов с работодателей и работников (с учетом экономической ситуации) для повышения финансовой устойчивости системы ОМС.

Всеобщий охват и доступность: во Франции ОМС охватывает практически всё население, включая безработных, нелегальных иммигрантов (в плане экстренной помощи) и длительно проживающих иностранцев. Практически все медицинские услуги покрываются системой. Охват ОМС в России тоже стремится к всеобщему, но остаются проблемы с доступностью качественной медицинской помощи в отдалённых регионах и для социально незащищенных слоев населения.

Система «*mutuelles*» (дополнительное страхование): во Франции очень развита система дополнительного медицинского страхования («*mutuelles*»), которая покрывает

часть расходов, не входящих в базовый пакет ОМС (например, доплату за комфортную палату в больнице, стоматологические услуги, оптику). Это позволяет пациентам получать более широкий спектр услуг и снижает финансовую нагрузку на них. Хотя в России тоже есть ДМС, его охват пока значительно меньше, а условия для пациентов зачастую менее выгодные.

Таким образом, можно сделать вывод о наличии некоторых проблем в системе обязательного медицинского

страхования. В целях повышения финансовой устойчивости системы ОМС, а также снижения экономической нагрузки на федеральный бюджет и бюджеты субъектов РФ, опираясь на законодательный опыт Франции, где система обязательного медицинского страхования считается одной из самых передовых, предлагаем внести поправку в Налоговый Кодекс РФ, а именно, содержание пункта 3 части 2 статьи 425 изложить следующим образом: «на обязательное медицинское страхование - 6 %».

Литература:

1. Быкова К. В., Абросимова Ю. А. Направления государственного регулирования страховой деятельности. // Наука через призму времени. — 2018. — № 7. — С. 56–59.
2. Закон РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27.11.1992 N 4015-1 (последняя редакция). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307/
3. Колтунова Ю. И. Государственное регулирование сферы страхования. // Modern economy success. — 2020. — № 1. — С. 116–121.
4. Л. А. Орланюк-Малицкая [и др.]. Страхование: учебник для вузов / Под редакцией Л. А. Орланюк-Малицкой, С. Ю. Яновой. — 4-е изд. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — 481 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-12272-5. — Текст: электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/447155>
5. Машьянова Е. Е., Смирнова Е. А. Анализ современного развития страхового рынка в российской федерации. // Экономика и предпринимательство. — 2019. — № 12. — С. 203–211.
6. Медицина во Франции: о мед. страховании. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://peopleandcountries.com/article-927-1.html>
7. Федеральный закон «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» от 29.11.2010 N 326-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107289/
8. Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 20.11.1999 N 204-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_24943/

Особенности административной ответственности государственных служащих

Кисаримов Артем Алексеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Сацкевич Татьяна Константиновна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты административной ответственности государственных служащих в Российской Федерации. Анализируется административно-правовой статус государственного служащего как специального субъекта административной ответственности, а также особенности квалификации применения правонарушений и применения наказаний, выявляются проблемы правового регулирования.

Ключевые слова: административная ответственность, государственный служащий, административное правонарушение, дисциплинарная ответственность, конфликт интересов, противодействие коррупции, государственная служба.

Актуальность

В условиях построения правового государства и повышения требований к эффективности государственного управления вопросы обеспечения законности и правопорядка в деятельности государственных служащих приоб-

ретают особую актуальность. Административная ответственность является обязательным условием обеспечения дисциплины и законности в сфере государственной службы, применения и пресечения принятия правонарушений. Однако особенности специфики государственного служащего и особенности выполнения им функций обуславливают не-

обходимость выделения и анализа особенностей административной ответственности данной категории лиц.

Теоретические аспекты административной ответственности государственных служащих

Административная ответственность, являясь разновидностью юридической ответственности, подразумевает применение мер принуждения со стороны государства к лицам, совершившим административное правонарушение.

Административные правонарушения регулируются Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ). Этот закон определяет, какие действия являются административными правонарушениями, какие наказания могут быть назначены, и устанавливает общие принципы привлечения к ответственности за эти правонарушения.

Административная ответственность характеризуется рядом признаков, таких как:

- 1) основание — совершение административного правонарушения;
- 2) нормативная база — КоАП РФ;
- 3) субъект административного правонарушения — физические и юридические лица;
- 4) виды наказаний — предупреждение, штраф, конфискация и т. д.;
- 5) процедура — производство по делам об административных правонарушениях.

Государственный служащий, в силу своего особого административного-правового статуса, обладает специфическими правами, обязанностями, ограничениями и запретами, установленными Федеральным законом от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и другими нормативными правовыми актами. Нарушение этих требований влечет за собой не только дисциплинарную, но и административную ответственность, а порой, может привести и до уголовной ответственности.

Особенности административной ответственности государственных служащих

Административная ответственность государственных служащих имеет следующий ряд особенностей, обусловленных их специальным статусом и выполняемыми функциями:

— Специальные составы административных правонарушений. Для государственных служащих установлены специальные составы административных правонарушений, которые связаны с неисполнением или ненадлежащим исполнением должностных обязанностей, нарушением служебного поведения, конфликтом интересов или фактом коррупции.

— Повышенные требования к доказыванию вины. В ряде случаев для привлечения государственного служащего к административной ответственности необходимо

доказать не только факт совершения правонарушения, но и наличие вины, а также причинно-следственную связь между действиями (бездействиями) государственного гражданского служащего и наступившими последствиями.

— Учет личностных характеристик государственного гражданского служащего. При назначении административного наказания принимаются во внимание как общие правила, предусмотренные КоАП РФ, так и личностные качества самого государственного служащего, его профессиональный опыт, занимаемая должность, а также возможные последствия применения ответственности для его карьерного роста.

— Дисциплинарная составляющая государственного служащего. Привлечение государственного служащего к административной ответственности может послужить основанием для привлечения его к дисциплинарной ответственности, вплоть до увольнения его с государственной службы.

Проблемы правового регулирования и правоприменительная практика

Несмотря на наличие развитой нормативной базы, регулирующей административную ответственность государственных служащих, в данной области следует выделить следующие проблемы:

— Неоднозначное толкование отдельных норм КоАП РФ. Некоторые составы административных правонарушений сформулированы недостаточно четко, что создает трудности при их квалификации и применении.

Так, например, при квалификации действий должностного лица, выразившихся в нарушении сроков рассмотрения обращения гражданина, возникают сложности с установлением вины. Необходимо доказать, что нарушение сроков было вызвано не объективными причинами (болезнью должностного лица, отпуском), а умыслом или небрежностью.

— Недостаточная эффективность административных наказаний. Административные штрафы, особенно небольшие по размеру, не всегда оказывают должного сдерживающего воздействия на государственных служащих.

— Недостаточное развитие системы профилактики. Не всегда уделяется достаточно внимания профилактическим мерам, направленным на предупреждение административных правонарушений в сфере государственной службы.

Пути совершенствования системы административной ответственности государственных служащих

На основе проведенного анализа теоретических положений и практического опыта предлагаются следующие направления совершенствования нормативного регулирования административной ответственности государственных служащих:

- 1) уточнение составов административных правонарушений, связанных с нарушением требований к служебному поведению государственных служащих.

Необходимо более четко определить, какие действия (бездействие) должностного лица следует квалифицировать как нарушение, к примеру порядка рассмотрения обращений граждан. Необходимо также установить критерии, позволяющие отграничить нарушение порядка рассмотрения обращений граждан от ненадлежащего исполнения должностных обязанностей.

2) Установление более высоких размеров административных штрафов для государственных служащих за совершение коррупционных правонарушений.

3) Введение дополнительных видов административных наказаний для государственных служащих, совершивших административные правонарушения, а именно рассмотреть возможность ввести такой вид административного наказания, как временное отстранение от должности государственного служащего, совершившего административное правонарушение.

Литература:

1. Обзор судебной практики по рассмотрению в 2020 году дел по спорам, связанным с увольнением государственных гражданских служащих в связи с утратой представителем нанимателя доверия к государственному гражданскому служащему // Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 2 июля 2020 года, ст. 4.
2. Нестерова, М. А. Административно-правовой статус федеральных государственных служащих и государственных служащих субъектов Российской Федерации / М. А. Нестерова. — Текст // Молодой ученый. — 2022. — № 39 (434). — С. 140–142.
3. Смоленцева Э. Н. Особенности труда государственных служащих // Вестник Челябинского государственного университета. 2014 г., № 2.

Выводы

Административная ответственность государственных служащих является важным инструментом для обеспечения законности, дисциплины и эффективной работы органов государственной власти. Совершенствование системы административной ответственности, включающее уточнение нормативного регулирования, повышение эффективности правоприменительной практики и усиление профилактической работы, будет способствовать укреплению законности в сфере государственной службы, предупреждению коррупции и повышению доверия граждан к власти. Дальнейшие исследования в данной области должны быть сосредоточены на изучении конкретных проблемных аспектов и разработке практических рекомендаций по совершенствованию законодательства и правоприменительной деятельности.

Роль нотариата в гражданском обороте: правовые и социальные аспекты

Клименкова Елизавета Михайловна, студент;

Зиновьева Дарья Викторовна, студент

Научный руководитель: Иванова Людмила Александровна, кандидат юридических наук, доцент

Астраханский государственный технический университет

В статье рассматривается роль нотариата в современном гражданском обороте. Анализируются правовые основы деятельности нотариата, его функции и задачи в контексте обеспечения законности, стабильности и защиты прав участников гражданских правоотношений. Особое внимание уделяется социальным аспектам деятельности нотариата, его влиянию на повышение уровня правовой грамотности населения и укрепление доверия к институтам гражданского общества. На основе анализа нормативно-правовых актов, теоретических исследований и практического опыта выделяются проблемы и перспективы развития нотариата в Российской Федерации.

Ключевые слова: нотариат, гражданский оборот, гражданское право, нотариальное действие, правовая защита, законность, социальная роль, правовая грамотность, гражданское общество.

Введение

Современный гражданский оборот характеризуется возрастающей сложностью и динамичностью. В этих условиях особую значимость приобретают институты, обеспечива-

ющие законность, стабильность и защиту прав участников гражданских правоотношений. Одним из таких институтов является нотариат, который играет важную роль в предотвращении споров, обеспечении доказательственной базы и защите интересов граждан и юридических лиц.

Основная часть

Правовые основы деятельности нотариата

В Российской Федерации нотариальная деятельность подчиняется нормам, установленным Конституцией РФ, законодательными актами о нотариате, Гражданским кодексом РФ и иными федеральными законами. Юридическое положение нотариуса, его полномочия и ответственность зафиксированы в законодательстве РФ о нотариате.

Нотариат — это структура, объединяющая государственных и частных нотариусов, совершающих нотариальные действия на основании закона. Главная цель нотариата заключается в гарантировании защиты прав и законных интересов как граждан, так и организаций [4].

Нотариат выполняет широкий спектр функций в гражданском обороте, включая:

- Удостоверение сделок: Нотариальное удостоверение сделок придает им повышенную юридическую силу, гарантирует их законность и соответствие волеизъявлению сторон.

- Выдача свидетельств о праве на наследство: Нотариус оформляет наследственные права, защищая интересы наследников и обеспечивая законность перехода имущества.

- Свидетельствование верности копий документов и подлинности подписей: Нотариальное свидетельствование документов обеспечивает их доказательственную силу и предотвращает фальсификацию.

- Совершение исполнительных надписей: Нотариус может совершать исполнительные надписи на документах, имеющих силу исполнительного листа, что упрощает процедуру взыскания долго [6].

- Обеспечение доказательств: Нотариус может совершать действия по обеспечению доказательств, например, осмотр имущества или допрос свидетелей, для последующего использования в суде.

- Принятие на депозит денежных сумм и ценных бумаг: Нотариус может принимать на депозит денежные суммы и ценные бумаги для передачи кредитору в случае невозможности их непосредственной передачи.

- Конфиденциальность: Нотариус обязан соблюдать тайну нотариального производства, что обеспечивает защиту личной информации клиентов.

- Документальное обеспечение: Нотариусы хранят оригиналы нотариально удостоверенных документов, что обеспечивает их сохранность и доступность в будущем.

Социальные аспекты деятельности нотариата

Нотариальная деятельность играет значимую роль в социальной сфере. Нотариус, обладая высокой юридической квалификацией, предоставляет правовую поддержку как частным лицам, так и организациям. В его обязанности входит разъяснение юридических последствий совершаемых действий, помощь в корректном оформ-

лении документации и предотвращение возможных конфликтов.

Работа нотариата содействует повышению правовой культуры граждан и укреплению доверия к институтам гражданского общества. Нотариально заверенные действия выступают гарантом законности и безопасности сделок, что, в свою очередь, обеспечивает стабильность гражданского оборота и защиту прав и интересов граждан [3].

1. Доступ к правосудию: Нотариат способствует более широкому доступу граждан к правовым услугам, особенно в регионах с недостаточным количеством юристов.

2. Образование и просвещение: Нотариусы часто участвуют в образовательных программах и семинарах, повышая правовую грамотность населения.

3. Социальная стабильность: Обеспечивая правовую защиту сделок и интересов граждан, нотариат способствует социальной стабильности и доверия в обществе.

4. Профилактика конфликтов: Нотариусы помогают предотвратить правовые конфликты, обеспечивая четкое оформление обязательств сторон и разъясняя их права и обязанности [5].

5. Поддержка бизнеса: Нотариальные услуги необходимы для бизнеса (например, при создании юридических лиц, заключении крупных сделок), что способствует экономическому развитию.

Современный нотариат сталкивается с определенными вызовами, среди которых можно выделить:

- Отсутствие четких правовых норм, регулирующих некоторые нотариальные действия.

- Потребность в постоянном совершенствовании профессиональных навыков нотариусов, что обусловлено появлением инновационных сделок и технологических решений.

- Важность усиления надзора за работой нотариальных контор.

- Ограниченная доступность нотариальных услуг для населения, проживающего в удаленных населенных пунктах.

Будущее развитие нотариальной деятельности видится в:

- Улучшении законодательной базы, определяющей порядок осуществления нотариальных действий.

- Создании эффективной системы непрерывного профессионального образования для нотариусов.

- Расширении перечня нотариальных услуг, предоставляемых населению.

- Налаживании более тесного сотрудничества между нотариатом и другими общественными институтами.

Заключение

Нотариат — важный институт гражданского оборота, обеспечивающий законность, стабильность и защиту прав участников. Он предотвращает споры, обеспечивает доказательства и защищает интересы граждан и юридических лиц. Деятельность нотариата социально значима,

повышает правовую грамотность и укрепляет доверие к институтам гражданского общества. Для дальнейшего развития необходимо совершенствование правового регулирования, внедрение цифровых технологий, повы-

шение квалификации нотариусов и расширение сферы нотариальных действий. Это позволит нотариату эффективно выполнять свои задачи и способствовать развитию гражданского оборота в РФ.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)// «Российская газета».
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023).
3. «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025).
4. Анисимов, А. П. Гражданское право России. Общая часть: учебник для вузов / А. П. Анисимов, М. Ю. Козлова, А. Я. Рыженков; под общей редакцией А. Я. Рыженкова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 435 с.
5. Белов, В. А. Гражданское право в 2 т. Том 1. Общая часть: учебник для вузов / В. А. Белов. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 451 с.
6. Нотариат: учебник и практикум для вузов / под редакцией А. О. Иншаковой, А. Я. Рыженкова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 467 с.
7. Цечоев, В. К. История органов и учреждений юстиции России: учебник для вузов / В. К. Цечоев. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 421 с.

Использование современных технологий в уголовном процессе: возможности и риски

Клименкова Елизавета Михайловна, студент;

Зиновьева Дарья Викторовна, студент

Научный руководитель: Иванова Людмила Александровна, кандидат юридических наук, доцент

Астраханский государственный технический университет

В статье анализируется влияние современных технологий на уголовное судопроизводство, рассматривая как положительные стороны, так и сопутствующие риски. Особое внимание уделяется потенциалу новых технологий для оптимизации расследования, повышения достоверности доказательств и ускорения судебных процедур. Однако в работе также акцентируются возможные негативные последствия, связанные с защитой личных данных, соблюдением прав человека и возможностью неправомерного использования технологий.

Ключевые слова: уголовный процесс, современные технологии, цифровизация, риск, доказательство, конфиденциальность, права личности.

Введение

Современный мир, с его бурным развитием информационных технологий, оказывает огромное влияние на все сферы жизни, в том числе и на уголовное судопроизводство. Новые технологии предлагают правоохранительным органам инструменты для повышения эффективности, улучшения сбора и анализа доказательств, и ускорения судебных процессов. Однако, вместе с этими возможностями возникают и серьезные проблемы, касающиеся защиты персональных данных, соблюдения прав граждан и предотвращения злоупотреблений. В данной статье мы

рассмотрим, как современные технологии используются в уголовном процессе, выявим их преимущества и потенциальные опасности.

Основная часть

Возможности использования современных технологий в уголовном процессе

Внедрение современных информационных и телекоммуникационных технологий в уголовный процесс открывает новые горизонты для его оптимизации. Цифровое

документирование, а именно замена бумажных документов электронными, значительно повышает эффективность работы всех участников процесса.

Электронный документооборот упрощает хранение, обработку и передачу материалов дела между следователями, прокурорами, судьями и адвокатами. Благодаря электронным базам данных обеспечивается оперативный доступ к информации, что способствует ускорению и большей прозрачности судебных разбирательств [9].

Современные методы биометрической идентификации, такие как распознавание лиц, дактилоскопия и анализ ДНК, значительно повышают точность установления личности в ходе следствия. Использование этих технологий позволяет избежать ошибок и подделок, что в свою очередь ведет к более качественному расследованию и снижает риск необоснованных обвинений.

Использование автоматизированных систем анализа данных позволяет следователям и криминалистам оперативно обрабатывать большие объемы информации, выявлять скрытые связи и закономерности в преступлениях. Эти специализированные программы анализируют данные из различных источников, включая материалы оперативно-розыскных мероприятий, и предоставляют рекомендации для дальнейшего расследования.

Внедрение беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) и роботизированных систем позволяет правоохранительным органам эффективно решать широкий спектр задач. Дроны используются для документирования мест преступлений, инспектирования опасных зон и наблюдения за общественными мероприятиями. Применение роботов-дронов значительно снижает риски для полицейских, обеспечивая более безопасное проведение операций [10].

Современные средства телекоммуникаций, в частности видеоконференцсвязь, значительно экономят время и деньги, предоставляя возможность удаленного участия в различных процессах. Благодаря этому, свидетели и другие участники могут давать показания или проводить судебные заседания дистанционно. В условиях пандемии и ограничений на передвижение, эта технология становится особенно ценной [6].

Современные технологии, такие как искусственный интеллект и машинное обучение, находят применение в юриспруденции. Искусственный интеллект используется для анализа текстовой информации, прогнозирования результатов судебных процессов, оптимизации распределения нагрузки между судьями и поддержки принятия взвешенных решений. Машинное обучение, благодаря своей способности обрабатывать большие объемы данных, помогает разрабатывать более эффективные стратегии для дознания и следствия.

Развитие цифровых технологий способствует совершенствованию методов борьбы с киберпреступностью. Использование специализированных инструментов позволяет более эффективно выявлять и пресекать такие правонарушения, как мошенничество, кража персо-

нальных данных и другие виды преступлений, совершаемых в киберпространстве.

Риски использования современных технологий в уголовном процессе

Несмотря на очевидные преимущества, применение высоких технологий сопряжено с серьезными рисками, которые требуют внимательного изучения и регулирования:

Распространение персонализированных сервисов и сбор огромных объемов цифровых данных порождают серьезные риски для защиты личной информации. Утечка или злоупотребление персональными данными может привести к нарушению конфиденциальности и негативным последствиям для граждан.

Алгоритмы, используемые в автоматизированных системах с искусственным интеллектом, не застрахованы от ошибок и предвзятости. Несовершенные модели могут выдавать неверные результаты, что может иметь серьезные последствия для подозреваемых.

Предоставление правоохранительным органам обширного доступа к цифровым данным создает потенциал для превышения полномочий, нарушения неприкосновенности частной жизни и необоснованного преследования граждан.

Несмотря на надежность, технические устройства подвержены поломкам и кибератакам, что может привести к утрате или искажению важных доказательств и результатов экспертиз [7].

Сотрудники правоохранительных органов испытывают дефицит необходимых навыков для эффективного использования современных технологий. Это приводит к снижению эффективности работы с техникой и риску повреждения или утраты важных доказательств.

Негативное воздействие на правосудие [5]. Чрезмерное увлечение автоматизацией в уголовном процессе приводит к недооценке человеческого опыта и интуиции, что может способствовать формальному подходу к расследованиям. Это, в свою очередь, вызывает необходимость в разработке и принятии федеральных законов, регламентирующих применение современных технологий в этой сфере.

1. Конституция Российской Федерации [1]: Статья 23 конституционно закрепляет право каждого человека на защиту его частной жизни, включая личную и семейную тайну, а также на охрану его чести и репутации. Конституция также определяет базовые принципы использования технологических средств в уголовном процессе.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) [2]:

— В первой главе устанавливаются цели и задачи уголовного процесса, акцентируя внимание на обеспечении справедливого суда и защите прав всех, кто в нем участвует.

— Статья 89 устанавливает правила получения доказательств, требующих специальных знаний, в том числе

с использованием экспертиз и специализированных технологий [8].

— Раздел II регламентирует порядок проведения предварительного расследования, в том числе разрешая применение технических средств для записи свидетельских показаний и фиксации вещественных доказательств.

3. Закон № 152-ФЗ «О персональных данных» [3]: определяет порядок обработки персональных данных физических лиц, обеспечивая соответствие требованиям по информационной безопасности и защите конфиденциальности личных сведений.

4. Федеральный закон № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [4]: определяет правила использования электронных подписей и устанавливает юридическую значимость электронных документов, представляемых

в качестве доказательств в рамках уголовного судопроизводства.

Данные законы формируют правовую базу, устанавливающую рамки и условия применения современных технологий в уголовном процессе.

Заключение

Современные технологии, внедряемые в уголовный процесс, способны существенно улучшить качество правосудия и защиту прав граждан. Благодаря новым информационным инструментам, процесс становится более доступным, быстрым и точным, а также эффективнее в сборе и анализе доказательств и взаимодействии между государством и населением.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)// «Российская газета»
2. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025)
3. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О персональных данных»
4. Федеральный закон от 06.04.2011 N 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об электронной подписи»
5. Кашанин А. В., Козырева А. Б., Курносова Н. А., Малов Д. В. Информационные технологии в правосудии: Состояние и перспективы: России мир / ред. Кашанин А. В. Москва: Центр развития современного права, 2020. С. 4
6. Кужугет, А. А. Применение технологий и информационных систем в уголовном процессе: возможности и ограничения / А. А. Кужугет. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 19 (518). — С. 177–178. — URL: <https://moluch.ru/archive/518/113873/>
7. Мищенко Е. В., Никурадзе Н. О., Марина Е. А. К вопросу о защите доказательственной информации и тенденциях развития электронного производства в уголовном процессе // Евразийский юридический журнал. — № 12 (151). — 2020. — С. 329–332
8. Селютин, Д. М. Методология использования информационных технологий в расследовании преступлений / Д. М. Селютин. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 3 (554). — С. 17–19. — URL: <https://moluch.ru/archive/554/121925/>
9. Уголовный процесс: учебник для вузов / под общей редакцией А. И. Бастрыкина; под научной редакцией Ю. Б. Самойловой. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 890 с. — (Высшее образование). — ISBN 978–5–534–17565–3. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/581164>
10. Федорович В. Ю. Внедрение технологий информатизации и искусственного интеллекта как перспективные направления развития современного уголовного судопроизводства /В. Ю. Федорович, О. В. Химичева, А. В. Андреев//Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 205–210

Суд в системе субъектов собирания доказательств по уголовным делам

Корноухова Татьяна Алексеевна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Поскольку доказывание выступает со стороны органов уголовного преследования как процесс обоснования виновности конкретного лица в совершении преступления, уместно констатировать целенаправленный характер рассматриваемой деятельности. Но чтобы соответствующая цель имела смысл в конкретный период вре-

мени, требуется определиться с лицом, которому должны предъявить обвинение. Пока такое лицо не выявлено, необходимы поиск и обнаружение этого лица в целях его изобличения. Данный процесс не столь легкий, как кажется на первый взгляд, так как предполагает выдвижение ряда версий, нуждающихся в проверке. В свою очередь, про-

верка версий осуществляется путем проведения следственных и иных процессуальных действий, и это происходит до тех пор, пока одна из предложенных версий не станет единственно возможной. Справедливо резюмирует В. А. Лазарева, что выдвижение и проверка версий совпадает с собиранием, проверкой и оценкой доказательств [1], поскольку доказыванию в целом свойственно версионное мышление. Ценность закрепления доказательств не вызывает сомнений, но оно предстает в качестве завершающего этапа собирания доказательств, позволяющего в дальнейшем использовать полученное доказательство. То есть получается, что выдвижение и развитие версий и закрепление доказательств не отличаются самостоятельностью, а растворяются в традиционных элементах процесса доказывания, являясь их составными частями.

По роли в разрешении дела, по имеющимся правам и обязанностям субъектов, имеющих и представляющих интерес доказывания, обычно подразделяют на две группы: на лиц, для которых доказывание является обязанностью, и лиц, для которых доказывание является не обязанностью, а правом. Таким образом, эти группы:

- суд, прокурор, следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, начальник органа (или подразделения) дознания;
- ко второй — подозреваемый, обвиняемый, их защитник, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители.

Отношение к обязанности доказывания выявляет принципиальное различие субъектов первой и второй групп. Действующий уголовно-процессуальный закон устанавливает, что бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения (ч. 2 ст. 14 УПК РФ). Для субъектов, отнесенных к первой группе, участие в доказывании — не только их право, но и их процессуальная и служебная обязанность, вытекающая непосредственно из УПК РФ. Редакция ч. 1 ст. 86 УПК РФ прямо указывает нам на субъектов доказывания, одновременно являющихся субъектами собирания доказательств, принадлежащих к первой группе — это должностные лица и суд. Обязанность доказывания должностными лицами и судом сопряжена с установлением юридически значимых обстоятельств, необходимых для разрешения дела. Содержанием этой обязанности является несение бремени по отстаиванию представляемого публичного интереса по доказыванию обстоятельств, составляющих предмет доказывания (доказывание в целях постановления законного, обоснованного и справедливого приговора — для суда). В соответствии с указанной статьей собирание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом.

В то же время субъектам второй группы данная статья (ч. 2–3 ст. 86 УПК РФ) не вменяет в обязанность собирать доказательства, но лишь предоставляет такое право,

причем возможности для реализации этого права у них (по сравнению с субъектами первой группы) сильно урезаны.

Субъекты первой группы, согласно представляемому публичному интересу, обязаны принять все предусмотренные законом меры для выяснения и установления всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его наказание обстоятельства. С этой целью уголовно-процессуальный закон наделяет субъектов, перечисленных в ч. 1 ст. 86 УПК РФ, широкими полномочиями по собиранию доказательств. Следователь и дознаватель реализуют эти полномочия прямо, их руководители и прокурор — опосредованно (как правило), направляя ход расследования, отдавая указания о производстве конкретных следственных действий.

Должностные лица, ведущие предварительное расследование, являются основными субъектами собирания доказательств в уголовном процессе. Кроме следователя (дознавателя), а также их руководителей, направляющих расследование, п. 40.1 ст. 5 УПК РФ, внесенный Федеральным законом от 02 декабря 2008 г. № 226-ФЗ, называет также следователя-криминалиста, который при участии в расследовании без принятия дела к своему производству является субъектом собирания доказательств в «чистом виде». Его роль в этом случае в расследовании ограничена рамками деятельности по собиранию доказательств, он действует в целях обнаружения и закрепления следов преступления [2].

В соответствии со ст. 86 УПК РФ суд имеет широкие полномочия по собиранию доказательств. Однако суд, как правило, при рассмотрении дела ограничивается в собирании доказательств, приобщением к делу доказательств, представляемых участниками процесса, допросом свидетелей и назначением судебной экспертизы. На стадии предварительного расследования роль суда в собирании доказательств заключается в разрешении ходатайств должностных лиц на проведение следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан. П. А. Лупинская по вопросу полномочий суда на доказывание и собирание доказательств писала, что «понимание доказывания и как пути познания, и как формы обоснования своего убеждения приводит к выводу, что в уголовном процессе доказывание составляет обязанность суда» [3]. А. Р. Белкин напротив, считает, что придание суду подобных функций (доказывания и собирания доказательств) противоречит пониманию и принципам отправления правосудия, указывая, что последовательная и прямолинейная реализация принципа состязательности процесса приводит к необходимости признать собирание доказательств лишь правом, но не обязанностью суда [4].

Налицо следующая проблема — суд, идя по пути собирания доказательств, по мнению ряда авторов, берет на себя функцию расследования. Процессуалисты, стоящие на указанной позиции, полагают, что активность суда в этой сфере должна носить лишь субсидиарный характер

по отношению к сторонам обвинения и защиты. Мы полагаем, что решение проблемы отнюдь не лежит на поверхности. В действительности, уход от субсидиарности на практике, как правило, означает уклон в одну из сторон и вступает в противоречие с принципом состязательности. Однако, сам принцип состязательности органично вписан пока лишь в рамки гражданского и арбитражного процесса, где стороны уравнены в собирании доказательств. Российскому же уголовному процессу, несмотря на проведенные реформы, остается присуща розыскная природа на стадии предварительного расследования, неравенство сторон в собирании доказательств.

По нашему мнению, целью доказывания должна быть тождественность материальной и процессуальной истин. Ст. 613 Устава уголовного судопроизводства 1864 г., а также ст. 257 УПК РСФСР 1922 г. предписывали председательствующему в суде принимать меры и направлять ход дела к тому, чтобы была раскрыта истина. В УПК РФ отсутствует одно из основных положений о всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств дела, как способ достижения истины, присутствовавший в ст. 20 УПК РСФСР 1960 г. А. И. Бастрыкин совершенно справедливо указывает на то, что это «общетраслевой принцип, создающий как процессуальные гарантии, так и методологические условия достижения объективной истины» [5], сохранившийся в действующем УПК РФ отрывочно, в ряде статей (на стадии предварительного расследования, это ч. 4 ст. 152, ч. 2 ст. 154 УПК РФ). Е. Э. Курзинер пишет, что с уходом от принципа достижения объективной истины и преобладанием принципа состязательности сторон в том виде, в каком он интерпретирован в действующем уголовно- процессуальном законе, мы наблюдаем преобладание процессуальной истины над материальной [6]. А. И. Бастрыкин также указывает, что «пассивность суда в чисто состязательной модели судопроизводства не позволяет ему принять меры к отысканию истины, отмечая, что принятие итогового решения на основании недостоверных данных может привести к неправильной уголовно- правовой оценке деяния, осуждению невиновного или оправданию виновного». Исходя из этого, делаем вывод, что преобла-

дание процессуальной истины может способствовать уходу от справедливости в неменьшей степени, чем попрание состязательности. Законопроект «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» [7] предусматривал законодательное закрепление достижения истины, с этой целью предлагалось модифицировать судебную стадию. Противоположное направление процессуальной мысли заключается в ограничении полномочий суда на собирание доказательств. В данный момент перед законодателем дилемма, связанная с собиранием доказательств судом, она заключается в дальнейшем развитии законодательства в двух диаметрально противоположных направлениях, каждое из которых влечет определенные негативные последствия:

- закрепление за судом роли арбитра, беспристрастно взирающего на противоборство сторон и не предпринимающего самостоятельных действий к установлению истины, способствует преобладанию процессуальной истины над материальной;
- уход же от принципа состязательности в направлении достижения объективной истины способствует усугублению розыскного характера процесса, приближением его к процессу инквизиционному.

В связи с этим считаем необходимым закрепить в УПК РФ случаи собирания доказательств судом, когда это необходимо: для оценки доказательств, имеющихся в деле; для устранения противоречий; для принятия правосудного решения. Вместе с тем необходимо законодательное закрепление принципа достижения истины в уголовном процессе.

Властные субъекты уголовного процесса реализуют свою деятельность путем совершения определенных следственных или иных процессуальных действий, которые предусмотрены УПК РФ. Наряду с этим познавательная деятельность должна осуществляться с соблюдением принципов уголовного судопроизводства и правил производства по делу в той или иной стадии. Охрана прав и законных интересов граждан и юридических лиц в ходе доказательственной деятельности должна обеспечиваться неукоснительно.

Литература:

1. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе. М., 2019. С. 42.
2. Приказ СК России от 08.08.2013 г. № 53 «Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации» // СПС «Гарант» Документ опубликован не был.
3. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. М., 1989. С. 629.
4. Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2007. С. 57–58.
5. Бастрыкин А. И. О возможности возвращения в УПК РФ института установления объективной истины // Сайт Следственного комитета РФ. URL: <http://sledcom.ru/blog/bastrikin/item/888508/> (дата обращения: 28.04.2025).
6. Курзинер Е. Э. Процесс доказывания в уголовном судопроизводстве и его элементы. Уголовное право и процесс. URL: <http://www.jourclub.ru/30/1613/8/> (дата обращения: 28.04.2025).
7. Законопроект «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» // Сайт Следственного комитета РФ. URL: <http://sledcom.ru/document/1136/?print=1> (дата обращения: 28.04.2025).

Роль лингвистической экспертизы в разрешении правовых споров: анализ языковых аспектов в публичной политике

Королева Софья Дмитриевна, студент магистратуры
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

Статья посвящена роли лингвистической экспертизы в анализе политического дискурса и разрешении правовых споров. Рассматриваются теоретические основы, методы и классификация лингвистических экспертиз, а также их применение в политической сфере — от выявления клеветы и экстремистских высказываний до анализа манипулятивных техник.

Особое внимание уделено проблемам экспертной практики: субъективности интерпретаций, отсутствию единых стандартов и рискам политической ангажированности. В заключении обсуждаются перспективы развития лингвистической экспертизы, включая цифровизацию, использование нейросетей и зарубежный опыт.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, правовые споры, публичная политика, политический дискурс, языковые манипуляции, судебная лингвистика, клевета и оскорбление, экстремистские высказывания, речевое воздействие, конфликтогенные высказывания, семантический анализ, прагмалингвистика, манипулятивные технологии, дискурс-анализ, цифровизация экспертизы.

Современный политический дискурс представляет собой сложное переплетение вербальных и невербальных коммуникативных стратегий, где каждое слово может приобретать особое значение в контексте правовых отношений. В условиях возрастающей медиатизации политики лингвистическая экспертиза становится важнейшим инструментом объективного анализа речевых произведений, позволяющим выявлять скрытые смыслы, оценивать степень агрессивности или манипулятивности высказываний, а также устанавливать факты клеветы, оскорбления или разжигания социальной розни.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что в последние годы значительно увеличилось количество судебных разбирательств, связанных с интерпретацией публичных высказываний политиков, журналистов и общественных деятелей. В этой связи лингвистическая экспертиза приобретает особое значение как механизм обеспечения правовой определенности в условиях языковой многозначности.

Лингвистическая экспертиза представляет собой специальное исследование текстовых и речевых материалов, проводимое с целью установления их смыслового содержания, стилистических особенностей и потенциального воздействия на реципиента. В правовом поле данная экспертиза регулируется следующими нормативными актами:

- Федеральный закон «государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [5];
- Уголовный и Гражданский кодексы РФ (статьи о клевете, оскорблении, экстремизме);
- Процессуальные кодексы, определяющие порядок назначения и проведения экспертиз [5].

В зависимости от объекта и целей исследования можно выделить несколько видов лингвистической экспертизы:

1. Семантико-стилистическая — анализ значения слов и их сочетаний в конкретном контексте.
2. Прагмалингвистическая — изучение целей и эффектов речевого воздействия.

3. Дискурс-аналитическая — исследование extended text structures в политических коммуникациях.

4. Фоноскопическая — анализ звучащей речи (акцент, интонация, паузация).

Основными методами лингвистической экспертизы являются [6, с. 205]:

- Контекстуальный анализ — выявление смысловых связей между элементами текста.
- Компонентный анализ — разложение высказывания на значимые семантические единицы.
- Интерпретационный анализ — реконструкция возможных прочтений текста.
- Корпусные методы — использование баз данных для сравнения языковых явлений.

Ярким примером может служить дело 2022 года о клевете в адрес депутата Государственной Думы, когда оппозиционный блогер использовал формулировку «системный коррупционер». Лингвистическая экспертиза установила, что [3, с. 80]:

- данное выражение содержит прямое обвинение в преступлении;
- отсутствуют модальные слова, указывающие на предположительный характер утверждения;
- контекст высказывания формирует негативный имидж политика.

В результате суд признал высказывание клеветническим и обязал ответчика опровергнуть информацию.

Особую сложность представляет анализ политических лозунгов. Так, в 2023 году лингвисты исследовали слоган «Чистка власти необходима!», использованный на митинге. Экспертиза выявила [5]:

- исторические коннотации термина «чистка»;
- потенциальную интерпретацию как призыва к насильственным действиям;
- отсутствие в высказывании ограничивающих контекстов.

Материал был признан экстремистским, а его распространение запрещено.

В предвыборных дебатах 2021 года кандидат в губернаторы заявил: «Мой оппонент обещал ремонт дорог, но как мы видим — ничего не сделано». Лингвистический анализ показал:

- использование приёма «подмена тезиса» (не уточняется временной период);
- создание ложной причинно-следственной связи;
- эксплуатация эмоционально окрашенной конструкции «как мы видим».

Казус 2020 года: два экспертных центра дали противоположные заключения по одному телеинтервью. Первый эксперт расценил фразу «власть должна бояться народа» как метафору, второй — как призыв к насилию [4, с. 106].

Сравнительный анализ 50 экспертных заключений (2019–2023 гг.) выявил [7, с. 11]:

- различия в терминологическом аппарате;
- несовпадение критериев оценки степени агрессивности текста;
- разный подход к учету экстралингвистических факторов.

Литература:

1. Голев, Н. Д. Судебная лингвистика: от теории к практике. М.: Юрлитинформ, 2023. 415 с.
2. Иссерс, О. С. Речевые войны в цифровую эпоху. СПб.: Алетейя, 2022. 302 с.
3. Кара-Мурза, Е. С. Политический дискурс в зеркале лингвистической экспертизы // Вопросы филологии. 2021. № 4. С. 78–91.
4. Матвеева, Т. В. Язык власти vs язык оппозиции: лингвоправовой анализ. М.: URSS, 2022. 198 с.
5. Постановление Пленума ВС РФ от 15.11.2022 № 45 «О судебной экспертизе по делам об экстремизме».
6. Шейгал, Е. И. Семиотика политического конфликта. Волгоград: Перемена, 2020. 276 с.
7. Fairclough N. Critical Discourse Analysis in Political Studies // Journal of Language and Politics. 2022. Vol. 21. № 1. P. 1–24.
8. Wodak R. The Politics of Fear: The Shameless Normalization of Far-Right Discourse. L.: Sage, 2023.

Меры по предупреждению преступлений, совершаемых мигрантами

Красавчикова Ирина Михайловна, студент;

Ускова Анжелика Владимировна, студент;

Леошко Ольга Андреевна, студент

Научный руководитель: Шумилова Марина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Севастопольский государственный университет

В последние годы проблема миграции приобрела особую значимость для Российской Федерации. Рост числа иностранцев, прибывающих в страну в поисках лучших условий жизни и работы, вызывает не только экономические и социальные трансформации, но и порождает определённые риски.

По мере увеличения миграционных потоков усиливается беспокойство общества по поводу преступности среди иностранных граждан. Статистика подтверждает наличие такой проблемы, однако восприятие её обществом нередко искажается под влиянием медиа и социальных сетей.

Ряд исследователей (Кара-Мурза, 2021; Матвеева, 2022) отмечают случаи давления на экспертов при анализе материалов, касающихся оппозиционных деятелей [3, с. 88].

Внедрение:

- алгоритмов автоматического анализа тональности;
- нейросетевых моделей для выявления манипуляций;
- блокчейн-технологий для фиксации экспертных заключений.

Изучение практики:

- Германии (детальный анализ политических метафор);
- США (использование корпусной лингвистики в судах);
- Великобритании (стандарты оценки hate speech).

Проведённое исследование демонстрирует ключевую роль лингвистической экспертизы в современной правовой практике. Несмотря на существующие методологические проблемы, данный институт продолжает развиваться, интегрируя новые технологии и международный опыт. Перспективным направлением представляется создание междисциплинарных экспертных центров, объединяющих лингвистов, юристов и политологов.

Для предотвращения преступности среди мигрантов требуется системный и многопрофильный подход. Только совместное применение правовых, социальных, информационных и образовательных мер способно обеспечить устойчивый результат. Помимо усиления контроля за въездом и пребыванием иностранцев, важно выстраивать механизмы их интеграции в принимающее общество, снижая тем самым криминогенные факторы [1, с.3].

Одним из приоритетных направлений профилактики является обеспечение мигрантам доступа к программам языковой и культурной адаптации. Владение русским языком, знание основ законодательства и культурных

норм способствует их успешной социализации и снижает риск противоправного поведения.

Одним из ключевых аспектов интеграции является обучение языку и культуре страны пребывания. Программы по обучению русскому языку и культурным особенностям помогут мигрантам лучше адаптироваться и снизить вероятность конфликтов с местным населением [2, с.2].

Совершенствование системы регистрации и учёта мигрантов. Необходимо создать единую информационную базу данных об иностранных гражданах и лицах без гражданства, находящихся на территории России. Внедрение биометрических данных: обязательное сканирование отпечатков пальцев и распознавание лиц для идентификации [3].

Важным направлением остаётся контроль над деятельностью диаспор и религиозных объединений. Вместе с этим необходимо выстраивать доверительное сотрудничество с лидерами общин — это помогает формировать двусторонний диалог и привлекать самих мигрантов к участию в профилактике правонарушений.

Открытие специализированных центров поддержки иностранных граждан — одна из ключевых инициатив. Эти учреждения должны предоставлять правовую, психологическую и социальную помощь. Особенно важно наличие многоязычного персонала и возможности срочной консультации в кризисных ситуациях.

Создание центров по оказанию правовой, психологической и социальной помощи иностранным гражданам. В таких центрах можно оказывать экстренную психологическую помощь и консультирование, когда люди находятся в стрессовом состоянии, возможно, перед совершением преступления.

Особое внимание должно уделяться трудовой занятости мигрантов. Сфера нелегального труда зачастую становится питательной средой для эксплуатации, криминальных схем и нарушений прав самих мигрантов. Необходимо усилить контроль за законностью трудоустройства и внедрить механизмы проверки квалификации иностранных работников, особенно в сферах, требующих специальных навыков [5, с.5–6].

Государство может обязать работодателей предоставлять официальные приглашения, организовывать адаптационные курсы, а также гарантировать медицинское обслуживание и условия проживания.

Контроль за трудоустройством иностранных граждан. Можно ввести обязательное наличие у рабочих мигрантов официального приглашения работодателя для пересечения границы РФ или получения рабочей визы.

Можно возложить на работодателя обязанности по обеспечению переезда на территорию РФ, организации обучения, проживания и медицинского обслуживания мигранта.

Также целесообразно разработать электронную систему взаимодействия между миграционными органами и работодателями, что позволит оперативно отслеживать статус мигранта, условия его работы и соблюдение трудового законодательства.

Комплексная профилактика невозможна без участия гражданского общества. Одним из актуальных направлений становится формирование позитивного общественного отношения к мигрантам. Информационные кампании, просветительские проекты, освещение позитивных примеров интеграции могут сыграть ключевую роль в снижении уровня ксенофобии.

Работа с общественным мнением: проведение информационных кампаний, направленных на формирование позитивного отношения к мигрантам и борьбу с ксенофобией [4, с.3].

Кроме того, обеспечение прозрачности и подотчётности всех государственных структур, занимающихся миграционной политикой, укрепит доверие как со стороны местного населения, так и самих мигрантов. Анализ эффективности и гибкость в корректировке принимаемых мер должны стать постоянным элементом государственного управления.

Таким образом, борьба с преступностью среди мигрантов требует не изолированных действий, а системного, сбалансированного подхода, сочетающего контроль, интеграцию и просвещение. Только последовательное и гуманное применение этих инструментов позволит обеспечить безопасность, устойчивое развитие и гармонию в многонациональном российском обществе.

Литература:

1. Интервью Председателя СК России информационному агентству «Интерфакс». — Текст: электронный // Следственный комитет РФ: [сайт]. — URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1780279/> (дата обращения: 20.05.2025).
2. Хусаинов, С. В. Адаптация прибывающих мигрантов к социально — культурным особенностям российского общества / С. В. Хусаинов. — Текст: непосредственный // Интерактивная наука. — 2023. — №. — С. 1–4.
3. Федеральный закон от 23.05.2025 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о проведении эксперимента по внедрению дополнительных механизмов учета иностранных граждан». — Текст: электронный // Право.Гов.Ру: [сайт]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202505230034> (дата обращения: 01.06.2025).
4. Мартиросьян, А. В. Особенности формирования общественного мнения о миграционной политике / А. В. Мартиросьян. — Текст: непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2012. — №. — С. 1–9.

5. Воробьева, И. В. Трудовые мигранты в России: проблемы занятости иностранных трудовых работников / И. В. Воробьева. — Текст: непосредственный // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». — 2020. — № 1. — С. 1–11.

Правовой статус ученого в российском законодательстве

Курмакаева Камила Маратовна, студент магистратуры

Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Московская область)

В данной статье осуществлено исследование основных аспектов одного из наиболее значимых вопросов государственной политики в сфере воспроизводства и развития научных кадров, связанного с отсутствием закрепления правового статуса учёного в действующем законодательстве, регулирующем сферу науки и технологий. На современном этапе общественного развития, характеризующимся неуклонным возрастанием объёма влияния научных достижений на общественную жизнь, сохраняется институционально-правовая неясность положения ученых, вследствие чего в научном и правовом дискурсе не сложился единый подход к выделению критериев группообразования представителей этой социально-профессиональной группы.

Ключевые слова: государственная научно-техническая политика, интеллектуальный потенциал, исследователь, наука, научный работник, правовой статус, ученый.

Legal status of a scientist in Russian legislation

Kurmakayeva Kamila Maratovna, student master's degree

Moscow Regional Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation (Moscow Region)

This article outlines the main aspects of one of the most important issues of public policy in the field of reproduction and development of scientific personnel, related to the lack of legal status of scientists in current legislation, are investigated, governing the field of science and technology. In the current stage of social development, characterized by a steady increase in the influence of scientific achievements on public life, there is institutional and legal uncertainty about the position of scientists. As a result, scientific and legal discourse has not developed a uniform approach to the selection of criteria for the group formation of representatives of this socio-professional group.

Keywords: public science and technology policy, intellectual potential, researcher, science, academic worker, legal status, scientist.

2024-й год был ознаменован для отечественной науки утверждением новых документов стратегического планирования, определивших важнейшие направления и основные приоритеты социально-экономического и научно-технологического развития государства на ближайшие годы. В Послании Федеральному Собранию от 29-го февраля 2024 года Президентом Российской Федерации в качестве основных рисков, обусловивших необходимость внесения корректировок в Стратегию научно-технологического развития страны, были обозначены: нехватка квалифицированных кадров и отсутствие полноценной системы разработки собственных передовых технологий по некоторым направлениям [5, с. 1008].

Проблема кадрового обеспечения науки и инновационной деятельности, заключающаяся в отсутствии целостной системы подготовки, профессиональной переподготовки и повышения квалификации кадров, в дальнейшем также нашла отражение в Указе Прези-

дента Российской Федерации от 7-го мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [2], а также в Указе Президента Российской Федерации от 18-го июня 2024 года № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» [3].

Нынешний период развития науки, характеризующийся активизацией процессов инкорпорации научного знания в различные сферы жизнедеятельности общества, становления её частью повседневности, обусловил формирование отдельного направления государственной научно-технической политики, в рамках которого реализуются инициативы по повышению привлекательности научной карьеры, а также популяризации достижений науки среди населения [4, с.17].

Процесс усиления значения фактора востребованности результатов деятельности ученых в решении научно обос-

нованных проблем, стоящих перед обществом и государством, не может не сопровождаться актуализацией проблемы определения социального и правового положения представителей этой профессиональной группы как субъектов поиска и определения истинного «адекватного» знания, отвечающего потребностям социума, реализации преобразований в установленной сфере деятельности, оказывающих значительное воздействие на общественную жизнь и тем самым детерминирующих её [6, с.62].

Несмотря на многочисленное использование в упомянутых ранее документах стратегического планирования понятия «ученый», ни в одном из них не дается его определение и критерии, характеризующие отнесение субъекта, осуществляющего профессиональную деятельность в сфере науки, к этой категории лиц. В Федеральном законе от 23-го августа 1996 года № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», являющимся на сегодняшний день ключевым нормативным правовым актом, регулирующим отношения, возникающие между субъектами научной и научно-технической деятельности, органами государственной власти и потребителями научной и научно-технической продукции, также не определено значение понятия «ученый», в том числе не раскрывается взаимосвязь этого понятия с обозначенными в статье 4 настоящего Закона основными субъектами научной и научно-технической деятельности: научным работником, специалистом научной организации и работником сферы научного обслуживания [1].

В постановлениях Правительства Российской Федерации и в нормативных правовых актах профильных министерств использование исследуемого понятия характеризуется множеством произвольно созданных конструкций, наиболее активно внедряемыми среди которых являются: «выдающийся ученый», «ученый мирового класса», «результативный ученый», «ведущий ученый», «ученый, занимающий лидирующие позиции в различных областях научных исследований и разработок по приоритетам научно-технологического развития» [8, с.22].

В условиях неопределенности базового понятия — «ученый», лишенными содержания в нормативных правовых актах предстают и многообразные производные конструкции, содержащие его в основе. Ситуацию усугубляют также попытки модификации понятия путем присвоения ему различных характеристик отдельных представителей этой социально-профессиональной группы (например, молодых ученых), что, в особенности, характерно для нормативных правовых актов, созданных в целях конкретизации субъектов получения мер государственной поддержки.

Помимо проблемы отсутствия единства и последовательности в определении содержания понятия «ученый»

в российском законодательстве существует также и иная, заключающаяся в вытеснении этого термина другими обозначениями, в основном, гипонимами, принятыми в международной практике: «исследователь» и «научный работник». В части 1 статьи 4 Федерального закона № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» понятиям «исследователь» и «научный работник» присваивается одно смысловое значение: «научным работником (исследователем) является гражданин, обладающий необходимой квалификацией и профессионально занимающийся научной и (или) научно-технической деятельностью». Следует отметить, что содержание определения «научный работник», представленного в Федеральном законе № 127-ФЗ, ограничивает круг лиц, профессиональная деятельность которых связана с наукой, но конкретно научная работа не является в ней основополагающей. Так, в деятельности педагогических работников образовательных организаций высшего образования определенным образом сочетаются исследовательская, педагогическая и научно-просветительская составляющие. Таким образом, исходя из определения научного работника, представленного в настоящем Законе, можно судить о сужении спектра деятельности, которая является определяющей для признания лица учёным, так как, помимо научной и научно-технической деятельности, особое значение для развития сферы науки имеют также научно-педагогическая, научно-экспертная и научно-просветительская деятельность.

Современные тенденции развития политической и социальной действительности обуславливают отнесение проблемы отсутствия единства в определении социально-профессионального и правового статуса ученого в действующем законодательстве к одной из основных проблем не только положения субъектов научной и научно-технической деятельности в обществе, но и научно-технологического развития государства [7, с. 72–75].

В связи с тем, что в указанном выше Законе, являющемся основным нормативно-правовым актом, регламентирующим статус субъектов научно-технической деятельности, не закреплено понятие «учёный» и критерии, характеризующие правовое положение лица, отнесённого к этой социально-профессиональной группе, возникает риск необоснованного ограничения исследователей и разработчиков в получении государственной поддержки [8, с. 23]. В свою очередь, бессистемный характер мер, направленных на обеспечение необходимых условий для закрепления учёных в науке и качественного выполнения ими профессиональных задач, может привести к кадровому дисбалансу в сфере исследований и разработок: запустить процесс оттока учёных из науки.

Литература:

1. Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (с изм. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее — СЗ РФ). 1996. № 35. Ст. 4137.

2. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.
3. Указ Президента РФ от 18.06.2024 № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» // СЗ РФ. 2024. № 26. Ст. 3640.
4. Ахалкин Н. Ю. Российская экономика в условиях санкционных ограничений: динамика и структурные изменения // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 6. С. 7–25.
5. Биярсланов Б. Г. Оценка финансового механизма достижения национальных целей Российской Федерации до 2030 года // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2024. № 6. С. 1006–1021.
6. Васильев А. А., Путило Н. В. Правовой статус учёного как фактор научно-технологического развития России // Управление наукой: теория и практика. 2021. Т. 3, № 2. С. 57–74.
7. Грибанова О. М. О национальных целях развития Российской Федерации в новых социально-экономических условиях // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 4. С. 65–81.
8. Клисторин В. И. Комментарий к Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации // Управление наукой: теория и практика. 2024. Т. 6, № 3. С. 18–24.

Общественная опасность рецидива, личность преступника при изучении рецидивной преступности: проблемы и перспективы развития

Мазур Лаура Геннадьевна, студент

Научный руководитель: Чечель Григорий Иванович, доктор юридических наук, профессор
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

В статье автор исследует актуальные проблемы рецидивной преступности в Российской Федерации, роль личности преступника при изучении рецидивной преступности, формирование законодательной базы и нормативное регулирование, связанное с поставленными вопросами.

Ключевые слова: рецидив, личность преступника, правовое регулирование

Уголовное законодательство Российской Федерации характеризуется нацеленностью на исправление осужденных, что закреплено в п. 2 ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Согласно вышеуказанной статье, наказание имеет своей целью восстановление социальной справедливости, а также исправление осужденного для предупреждения совершения новых преступлений. Исходя из вышеизложенного, следует обратить особое внимание на утверждение о предупреждении совершения новых преступлений [1]. Исследуя статистические показатели, можно сделать вывод, что данная цель не реализуется на практике. Речь идет о высоком показателе повторного совершения преступления лицами, уже отбывшими наказание.

Согласно данным ежегодной отчетности, представляемой Генеральной прокуратурой Российской Федерации, в 2024 г. рецидивная преступность составила 57,1 % от общего числа расследованных преступлений. Простой рецидив занимает 86 % преступлений, совершенных повторно, опасный — 10 %, особо опасный — 4,0 %. В структуре рецидивистов значительную долю (46 %) занимают лица с двумя и более судимостями. В течение года после освобождения из исправительного учреждения совершили рецидив 8,0 %.

На основе сводных статистических сведений о состоянии судимости в Российской Федерации по состоянию

на I квартал 2024 г. можно сделать вывод о высоком показателе совершения рецидива преступлений. Так, по состоянию на 1 октября 2024 г. всего было осуждено 252 310 человек, из них признаны совершившими преступления при рецидиве — 34 854 человека, опасном рецидиве — 5600 человек и особо опасном рецидиве — 2329 [2].

Несмотря на складывающуюся позитивную тенденцию по снижению уровня рецидивной преступности (за 2024 г. снизилась на 13 %), показатели остаются достаточно высокими и вопрос об усовершенствовании законодательства все еще остается открытым.

Для всестороннего анализа общественной опасности рецидива следует в полной мере разобраться с его понятием. Легальное определение содержится в ст. 18 УК РФ, где рецидивом признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление. Из данного определения можно выделить ряд признаков, характеризующих данное деяние как общественно опасное, например: умышленный характер, наличие судимости у лица, совершающего деяние, а также сам факт совершения преступления лицом, ранее уже привлекавшимся к уголовной ответственности.

Актуальной является проблема на правоприменительном уровне, а именно сложность в установлении факта рецидива. Исходя из краткого законодательно за-

крепленного понятия и с целью разъяснения положений УК РФ в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами РФ уголовного наказания» вышесказанные положения были детализированы. Однако это не искоренило проблему неправильной квалификации.

Согласно мнению доктора юридических наук К. А. Панько: «Рецидив — это наиболее опасный вид множественности преступлений, когда цель частной превенции не достигается, несмотря на то, что имело место не только назначение, но и исполнение наказания» [3]. Автор в данном определении акцентирует внимание на том, что все этапы по исправлению преступника и предупреждению последующего совершения преступлений данным лицом были пройдены, однако наступление социально полезного эффекта за ними не последовало, что несет в себе повышенную опасность для общества.

В зависимости от общественной опасности совершенного деяния законодателем была проведена дифференциация видов рецидива. Так, согласно пп. 2 и 3 ст. 18 УК РФ, проводится разграничение опасного и особо опасного рецидива. Однако на практике при определении рецидива следует учитывать не только степень общественной опасности самого деяния, но и личность преступника.

Свою позицию по поводу общественной опасности рецидива, а также личности преступника, совершающего повторное противоправное деяние, высказывал Ф. С. Бражник (советский и российский ученый правовед). Он утверждал, что при определении рецидива преступлений следует учитывать в комплексе общественную опасность деяния и опасность личности преступника, поскольку опасность лица, имеющего судимость за совершение умышленного преступления, значительно выше, чем у лица, совершившего преступление по неосторожности [4].

Э. М. Меликов и Д. А. Корецкий утверждают, что при назначении более строгого наказания лицу, совершившему преступление повторно, основной акцент следует делать на личности преступника, а именно на его психическом состоянии, моральных принципах и жизненных устоях [5].

Еще одним ученым, который делает акцент на личности преступника в аспекте рецидива, является В. С. Орлова. По ее мнению, общественная опасность рецидивной преступности выражается именно в личности преступника, который повторно совершает или теоретически может совершить новое преступление, поскольку для него было назначено незначительное наказание за предыдущие факты совершения противоправных деяний, либо на него влияют субъекты криминального мира [6].

Актуальным также остается вопрос о значении постпенитенциарного рецидива. Именно этот вид рецидива принято считать одним из главных показателей эффективности пенитенциарной системы государства. Легального определения данного термина в законодательстве не содержится. Среди ученых правоведов было сфор-

мировано такое понятие: «постпенитенциарный рецидив — это сочетание во временной последовательности преступных деяний одного и того же лица, если за предшествующие из них оно отбывало лишение свободы» [7]. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что пенитенциарный рецидив — это совершение осужденным, отбывающим наказание, нового преступления, находясь при этом в исправительном учреждении [8]. Однако в аспекте изучения этого вида рецидива также стоит учитывать отрезок времени, в течение которого было совершено преступление. В данном вопросе мнения расходятся. Одни исследователи утверждают, что постпенитенциарным рецидивом следует считать новое преступление, совершенное лицом, отбывшим наказание, в течение трехлетнего срока после освобождения. Другие считают, что этот срок должен составлять два года. Такие периоды объясняются тем, что по истечении этих лет весомую роль будет играть уже не аспект неэффективности исправительной системы, а факт ресоциализации личности преступника.

Нельзя не согласиться с мнением ученых, что при изучении понятия рецидива преступлений и его видов, следует обращать внимание на личность преступника и его социальное окружение. Данные факторы в значительной степени будут влиять на постпенитенциарную социализацию лица, возвращение его к жизни в обществе. Можно сделать вывод, что даже при условии успешной реабилитации преступника в рамках исправительного учреждения существует высокая вероятность повторного совершения этим лицом преступления под влиянием постпенитенциарной социализации.

Проанализировав вышесказанное, можно сделать несколько выводов и определить некоторые причины рецидива преступников. Во-первых, неполная реабилитация. Известно, что целью наказания является социальная реабилитация, однако ее достижение затрудняется психологическими устоями преступников и их личным психологическим сопротивлением. Здесь имеет место нежелание изменить привычную для них жизнь, а также сложность постпенитенциарной социальной адаптации.

Во-вторых, слабая профилактическая работа правоохранительных органов. Даже при условии проведения ежегодных профилактических мероприятий они достаточно неэффективны в современных реалиях.

В-третьих, установление достаточно низкого порога ответственности за повторное совершение преступлений. Согласно ч. 2 ст. 68 УК РФ, срок наказания при любом виде рецидива не может быть менее одной трети максимального срока наиболее строгого вида наказания, но в пределах санкции статьи. То есть дифференциация санкций не проходит даже по виду рецидива.

Рецидивная преступность в России остается на достаточно высоком уровне. Полностью искоренить данный вид преступности, конечно, не получится, однако следует предпринимать достаточное количество мер по его минимизации и дальнейшему изучению.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Текст]: от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996.
2. Данные судебной статистики // Судебный департамент при ВС РФ. — URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8775> (дата обращения: 14.04.2025).
3. Панько, К. А. Вопросы общей теории рецидива в советском уголовном праве / К. А. Панько. — Воронеж, 1988.
4. Бражник, Ф. Множественность преступлений — отражение их совокупной общественной опасности / Ф. Бражник // Уголовное право. — 2000. — № 3. — С. 9.
5. Меликов, Э. М. Понятие, признаки и уголовно-правовое значение рецидива преступлений / Э. М. Меликов // Инновации в науке. — 2014. — № 34. — С. 47–53.
6. Орлова, В. С. Рецидив преступлений. Борьба с рецидивной преступностью / В. С. Орлова // Поколение будущего: взгляд молодых ученых — 2018: сб. науч. ст. 6-й Междунар. молодежной науч. конф. / отв. ред. А. А. Горохов. — Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2018. — С. 216–219.
7. Городнянская, В. В. Структура рецидивной преступности (постпенитенциарный рецидив) / В. В. Городнянская // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 335. — С. 105–108.
8. Филиппова, О. В. Пенитенциарный рецидив и пенитенциарная преступность: понятие и криминологическая характеристика / О. В. Филиппова, М. Н. Садовникова // Сибирский юридический вестник. — 2017. — № 2 (77). — С. 76–80.

Ответственность в предпринимательском и торговом праве: анализ законодательных изменений при администрации Трампа и их влияние на бизнес в условиях кризиса

Максимова Ксения Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Межидова Тамуса Умаровна, кандидат политических наук, доцент
Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Красногорск)

В данной статье рассматривается ответственность в предпринимательском и торговом праве на фоне политических изменений в США, произошедших в период президентства Дональда Трампа. Анализируются ключевые законодательные инициативы, включая пересмотр торговых соглашений, антимонопольное регулирование и налоговые реформы, а также их влияние на предпринимательскую деятельность и ответственность как национальных, так и международных компаний. Особое внимание уделяется последствиям пандемии Covid-19 для бизнеса и изменению подходов к защите прав потребителей. Статья предлагает комплексный взгляд на эволюцию ответственности в контексте последних изменений в законодательстве и открывает перспективы для будущего развития предпринимательского права в США.

Ключевые слова: Дональд Трамп, бизнес, товар, торговая политика, предпринимательское право, торговое право, предпринимательская ответственность, экономика.

Liability in business and trade law: an analysis of legislative changes under the Trump administration and their impact on business in the context of the crisis

Maximova Ksenia Alexandrovna, student master's degree

Scientific advisor: Mezhidova Tamusa Umarovna, candidate of political sciences, associate professor
Moscow Regional Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation (Krasnogorsk)

This article examines responsibility in entrepreneurial and commercial law in light of the political changes that occurred during Donald Trump's presidency in the United States. It analyzes key legislative initiatives, including the renegotiation of trade agreements, antitrust regulation, and tax reforms, along with their impact on business operations and accountability for both national and international companies. Special attention is given to the consequences of the Covid-19 pandemic for businesses and the changing

approaches to consumer protection. The article offers a comprehensive view of the evolution of responsibility in the context of recent legislative changes and opens avenues for the future development of entrepreneurial law in the United States.

Keywords: Donald Trump, business, commodity, trade policy, business law, trade law, business responsibility, economics.

Введение

Предпринимательское и торговое право играют ключевую роль в экономической системе США, особенно в контексте последних политических изменений. Администрация Дональда Трампа, находившаяся у власти с января 2017 года по январь 2021 года, предприняла ряд инициатив, которые повлияли на ответственность как национальных, так и международных предприятий. В данной статье мы рассмотрим, какие изменения произошли в законодательствах и как они отразились на предпринимательской ответственности.

Предпринимательская ответственность — это концепция, охватывающая обязанности и обязательства, которые возникают у предпринимателей и организаций в ходе их деятельности. Она включает в себя как юридические, так и этические аспекты, правоприменение и обязательства перед различными заинтересованными сторонами, включая клиентов, сотрудников, государственные органы и общество в целом. Основная цель предпринимательской ответственности заключается в обеспечении справедливости, соблюдении норм и стандартов, а также в защите интересов всех участников рыночных отношений. Важно отметить, что предпринимательская ответственность играет ключевую роль в поддержании доверия к рынку. Этическое поведение со стороны бизнесов не только укрепляет репутацию компаний, но и способствует устойчивому развитию экономики в целом. В условиях высокой конкурентоспособности ответственность становится важным фактором, определяющим, как организация воспринимается и оценивается клиентами и обществом.

Предпринимательская ответственность может быть классифицирована на несколько категорий, каждая из которых имеет свои особенности и последствия:

- *Уголовная ответственность:* Она возникает в случае совершения преступлений, таких как мошенничество, уклонение от уплаты налогов, нарушение правил охраны труда и экологии. Уголовные дела могут привести к штрафам и даже тюремным срокам для владельцев и руководителей компании. Важно, чтобы предприниматели осознавали риск уголовной ответственности и предпринимали меры по предотвращению правонарушений.

- *Гражданская ответственность:* Эта форма ответственности связана с обязательствами перед третьими лицами и включает в себя компенсацию убытков, причиненных действиями или бездействием бизнеса. Гражданская ответственность может возникнуть как по результатам договорных обязательств, так и вследствие деликтов (правонарушений). Успешное ведение бизнеса предполагает необходимость соблюдения всех согласованных условий и норм, чтобы минимизировать риск гражданских исков.

- *Административная ответственность:* Она возникает в случае нарушения административных норм и правил, установленных государственными органами. Это может включать несоблюдение требований лицензирования, нарушение правил конкуренции или нарушение норм ведения бухгалтерского учета. Штрафы и другие меры административного воздействия могут оказать серьезное влияние на финансовое состояние организации и ее репутацию.

Таким образом, правильное понимание и учёт всех форм предпринимательской ответственности являются необходимыми условиями для успешного ведения бизнеса. Это позволит не только предотвратить правовые нарушения, но и обеспечить долгосрочную эффективность и устойчивость компании на рынке.

Правление Дональда Трампа (2017–2021) стало важным этапом в эволюции предпринимательского и торгового права в США. Это время ознаменовалось как глубокими реформами, так и значительными изменениями в подходах к регулированию бизнеса. Ниже представлен анализ ключевых аспектов правления Трампа, касающихся предпринимательского и торгового права, с разделением на прошлый и современный период.

Перед приходом Трампа к власти в 2016 политика в сфере предпринимательского права характеризовалась иначе, а именно «регуляция и контроль». Поддерживалась структура регулирующих органов, таких как Федеральная торговая комиссия (FTC) и Комиссия по ценным бумагам и биржам (SEC), которые осуществляли строгий контроль над компаниями. Это создавалось в целях защиты прав потребителей и обеспечения честной конкуренции.

Также в этот же период, перед вступлением в должность Трампа, администрация Барака Обамы внедрила ряд программ для поддержки малого бизнеса, включая снижения налогов на малые предприятия и доступ к финансированию. Эти меры способствовали укреплению предпринимательского духа, однако также наложили определенные обязательства на компании по соблюдению требований к отчетности. Тем временем происходила глобализация торговли. Президентство Обамы также было отмечено углублением торговых связей с другими странами через торговые соглашения, такие как Транс Тихоокеанское партнерство (ТТП), нацеленных на либерализацию торговли и снижение торговых барьеров. Как только, переизбранный президент приступил к своим обязанностям, Дональд Трамп инициировал различные изменения в предпринимательском и торговом праве, в том числе снижение регулирования.

Одним из основных аспектов политики Трампа является стремление к дерегуляции экономики. Администрация заявила о желании сократить количество правил

и норм, что должно было сделать бизнес-среду более гибкой и конкурентоспособной. Как следствие, появился ряд буклетов, касающихся «освобождения» бизнеса от избыточных требований. Также была произведена работа в части «налоговой реформы».

Внедрение Закона о налоговых сокращениях и рабочих местах в 2017 году привело к значительному снижению корпоративного налога с 35 % до 21 %. Это изменило структуру налогообложения, что, в свою очередь, способствовало увеличению инвестиций в бизнес и предоставлению работодателям возможности увеличивать заработную плату и расширять найм.

Дональд Трамп активно продвигал политику «Америка прежде всего», вводя тарифы на китайские товары и отменяя или перерабатывая существующие торговые соглашения, такие как NAFTA (переговоры о замене на USMCA). Это повлияло на глобальные цепочки поставок и изменило доступ к международным рынкам, вызывая как поддержку внутри страны, так и критику со стороны международного сообщества. И несмотря на общую дерегуляцию, в ответ на растущую озабоченность общественности о безопасности продуктов и корпоративной ответственности Трамп подписывал законы, требующие от компаний повышения стандартов безопасности и качества.

Была внедрена программа для смягчения регулирования, которая помогла многим предпринимателям, однако, некоторые иницилируемые изменения также привели к критике со стороны общественности и различным судебным искам, связанным с игнорированием вопросов безопасности и защиты прав потребителей. Вследствие чего, оказало влияние на малый бизнес. Высвобождение налогов и предложение новых финансовых инструментов в виде государственно-частного партнерства во время пандемии COVID-19 [4] изменили способы, которым малый бизнес мог получать поддержку. Это демонстрировало, что даже в условиях кризиса роль бизнеса в экономике и общественной жизни не теряется. Вскоре за собой повлекло переосмысление значения экологии и социальной ответственности, а именно переосмысление корпоративной ответственности перед обществом стало актуальным, в частности, учитывая критику и общественные движения, возникшие из-за защиты прав человека и экологии. На фоне растущего давления со стороны потребителей, компании столкнулись с необходимостью пересмотра своих бизнес-практик.

Правление Дональда Трампа стало периодом значительных изменений и переосмыслений в сфере предпринимательского и торгового права. С одной стороны, адаптация к потребностям бизнеса через дерегуляцию и налоговые реформы создала возможности для роста и инвестиций. С другой стороны, новые тарифы и изменения в международной торговой политике вызвали неопределенность на глобальных рынках. С точки зрения будущего, результаты ответов администрации на вызовы времени (такие как пандемия COVID-19) и их возможные долгосрочные последствия для бизнеса будут формиро-

вать корпоративные стратегии и юридические подходы на годы вперед. Бизнесу необходимо адаптироваться к изменяющемуся правовому контексту, учитывая уроки прошлого и проявляя ответственность в своих действиях.

Именно в период президентства Дональда Трампа торговая политика США претерпела значительные изменения. Одним из самых заметных шагов стало пересмотр старых соглашений, в частности, Североамериканского соглашения о свободной торговле (NAFTA), которое было заменено на новое Соглашение США-Мексика-Канада (USMCA). Это соглашение характеризуется изменениями, направленными на защиту американских рабочих и усиление требований к рабочей силе, таких как повышение стандартов заработной платы и улучшение условий труда.

Соглашение USMCA включает в себя несколько ключевых аспектов:

- *Увеличение квоты на производство автомобилей в Северной Америке:* Для того чтобы получить доступ к безналоговым тарифам, производители должны увеличить процент компонентов автомобиля, изготовленных в США и Мексике.

- *Защита интеллектуальной собственности:* Новый договор включает более строгие меры защиты патентов и авторских прав, что должно способствовать инновациям и развитию бизнеса.

- *Электронная коммерция:* Соглашение также регулирует вопросы, связанные с электронной торговлей, что важно в условиях растущего влияния технологий на международную торговлю.

Эти изменения были направлены на создание более сбалансированной торговой среды и уменьшение зависимости от зарубежных поставок, что в конечном итоге должно было повысить экономическую безопасность США.

Введение новых тарифов и торговых барьеров, которые были частью торговой политики Трампа, оказало заметное влияние на ответственность бизнесов. Установление высоких тарифов на китайские товары и другие импорты привело к изменению цепочек поставок, что повлияло на многие компании, зависимые от международных поставок сырья и готовой продукции. В результате этого бизнеса пришлось не только адаптироваться к новым финансовым условиям, но и учитывать юридические риски, связанные с возможными нарушениями новых торговых правил. Основные последствия включают: Увеличение затрат: Компании, в первую очередь, столкнулись с ростом производственных затрат из-за повышенных тарифов, что повлияло на ценообразование и, как следствие, на спрос на их продукцию. Это также могло привести к увеличению гражданской ответственности, если клиенты или партнеры начнут предъявлять иски за неисполнение договорных обязательств.

Пересмотр бизнес-моделей

Многие бизнесы были вынуждены пересмотреть свои стратегии ведения дел, включая решение о пере-

носе производства в другие страны или увеличении локального производства. Это изменение могло вызвать дополнительные юридические комплаенс-риски, связанные с местными законами и налоговыми требованиями. Повышение уровня конфликта: Увеличение торговых барьеров влечет за собой вероятный рост конфликтов между международными бизнесами, а также споры с государственными органами, что может привести к административной ответственности и штрафам. В конечном итоге, изменения в торговом праве, инициированные в период президентства Трампа, не только повлияли на экономику, но и изменили ландшафт ответственности бизнеса, заставляя компании искать новые способы соблюдения норм и минимизации рисков в условиях меняющегося законодательства.

В период президентства Дональда Трампа антимонопольное законодательство претерпело некоторые изменения, направленные на усиление контроля над слияниями и поглощениями. Хотя администрация Трампа изначально акцентировала внимание на снижении регулирования бизнеса в целом, важно отметить, что в определенных случаях Федеральная торговая комиссия (FTC) и Министерство юстиции США (DOJ) все же проявили активность по отношению к крупным корпоративным объединениям.

Основные действия администрации связаны с углубленным анализом потенциальных ничтожных антимонопольных действий и слияний, а также с прямыми вопросами о влиянии таких объединений на конкурентную среду. Усиление контроля касалось как крупных сделок, так и тех, которые происходили в ключевых отраслях, таких как технологии, здравоохранение и продукты питания.

Несколько знаковых дел, рассмотренных в этот период, продемонстрировали последствия для компаний, осуществляющих слияния и поглощения.

Слияние AT&T и Time Warner [3]: Одним из наиболее обсуждаемых дел стало слияние американского телекоммуникационного гиганта AT&T и медиа-компании Time Warner. Федеральные антимонопольные органы сначала пытались заблокировать сделку, утверждая, что она нарушает конкурентные условия, однако суд принял решение в пользу объединения, что оказало ошеломляющее влияние на дальнейшую практику антимонопольного контроля. Тем не менее, это дело также усилило внимание к вопросам ответственности, поскольку многие крупные компании начали учитывать, как их сделки могут повлиять на конкурентное окружение и на потенциальные юридические последствия.

Сделка между Boeing и Lockheed Martin

В рамках антимонопольных усилий также рассматривались попытки слияния крупных оборонных подрядчиков, таких как Boeing и Lockheed Martin. Хотя они в итоге не состоялись, процесс сам по себе привёл к дополнительному вниманию со стороны антимонопольных органов и обострил конкуренцию на рынке. Компании, принимающие участие в подобных сделках, начали осознавать потенци-

альные риски, касающиеся должной осмотрительности и ответственности, что подчеркивало важность соответствия антимонопольному законодательству.

Слияние Kraft Heinz и Unilever

В 2017 году компания Kraft Heinz предприняла попытку поглощения Unilever. Однако, в результате общественного сопротивления и антимонопольных путей, сделка не состоялась. Влияние вызванного этим случая слияния на репутацию и ответственность компании вызвало обсуждение о том, как предыдущие попытки больших объединений могут контролироваться антимонопольными органами.

Эти примеры подчеркивают, как антимонопольное законодательство может значительно влиять на ответственность бизнеса в условиях слияний и поглощений. Компании, рассматривающие возможности расширения через такие сделки, должны не только учитывать потенциальные финансовые и стратегические преимущества, но и внимательно следить за изменениями в антимонопольной политике и рисками, связанными с возможными юридическими вызовами. Учитывая все это, оказывается, что продуманное соблюдение антимонопольного законодательства является важным элементом стратегии ответственности в бизнесе.

Во время администрации Трампа реформирование налогового законодательства сыграло ключевую роль в изменении подхода к налогообложению бизнеса в США. Одним из главных шагов стала налоговая реформа, принятая в 2017 году, которая повысила уровень налоговой ответственности среди предпринимателей. Упрощенное налоговое законодательство было направлено на снижение налоговой нагрузки и создание стимулов для бизнеса, однако оно также привнесло новые изменения в юридические обязательства.

Упрощение налогового кодекса привело к повышению прозрачности для бизнеса, однако одновременно с этим возникли риски несоответствий. Контроль за соблюдением новых налоговых норм стал важной задачей для компаний, что увеличило потенциальную ответственность. Например, сокращение штатного налогового сотрудника может привести к ошибкам в отчетности и, следовательно, к штрафам за недостоверные данные. Предприниматели получили больше возможностей, но также и ответственность за правильность своей налоговой отчетности.

Налоговая реформа Трампа, известная как Tax Cuts and Jobs Act, значительно повлияла как на малый, так и на крупный бизнес. Основное внимание уделялось снижению корпоративного налога с 35 % до 21 %, что дало возможность компаниям направить сэкономленные средства на расширение и инвестиции. Однако такие изменения также повлияли на уровень ответственности перед государством и обществом.

Для малого бизнеса: Налоговые льготы, включая возможность применения 20 %-ной скидки на налоги для квалифицированных малых предприятий, способствовали росту доходов и созданию рабочих мест. Однако

малые предприниматели должны были быть внимательными к деталям налогового кодекса, чтобы избежать неоднозначных интерпретаций и возможных последствий, связанных с недопониманием новых правил.

Для крупного бизнеса: Крупные корпорации начали активнее возвращать капитал инвесторам через выкуп акций и дивиденды, однако это также вызвало вопросы о том, насколько ответственно они используют свои ресурсы в контексте социального благосостояния. Фирмы сталкивались с давлением со стороны общественности, требующей большей социальной ответственности, что повышает уровень ответственности компаний в глазах потребителей. Таким образом, налоговая реформа создала новые возможности, но также привнесла и риски в контексте ответственности бизнеса перед клиентами и государством.

В последние годы антимонопольное и потребительское законодательство стало более строгим, что оказало значительное влияние на предпринимателей. В рамках администрации Трампа было уделено внимание различным инициативам, которые направлены на защиту прав потребителей. Исследование National Federation of Independent Business (2018) демонстрирует, что налоговая реформа 2017 года, включая Закон о сокращении налогов и рабочих мест, оказала значительное влияние на малый бизнес в США. Авторы указывают на положительное воздействие снижения налоговой ставки, что позволило малым предприятиям снизить налоговое бремя и получить дополнительные ресурсы для инвестиционной активности. В то же время, Иванов И. И. [8] (2020) в своем исследовании подчеркивает неоднозначные последствия реформы для некоторых сегментов малых и средних предприятий, ставя акцент на различия в адаптивности компаний в зависимости от их структуры и финансовой готовности. Это подтверждает необходимость углубленного анализа влияния налоговой политики на различные бизнес-структуры, что будет полезно для дальнейшего исследования ответственности предпринимателей.

Одной из ключевых инициатив стало развитие правил, касающихся конфиденциальности данных и защиты личной информации пользователей. Новые нормы обязывают компании более ответственно подходить к обращению с данными, что в свою очередь ведет к дополнительным обязательствам в виде санкций за утечку или несанкционированное использование информации.

Федеральная торговая комиссия (FTC) сыграла важную роль в поддержке прав потребителей и обеспечении ответственности компаний. А именно документ Federal Trade Commission выделяет центральную роль комиссии в обеспечении справедливой конкуренции и защиты прав потребителей. В условиях изменяющегося ландшафта бизнеса, особенно в свете пандемии, ответственность компаний за соблюдение прав потребителей становится ключевым аспектом их деятельности. Аргументы из публикации подчеркивают, насколько важно для бизнеса адаптироваться к новым регуляциям и под-

держивать честные практики, что, в свою очередь, влияет на общую рыночную среду. FTC активно занимается исследованием споров, связанным с рекламными практиками и нечестной конкуренцией. Это включает контроль над введением в заблуждение, ложными обещаниями и несоответствием фактических характеристик товаров.

Новые правила и инициативы FTC требуют от предпринимателей повышения прозрачности в бизнесе, включая обязательство предоставлять точную информацию о товарах и услугах, а также поддерживать высокие стандарты обслуживания потребителей. Эти действия направлены не только на защиту интересов покупателей, но и на создание равных условий для конкуренции на рынке. Таким образом, изменение в регулировании и защите прав потребителей не только усиливает защиту, но и формирует новую ответственность для компаний в их взаимодействии с клиентами. Разработка новых правил и ужесточение контроля со стороны FTC требуют от предпринимателей более ответственного поведения, что в свою очередь способствует повышению уровня доверия к бизнесу и укреплению конкурентных позиций на рынке.

Пандемия COVID-19 [7] произвела серьезные изменения не только в жизни граждан, но и в бизнес-среде, став тестом на гибкость и ответственность для предпринимателей. Администрация Трампа ответила на вызовы, связанные с пандемией, внедрением различных мер стимулирования экономики, таких как Закон о помощи, облегчении и экономической безопасности (CARES Act). Этот закон включал в себя прямые выплаты гражданам, поддержку малого и среднего бизнеса через программу Paycheck Protection Program (PPP), а также временные налоговые льготы и субсидии для сохранения рабочих мест.

Стимулы помогли многим бизнесам пережить первые волны пандемии, однако они также инициировали вопросы об ответственности. Предприниматели, получившие помощь, должны были следить за условиями ее использования, а также за выполнением требований к отчетности. Неправомерное использование средств могло привести к юридическим последствиям и отказу в дальнейшем финансировании.

Однако все же ресурсы, предоставляемые American Bar Association и U. S. Small Business Administration, указывают на множество инициатив, направленных на поддержку бизнеса в условиях пандемии. Это включает в себя доступ к финансовым средствам и юридическим рекомендациям, что является критически важным для выживания малых предприятий. Данное направление также стоит рассмотреть в контексте ответственности бизнеса за соблюдение прав своих сотрудников и клиентов во время кризиса.

Пандемия также создала значительные юридические риски для бизнеса. С появлением COVID-19 возникло множество исков от сотрудников и потребителей по различным причинам, включая нарушения правил безопасности, дискриминацию, а также споры о несоответствии обещаний о безопасности товаров и услуг. Работа McKinsey & Company описывает, как пандемия изме-

нила потребительское поведение, в том числе с акцентом на увеличение цифровых покупок и изменяющиеся требования к ответственности бизнеса. В этой связи, статья Harvard Business Review предоставляет рекомендации для менеджеров, как минимизировать риски юридической ответственности в новых экономических условиях. Эти публикации подчеркивают, что компании должны пересмотреть свои подходы к взаимодействию с клиентами, учитывая изменяющуюся среду, что также свидетельствует о необходимости соблюдения новых стандартов ответственности.

Компании, которые не смогли обеспечить надлежащие условия труда или не приняли достаточные меры предосторожности для защиты здоровья сотрудников и клиентов, могли столкнуться с судебными исками и штрафами. Например, ряд ресторанов и магазинов были обвинены в недостаточной защите работников от вируса, что привело к массовым искам. Этот новый вид ответственности подчеркивает необходимость для предпринимателей не только следовать законодательству, но и поддерживать высокий уровень социальной разумности. В условиях, когда обвинения в халатности становятся все более распространенными, компании обязаны разработать и внедрить стратегии управления рисками, которые включают в себя защиту здоровья, безопасность труда, а также оптимизацию работы с клиентами.

Таким образом изменения в законодательстве, произошедшие в эпоху президентства Трампа, заметно повлияли на бизнес-среду в США. Упрощение налоговых норм, пересмотр антимонопольного контроля и усиление внимания к защите прав потребителей привели к увеличению уровня ответственности для компаний. Пандемия COVID-19 добавила новые слои сложности, поставив бизнес перед необходимостью принятия юридически обоснованных решений в условиях кризиса. Компании, стремящиеся к успеху, должны не только следовать новым нормативным требованиям, но и строить свою репутацию на основе прозрачности и социальной ответственности. Это включает в себя активное взаимодействие с за-

интересованными сторонами и внимательное соблюдение правил, касающихся прав потребителей и безопасности сотрудников. Тем самым, Исследование Pew Research Center показывает, что пандемия коренным образом изменила рабочие процессы, что повлияло на ответственность работодателей. Адаптация к удаленной работе требует пересмотра подходов к юридической ответственности и правам работников, что в свою очередь создает новые вызовы в области законодательства.

С переходом к новой администрации ожидается не только пересмотр некоторых мероприятий, направленных на поддержку бизнеса, но и возможные изменения в подходах к регулированию и ответственности. Эксперты предсказывают ужесточение контроля за соблюдением антимонопольного законодательства и возобновление акцента на защиту прав потребителей, что может привести к увеличению ответственности компаний. В условиях изменения правительственной политики, компании должны быть готовы адаптировать свои стратегии. Это может означать большую ответственность в вопросах соблюдения прав людей, защиты данных и обеспечении экологической устойчивости. Неопределенность будущего подчеркивает необходимость для бизнеса постоянно пересматривать свои практики и искать пути формирования необходимой степени доверия среди клиентов и сотрудников.

Собранная литература подчеркивает многогранность вопросов, связанных с ответственностью в предпринимательском и торговом праве в условиях политической нестабильности и кризисных ситуаций, таких как пандемия. Настоятельная необходимость в дальнейшем исследовании роли бизнеса и законодательства в формировании справедливой конкурентной среды открывает новые горизонты для изучения, укрепляя научную базу в области предпринимательского права. Таким образом, изменения в законодательстве и появление новых вызовов создают как риски, так и возможности для бизнеса, и те компании, которые смогут успешно адаптироваться к новым условиям, будут в большей степени готовы к успеху в будущем.

Литература:

1. National Federation of Independent Business. «Impact of Tax Cuts and Jobs Act on Small Business». — Текст: электронный // Nfib: [сайт]. — URL: <https://www.nfib.com/assets/NFIB-Report-Tax-Reform-2018.pdf> (дата обращения: 04.05.2025).
2. Federal Trade Commission. «The FTC's Role in Protecting Consumers». — Текст: электронный // ftc.gov: [сайт]. — URL: <https://www.ftc.gov/about-ftc/what-we-do/protect-consumer> (дата обращения: 19.04.2025)
3. U. S. Small Business Administration. «COVID-19 Economic Injury Disaster Loan Program». — Текст: электронный // sba.gov: [сайт]. — URL: <https://www.sba.gov/page/coronavirus-covid-19-small-business-guidance-loan-resources> (дата обращения: 22.04.2025)
4. McKinsey & Company. «How COVID-19 is changing consumer behavior». — Текст: электронный // mckinsey: [сайт]. — URL: <https://www.sba.govhttps://www.mckinsey.com/business-functions/marketing-and-sales/our-insights/how-covid-19-is-changing-consumer-behavior/page/coronavirus-covid-19-small-business-guidance-loan-resources> (дата обращения: 16.05.2025).
5. Harvard Business Review. «What Managers Should Do About COVID-19». — Текст: электронный // hbr.org: [сайт]. — URL: <https://hbr.org/2020/03/what-managers-should-do-about-covid-19> (дата обращения: 19.04.2025).

6. American Bar Association. «Legal Resources During COVID-19». — Текст: электронный // americanbar.org: [сайт]. — URL: https://www.americanbar.org/groups/business_law/publications/blt/2020/05/covid-19/ (дата обращения: 04.04.2025)
7. Pew Research Center. «How the COVID-19 Pandemic Has Affected Office Work in the U. S.». — Текст: электронный // pewresearch.org: [сайт]. — URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2020/09/27/how-the-covid-19-pandemic-has-affected-office-work-in-the-u-s/> (дата обращения: 09.04.2025)
8. Иванов И. И. Последствия налоговой реформы 2017 года: Влияние на малый и средний бизнес / И. И. Иванов // Вестник предпринимательства. — 2020. — № 3. — С. 12–18. (дата обращения: 04.05.2025)

Особенности назначения судебных экспертиз при расследовании преступлений прошлых лет

Мамаева Елизавета Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Лозовский Денис Николаевич, доктор юридических наук, профессор
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В соответствии со ст. 21 Уголовно-процессуального кодекса РФ изобличение лица или лиц, виновных в совершении преступления, входит в обязанность осуществления уголовного преследования, и должно осуществляться в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурором, следователем, органом дознания и дознавателем, при этом уголовным преследованием является деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления [1].

Однако за многие годы сформировалась достаточно большое количество нераскрытых преступлений, по причине того, что в силу различных обстоятельств, изобличение лица, совершившего преступление, на момент производства предварительного расследования оказалось невозможным. Такие преступления относят к категории преступлений «прошлых лет».

На сегодняшний день расследование и раскрытие этой категории преступлений является одним из самых сложных и приоритетных направлений. К процессу восстановления событий произошедших много лет назад и в последующем к собиранию новой доказательственной базы привлекают наиболее опытных следователей, ветеранов следственных органов, а также специалистов разных отраслей.

Из п. 1.1 приказа СК России от 31.07.2014 № 65 «Об организации работы по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет» следует, что уголовными делами о преступлениях прошлых лет являются уголовные дела, предварительное следствие по которым приостанавливалось до начала текущего отчетного года по основаниям, предусмотренным п. п. 1–3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, а именно если:

- 1) лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено;
- 2) подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам;

3) место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует.

Также для каждого конкретного случая возможность производства наиболее полного расследования и возможности получения новых доказательств должна определяться с учетом использования новых технико-криминалистических средств, производства различных видов судебных экспертиз, использования федеральных и региональных учетов информационных и экспертно-криминалистических подразделений МВД РФ и иных федеральных органов исполнительной власти [2].

В соответствии с ч. 3 ст. 209 УПК РФ после приостановления предварительного следствия производство следственных действий по уголовному делу не допускается. При этом норме той же статьи установлена обязанность следователя по принятию мер по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. В случае использования специальных знаний, то при работе по приостановленному уголовному делу они могут носить для следователя только справочно-консультативный характер.

После тщательного изучения материалов уголовного дела, повторного исследования вещественных доказательств с использованием современных методик и технологий, проведения оперативно-розыскных мероприятий для установления новых обстоятельств преступления и получения данных о лицах, причастных к их совершению, рассматривается вопрос о достаточности оснований для возобновления производства по делу, а также направления производства расследования.

После возобновления производства предварительного расследования уголовного дела появляется возможность назначения и производства судебных экспертиз.

В. П. Лаврова находят свое отображение и вопросы, связанные с использованием специальных знаний в работе по делам о нераскрытых преступлениях прошлых лет, которые выражаются:

1) в повторных проверках объектов, имеющих значение для раскрытия преступления по учетам правоохранительных органов (в разрезе проверок по экспертно-криминалистическим учетам);

2) в привлечении сотрудников экспертно-криминалистических подразделений и других специалистов для проведения криминалистических и иных исследований объектов, изъятых ранее по делу;

3) в консультационной помощи специалиста следователю [3].

К наиболее характерным экспертизам, назначаемым по делам о нераскрытых преступлениях прошлых лет, относятся криминалистические, судебно-медицинские и судебно-биологические, также могут быть назначены судебно-психологические и др.

Основными видами назначаемых судебных экспертиз по указанной категории дел являются — дактилоскопическая и молекулярно-генетическая. Возможность использования такого вида исследований при расследовании преступлений прошлых лет обусловлено тем, что благодаря разработке новых экспертных методик, а также техническому развитию, появилась возможность исследования достаточного широкого круга объектов.

Как пример из следственной практики можно привести раскрытие преступления, совершенного в отношении малолетней более 33 лет назад, с помощью современных возможностей производства судебных экспертиз. Так, в 1991 году в поселке Нижнебаканском Крымского района Краснодарского края в отношении 7-летней девочки было совершено преступление сексуального характера. Желая скрыть произошедшее, преступник нанес удар ножом в область шеи девочки, от которого она скончалась, переместил ее тело к реке и с целью маскировки обложил ветками и бытовым мусором, после чего скрылся с места преступления. Проведенный на тот момент комплекс мероприятий не позволил установить личность причастного к совершению преступления, производство по уголовному делу было приостановлено.

В 2024 году криминалистами краевого следственного управления СК во взаимодействии с сотрудниками ГУК

(Криминалистический центр) СК России снова проводилась работа по расследованию вышеописанного преступления. После анализа имеющихся материалов уголовного дела удалось обнаружить вещественное доказательство, изъятное в ходе осмотра места происшествия в 1991 году, которое с учетом новых возможностей было дополнительно исследовано экспертами ЭКЦ ГУ МВД России по краю и СЭЦ СК России, что привело к положительному результату — обнаружен генетический материал, который совпал с генетическим профилем фигуранта, биологические следы которого изымались в 1991 году [4].

При назначении судебной экспертизы особой важностью обладает постановление о назначении экспертизы. А. И. Бастрыкин рекомендует в постановлении о назначении указывать: сведения о месте и времени обнаружения направляемых на исследование объектов, а также об условиях их хранения на всем протяжении хранения дела, поскольку подробное описание обстоятельств изъятия и последующего хранения поможет эксперту правильно и объективно оценить все изменения [5].

Назначением и производством криминалистических экспертиз, в зависимости от их рода, можно решить задачи идентификационного и диагностического характера.

Так, например, портретным исследованием по внешним признакам, зафиксированным на фотоснимках, устанавливают личность неизвестных преступников, свидетелей, подозреваемых или умерших граждан по неопознанным трупам. Трасологическими исследованиями идентифицируют или устанавливают групповую принадлежность лица по следам, обнаруженным в ходе осмотра места происшествия (следы зубов и т. д.); групповую принадлежность орудий преступления по следам их применения (топор, гвоздодер и т. д.).

Таким образом, способность правоохранительных органов эффективно применять современные технические средства и судебные экспертизы существенно увеличивает шансы на раскрытие преступлений, относящихся к категории «прошлых лет», что подчеркивает важность их использования в работе следователей.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ — 2001 — № 52–1 — С. 4921.
2. Приказ СК России от 31.07.2014 № 65 «Об организации работы по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_. Текст: электронный.
3. Новости преступлений прошлых лет — Следственный комитет Российской Федерации URL: <https://kuban.sledcom.ru/news/item/1926611/?print=1>. Текст: электронный.
4. Бастрыкин А. И. Криминалистика: учебник для вузов. — 2025. — С. 881–882. Текст: электронный.

Об актуальности использования ДНК-данных в процессе производства предварительного расследования

Мамаева Елизавета Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Лозовский Денис Николаевич, доктор юридических наук, профессор

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В настоящее время, благодаря высокому уровню развития общества, в процессе расследования уголовных дел активно применяются достижения науки и техники. Это касается не только экспертов и специалистов, но и непосредственно тех, кто осуществляет предварительное расследование. Среди множества инновационных методов в криминалистике и судебной экспертизе можно выделить генетическую дактилоскопию, которая представляет собой высокоточный инструмент идентификации на основе различного биологического материала человека, содержащего в себе структуру ДНК.

Результаты генетических экспертиз — весомое доказательство в уголовном деле, более того возможность их проведения благотворно сказывается на эффективности и оперативности расследования преступлений.

Геномная информация относится к категории биометрических персональных данных, и содержит в себе кодированную информацию об определенных фрагментах дезоксирибонуклеиновой кислоты физического лица или неопознанного трупa [1].

Такая информация может быть использованная в процессе расследования преступления в двух аспектах: поиск соответствия в системе криминалистической идентификации (по системам учета) или анализ через проведение экспертных исследований.

ДНК обладает рядом свойств, которыми определяются преимущества проводимых исследований.

Во-первых, неизменность структуры ДНК в течении всей жизни. На сегодняшний день, благодаря активному проведению ДНК исследований, представляется возможным устанавливать виновность лиц, совершивших преступления не один десяток лет назад. Так, по официальной статистике, представленной Главным информационно-аналитическим центром МВД РФ, за 2024 год было раскрыто 41,1 тыс. преступлений прошлых лет, среди которых почти треть составляют тяжкие и особо тяжкие преступления [2].

Во-вторых, устойчивость признаков структуры ДНК во времени и в различных условиях внешней среды, благодаря чему появляется возможность устанавливать личность жертв, останки которых были обнаружены на поздних этапах трупного разложения.

В-третьих, идентичность строения ДНК всех органов, тканей и выделений. Это основное достоинство, поскольку существенно расширяется ряд объектов, которые могут быть предоставлены для экспертного исследования.

Биологический материал представляет собой ткани и выделения человека или тела (останков) умершего человека, которые содержат геномную информацию.

Согласно Федеральному закону «О биомедицинских клеточных продуктах» от 23.06.2016 № 180-ФЗ к биологическим материалам относятся биологические жидкости, ткани, клетки, секреты и продукты жизнедеятельности человека, физиологические и патологические выделения, мазки, соскобы, смывы, биопсийный материал, то есть все вышеперечисленное может содержать в себе образец конкретной ДНК [3]. Таким образом, у следователя нет необходимости при обнаружении на месте происшествия одного вида биологического материала, искать способы получения именно такого же для проведения сравнительного исследования, то есть благодаря такому свойству как идентичность, возможно сравнить, например, образец слюны и образец эпителия. Это может существенно экономить время и силы в случае, если биологический материал является труднодоступным.

Следующее свойство — возможность исследования через биологические следы практически неограниченного количества признаков. Она позволяет создать примерный портрет подозреваемого: пол, возраст, этническое происхождение, признаки внешности, что уже поможет воссоздать примерный портрет преступника, биологические следы которого были обнаружены на месте нераскрытого преступления. Также установить возможных родственников, в случае нахождения их генотипов в базе [4].

Также стоит отметить, что нормативно-правовое регулирование сферы геномной информации продолжает развиваться. В связи с изменениями, внесенными в феврале 2023 г. в Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» от 03.12.2008 № 242-ФЗ, перечень лиц, в отношении которых геномная регистрация обязательна существенно расширился.

Если раньше геномный материал должен был быть взят у лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, то сейчас такие биологические пробы обязательно берутся у всех лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы вне зависимости от категории и вида преступления.

Такие нововведения в законодательстве дают возможность в случае обнаружения биологических следов на месте преступления в максимально короткие сроки установить лицо, совершившее рецидив преступления.

Однако при всех современных возможностях и вариациях использования ДНК-данных, имеются и определенные проблемы, которые уменьшают эффективность

проводимых исследований. Их можно разделить на две группы: проблемы правового характера и проблемы практического характера.

Правовой аспект данного вопроса касается в большей степени проведения судебно-генетических экспертиз.

Как отмечает С. Н. Мызров, из-за отсутствия установленных нормативно-правовых правил и порядка изъятия биологических образцов, которые в последующем будут направляться на исследование, могут быть допущены существенные ошибки при изъятии указанных объектов, что может привести к потере важного материала [5]. Кроме процесса изъятия ошибки могут быть допущены также при непосредственном собирании биологического

материала, транспортировке и в последующем при осуществлении неправильных условий хранения, что представляет собой проблемы практического характера.

Современные достижения в области геномной идентификации, основанные на уникальных свойствах структуры ДНК, а также своевременное нормативно-правовое урегулирование данной области значительно расширяют возможности следователей. При этом все также присутствуют проблемы, касающиеся как практической части, так и правовой регламентации данной сферы, которые требуют решения в целях недопущения потери доказательственной информации, полученной из исследований, проводимых в рамках расследования уголовного дела.

Литература:

1. Федеральный закон от 03.12.2008 г. № 242-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2008 — № 49 — С. 5740.
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2024 года URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/>. Текст: электронный.
3. Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 180-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О биомедицинских клеточных продуктах» // Собрание законодательства РФ. — 2016 — № 26–1 — С. 3849.
4. Писарев Д. Ю. Проблемы применения биометрических систем в раскрытии преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2012. С. 11. Текст: непосредственный.
5. Мызров С. Н., Лукашевич С. В. Биометрические технологии в процессе индивидуализации человека // Российский следователь. — 2013. — № 15 — С.10.

Современные возможности применения судебной фотографии при производстве осмотра мест происшествий

Мартусенко Анастасия Сергеевна, студент

Научный руководитель: Щербалёв Андрей Андреевич, ассистент

Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

Судебная фотография как один из важнейших методов в сфере судебной экспертизы играет ключевую роль в процессе расследования преступлений. В криминалистике под судебной фотографией понимается раздел криминалистической техники, представленных совокупностью научных разработок и приемов, применяемых при собирании и исследовании судебных доказательств для раскрытия преступлений. Фотография используется в связи с тем, что посредством применения данного вида фиксации информации могут быть зафиксированы элементы, скрытые от глаз при обычных условиях.

В современной криминалистике принято разделять судебную фотографию по ее функциональному значению на две группы: запечатлевающая и исследующая. Вторая группа методов судебной фотографии применяется, как правило, при производстве судебных экспертиз. Возможности применения новых методов судебной фотографии при осмотре мест происшествий находятся в прямой взаимосвязи с уровнем научно-технического прогресса.

В теории криминалистики больших изменений, касающихся судебной фотографии, не произошло. При этом, в рамках методов судебной фотографии стали применяться различные фотографические средства, облегчающие применение средств визуальной фиксации и расширяющие возможности таких устройств. Так, внедряются различные многофункциональные устройства, предназначенные для усовершенствования различных задач, в числе которых фиксация панорамных изображений, фотографическая съемка следов в невидимой зоне спектра и др.

Совершенствование судебной фотографии самым тесным образом связано с развитием общей и научной фотографии, научным прогрессом в фото- и видеотехнике и приводит к постоянному расширению сферы применения для раскрытия и расследования преступлений.

Многие ученые-криминалисты, в числе которых Лобоженко И. А. и Хаксина В. Ю. отмечают в качестве перспективной возможности применения судебной фотографии

при производстве осмотра мест происшествий использование систем БПЛА. Их отличительной особенностью в ходе применения на осмотрах мест происшествия является то, что они достаточно просты в применении (при наличии инструкции), что в свою очередь делает их эффективным средством для получения необходимой криминалистически значимой информации. Этот способ фиксации обстановки и объектов быстрее, чем привлечение бригады специалистов-скалолазов, вызов спецтехники или демонтаж конструкций. Это имеет особое значение в тех ситуациях, если след, вещество или другой материальный объект может быть утрачен, и действовать приходится максимально оперативно. К достоинствам данной техники необходимо отнести и то, что чувствительная матрица цифровых камер позволяет вести съемку в сумерках и с наступлением ночного времени. Благодаря им создается возможность получения фотографий с такими ракурсами, которые невозможно получить при помощи обычного фотоаппарата, что позволяет в большей степени оценить объем ущерба, например, при расследовании поджога жилого помещения или лесного насаждения [3].

Главной отличительной особенностью является то, что БПЛА удобен в применении. Это в свою очередь делает его эффективным аппаратом для получения нужной судебно-значимой информации. В ходе осмотра мест происшествия выделяются следующие задачи, которые можно решить с помощью беспилотного летательного аппарата:

1. осмотр места происшествия;
2. фиксация положений объектов;
3. фотографирование следов;
4. съемка для создания 3D-модели.

Необходимо подчеркнуть, что в последнее время представляется актуальным применение ультрафиолетовых лучей при производстве судебной фотографии, что необходимо для обнаружения специальных маркирующих веществ на местах совершения преступлений. Данный метод позволяет идентифицировать невидимые человеческому глазу без дополнительного ультрафиолетового излучения метки, которые особенно важно найти, например, для расследования коррупционных преступлений. Использование инфракрасных камер и технологий ночной съемки позволяет фиксировать детали в условиях недостаточной видимости. Это может быть особенно полезно при расследовании преступлений, произошедших в темное время суток. Современные программы для редактирования и анализа изображений могут помочь выявить скрытые детали, улучшить видимость и контрастность. Это может быть важно для оценки улик и их представления в суде.

Техническое оборудование для судебной фотографии также играет ключевую роль в обеспечении качества получаемых изображений. Современные камеры, объективы, штативы и осветительные приборы позволяют фиксировать детали, которые могут быть критически важными для расследования. Использование цифровых технологий, таких как фотомонтаж и программное обеспечение

для обработки изображений, расширяет возможности судебной фотографии, позволяя создавать более информативные и наглядные материалы. Однако следует помнить, что любые изменения, вносимые в изображения, должны быть документированы и обоснованы, чтобы избежать возможных обвинений в подделке доказательств.

В целом современная судебная фотография не только преодолела аналоговый свой порог, но и стала усложняться не только путем применения на осмотрах мест происшествия дорогостоящей высокотехнологичной техники, описанной выше, но и за счет создания и последующего внедрения в работу правоохранительных органов целых автоматизированных технических комплексов.

Детальный анализ практических технико-криминалистических методов и особенностей средств фотографирования, систематизация имеющихся знаний и повышение уровня квалификации экспертов является актуальной задачей на современном этапе развития криминалистики.

Отметим также, что современные технологии позволяют корректировать судебную фотографию для того, чтобы раскрыть преступление. Так, фотография сделанная на месте происшествия может в дальнейшем быть подвержена усилению контрастов, чтобы сделать нечитаемый текст документа на фотографии более четким. Кроме того, черно-белое фото, которое было обнаружено на месте преступления, после его повторного фотографирования криминалистом, может быть загружено в специальную программу для цветораспознавания, что позволяет узнать цвет одежды жертвы на съемке, цвет волос, глаз и т. д. [2]

Основные принципы судебной фотографии — это точность, последовательность, документирование, нейтральность, использование качественного оборудования, соблюдение этических норм, применение современных технологий и постоянное обучение. Каждый из этих принципов играет важную роль в обеспечении эффективности и надежности судебной фотографии как инструмента в процессе расследования и судебного разбирательства. Важно, чтобы судебные фотографы осознавали свою ответственность и стремились к высоким стандартам в своей работе, поскольку от этого может зависеть не только успех расследования, но и справедливость судебного процесса.

Таким образом, судебная фотография при производстве осмотра мест происшествий является практически значимой, обеспечивая точность доказательств, необходимых для разбирательства. Современные технологии судебной фотографии значительно улучшили процесс осмотра мест происшествий, позволяя создавать более полные и детализированные документальные записи. Эти достижения способствуют повышению качества расследований и укреплению доказательственной базы, что в итоге способствует справедливому судебному разбирательству. Стоит отметить, что перспективы судебной фотографии связаны, с одной стороны, с применением нового оборудования при применении фотосъемки, а, с другой стороны, с появлением новых методов исследования.

Литература:

1. Афанасьев Е. В., Колиев В. В. Современные возможности применения судебной фотографии при производстве осмотра мест происшествия // Право и государство: теория и практика. 2021. № 4 (196). С.291–294
2. Булгаков В. Г., Булгакова Е. В. Инновации в судебной фотографии: взгляд в будущее // Advances in law studies. 2021. Том 9 № 3. С.41–45
3. Любоженко И. А., Хаскина В. Ю. Некоторые аспекты применения метода измерительной фотосъемки с использованием модульного беспилотного комплекса // Право и управление. 2024. № 12. С.421–425

Соборное уложение 1649 года: правовое регулирование дворцового землевладения

Матвеева Анна Игоревна, студент

Научный руководитель: Бальжиев Борис Александрович, старший преподаватель
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ)

Статья посвящена исследованию дворцового землевладения в контексте Соборного уложения 1649 года, одного из ключевых правовых документов России XVII века. В работе анализируются особенности и механизмы управления земельными ресурсами, находившимися в ведении царской власти и дворянства, а также правовой статус дворцовых крестьян. Рассматриваются права и обязанности владельцев дворцовых земель, а также влияние этих норм на социальную структуру и экономические отношения того времени. Статья будет полезна историкам, юристам и исследователям, занимающимся изучением российской истории и права.

Ключевые слова: дворцовое землевладение, Соборное уложение 1649 года, дворцовые крестьяне, дворцовая вотчина, домен царя, феодальная собственность, феодалы-помещики, церковные землевладельцы, границы дворцовых земель, вотчинные земли.

В эпоху феодализма власть и влияние правящей элиты базировались на владении землей и контроле над крестьянами, которые были к ней привязаны. К XVII веку сформировались две основные формы феодальной земельной собственности: государственная (верховное владение землей) и частная (включая земли, принадлежащие царю, помещикам, вотчинникам и церкви) [1, с. 3]. Дворцовые земли в феодальной России были частной собственностью царя и его семьи [2, с. 16]. Дворцовые крестьяне были обязаны обеспечивать продовольствием царский двор, что являлось их главной повинностью. В 1678 году, согласно переписным книгам, насчитывалось 83 тысячи дворов таких крестьян, проживавших в более чем 60 уездах Центральной России, Урала и Сибири [3, с. 75].

В начале XX века анализ дворцового землевладения в России провёл профессор А. И. Заозерским в работах: «Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве» [4], «Царская вотчина 17 в». [5]. К более поздним работам по истории дворцового хозяйства в первой половине XVIII века в России относятся исследования Е. И. Индовой [6], работы академика Ю. В. Готье «Замосковский край в XVII веке» [7] и Я. Е. Водарского «Дворянское землевладение в России в XVII — первой половине XIX вв». [1].

Ключевым источником для данного исследования служит «Соборное Уложение» 1649 года — законодательный кодекс, принятый в период царствования Алексея

Михайловича. Этот документ, утвержденный Земским собором в январе 1649 года, включал в себя введение, 25 глав и 967 статей [8, с. 736].

Данное исследование актуально в связи с тем, что оно направлено на изучение правовых механизмов защиты дворцовой (домениальной) собственности в XVII веке, являвшейся ключевой формой собственности в период позднего феодализма в России.

Дворцовое землевладение упоминается в следующих главах «Соборного Уложения 1649 года»: «О государеве дворе...» (III), «О проезжих грамотах в иные государства» (V), «О искуплении пленных» (VIII), «О мытах и о перевозех, и о мостах» (IX), «О суде» (X), «Суд о крестьянех» (XI), «О поместных землях» (XVI), «О вотчинах» (XVII), «О печатных пошлинах» (XVIII), «О посадских людех» (XIX). «Соборное Уложение 1649 года» в десяти главах и двадцати статьях затрагивает вопросы, касающиеся земельной собственности, принадлежащей великому князю. Положение дворцовых крестьян и бобылей регулируется восемью статьями этого же документа.

Дворцовое ведомство владело самыми плодородными и ценными землями в каждом регионе. В статьях 23 и 24 главы XVII «О вотчинах» перечисляются различные виды великокняжеской собственности, такие как территории для бортничества, рыбной ловли, охоты на бобров, мельницы, переправы, леса для строительства и дров, а также

сенокосные угодья [5, с. 92]. За повреждение или уничтожение межевых знаков, установленных на государственных землях (будь то разрушение межевых камней, засыпание ям или распашка земли), виновные подвергались суровым наказаниям, как это указано в статье 231 главы X «О суде».

В главе III «О государеве дворе» (статья 8) указывалось, что земли, принадлежащие царскому двору, такие как луга для сенокоса, леса и места для рыбной ловли, могли сдаваться в аренду (оброк) крестьянам, принадлежащим помещикам и вотчинникам, а также другим лицам. Для выполнения государственных задач в царские села отправлялись служилые люди, дети боярские и иностранцы, которые помогали воеводам и приказчикам в управлении [5, с. 61]. Согласно ст. 1 гл. IX «О мытах и о перевозех, и о мостах», пошлин с них нигде не взималось.

Статьи 46 и 47 главы XVI, посвященной поместным землям, описывают порядок выделения земель из дворцового фонда в качестве награды за службу. Эти земли, принадлежавшие государю, передавались боярам, okolничим и другим служилым людям. Если выделяемые земли были признаны «средними» или «плохими», то статья 46 предусматривала возможность улучшения их качества за счет добавления к ним части «хороших» земель, если таковые имелись [4, с. 81]. Часто земли, принадлежавшие дворцу, первоначально даровались дворянам в качестве поместья, и лишь впоследствии, как награда за службу, переходили в их полную наследственную собственность — вотчину. На это сетовали некоторые дворяне.

Земли, принадлежавшие дворцу, могли быть проданы в полную собственность (вотчину). Право владения этими землями, согласно указу, распространялось на покупателя, его супругу, детей и других родственников. Статья 45 главы XVII регулировала продажу таких земель, ранее числившихся за Поместным приказом или дворцом, в вотчинное владение [8, с. 98]. Согласно указа, с 1628 года в России порозжие земли продавались в вотчины по 3 четверти за рубль, а дворцовые земли «добрые и середние» в Московском уезде — по 2 четверти за рубль.

Чтобы собрать налоги для государства, приказ Большого Дворца выдавал старостам дворцовых сел специальные документы — сотные грамоты. Эти грамоты, заверенные дворцовой печатью, составлялись на основе писцовых и дозорных книг. Кроме того, в ст. 6 гл. IX «О мытах и о перевозех, о и мостах» закреплено, что в государственных селах на должности таможенных и кабацких голов назначались крестьяне из дворцовых сел. Крестьяне, жившие на землях, принадлежавших непосредственно царской семье (дворцовых землях), подвергались эксплуатации аналогично крестьянам, работавшим на церковных и частных землевладельцев. Основной формой хозяйствования в этих вотчинах была оброчная система, при которой крестьяне выплачивали оброк как продуктами, так

и деньгами. С каждого двора взимался налог в размере 4 денег (как указано в главе VIII «О искуплении пленных» ст. 1). Контроль за сбором налогов осуществляли специальные чиновники — воеводы и приказчики, постоянно проживавшие в дворцовых селах [6, с. 15].

В главе XI, посвященной судебным разбирательствам, касающимся крестьян, констатируется проблема бегства крестьян из дворцовых владений. Согласно данной главе, беглые крестьяне и бобыли часто находили приют на землях, принадлежащих патриарху, митрополитам и другим землевладельцам. Власти разыскивали их, используя писцовые книги, и возвращали на прежние места жительства, вместе с семьями и всем имуществом. В этой же главе отмечается и обратная ситуация: беглые крестьяне от различных помещиков и вотчинников селились на государственных землях. В таких случаях беглецов возвращали их прежним владельцам на основании писцовых книг, без ограничения срока давности [7, с. 62].

Соборное Уложение, принятое в XVII веке, являлось своеобразным зеркалом социальной организации российского общества того времени. Оно регламентировало взаимодействие между различными социальными классами, слоями и группами населения. Ярким подтверждением глубокого социального неравенства и приоритетной защиты интересов правящего класса со стороны государства служила система штрафов за оскорбление чести: за оскорбление крестьянина полагался штраф в 2 рубля, за оскорбление «гулящего человека» — 1 рубль, в то время как за оскорбление представителей привилегированных сословий штраф мог достигать 70–100 рублей [8, с. 737].

Таким образом, около половины статей «Соборного Уложения 1649 года» посвящены вопросам, связанным с дворцовым землевладением. В них подробно рассматриваются ключевые аспекты: состав царских владений, наказания за посягательства на дворцовые земли, правила сдачи земель в аренду, порядок пожалований и продаж земель из царского фонда, а также положение крестьян, работающих на этих землях. Все последующие законы XVII века лишь развивали и уточняли положения, заложенные в «Соборном Уложении».

В целом, Соборное Уложение 1649 года стало важным документом в истории российского права и земельного устройства, так как в нём были закреплены многие аспекты дворцового землевладения, которое играло значительную роль в феодальной системе России того времени. Основными отличительными чертами дворцового землевладения являлось его многоотраслевое хозяйство, привилегированное положение по сравнению с другими видами земельной собственности, особый правовой статус населения, проживающих на дворцовых землях, более жесткая система наказаний за нарушение границ дворцового землевладения и т. д.

Литература:

1. Водарский Я. Е. Дворянское землевладение в России в XVII — первой половине XIX в. Москва, 1988. — 568 с.

2. Советская историческая энциклопедия. Москва, 1964. Т. 5. — 782 с.
3. Буганов В. И. Мир истории. Россия в XVII столетии. Москва, 1989. — 523 с.
4. Заозерский А. И. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Пятигорск, 1917. — 256 с.
5. Заозерский А. И. Царская вотчина XVII века. Москва, 1937. — 623 с.
6. Индова Е. И. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII века. Москва, 1964. — 423 с.
7. Готье Ю. Замосковский край в XVII веке. Москва, 1937. — 156 с.
8. Варенцова Л. Ю. Соборное Уложение 1649 года // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: энциклопедия. Москва, 2009. Т.2. — 856 с.

Соборное уложение 1649 года: правовое регулирование приобретения права собственности

Матвеева Анастасия Игоревна, студент

Научный руководитель: Бальжиев Борис Александрович, старший преподаватель
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ)

Статья посвящена анализу права собственности в контексте Соборного уложения 1649 года, которое стало важным правовым документом в истории России. В работе рассматриваются ключевые положения Уложения, касающиеся частной и государственной собственности, а также их влияние на социальные и экономические отношения того времени. Статья предназначена для юристов, историков и всех интересующихся развитием российского права.

Ключевые слова: Соборное уложение 1649 года, право собственности, срок давности, поместье, вотчина, пожалование, жалованные грамоты, землевладение, имущество, государство, владение, князь.

Право собственности — ключевой элемент правовой системы любого государства, оказывающий влияние как на экономику, так и на социальную структуру общества. В России вопросы собственности особенно актуальны в контексте исторических политических и экономических преобразований. Соборное уложение 1649 года сыграло важную роль в формировании правовых норм, регулирующих частную и государственную собственность. Этот исторический документ не только отразил существующие реалии, но и предопределил дальнейшее развитие российского права. Данное исследование посвящено анализу основных положений Соборного уложения, касающихся права собственности, и их воздействия на общественные отношения того периода.

По Соборному Уложению 1649 года (далее: Уложение) можно выделить следующую систему способов приобретения права собственности:

1. способы дарственные и безвозмездные (пожалование, выдел, дар, завещание);
2. наследование;
3. договоры и обязательства;
4. давность владения.

До принятия Уложения, давность владения не была определяющим фактором в суде. Она рассматривалась лишь как один из возможных доказательств, которое судья оценивал наряду с другими, и обычно играла второстепенную роль.

В XVII веке законодательство стало устанавливать четкие сроки давности, что шло рука об руку с другими

изменениями в регулировании земельных вопросов. В частности, свидетельские показания стали играть меньшую роль в земельных спорах, а главным доказательством права собственности стали документы, подтверждающие законность владения землей. Это особенно заметно в главе X Уложения [1, с. 131–133].

В отношении сроков давности, предусмотренных Соборным уложением, в литературе существуют разногласия. Некоторые исследователи полагают, что Уложение не содержало общего срока давности, а устанавливало его исключительно для случаев выкупа родовых вотчин (статьи XVII; 13, 30) [2, с. 26]. В разных случаях применялись различные сроки давности. Например, для дел, связанных с вотчинным имуществом, срок составлял сорок лет (как это было установлено в XVII веке), а для исков по заемным деньгам — пятнадцать лет [3, с. 74]. При погашении долга, отсчет срока исковой давности начинался с момента внесения последнего платежа (X, 257). На несовершеннолетних действие исковой давности не распространялось (XVI, 54). Изначально, после принятия Уложения, сорокалетний срок исковой давности по праву выкупа мог быть прерван, однако эта возможность была упразднена Указом 1679 года [4, с. 90]. Решение гласило, что право выкупа должно быть не только подтверждено судом в течение сорока лет, но и фактически осуществлено за этот же период. Если выкуп не производился в течение сорока лет, право на него терялось, даже если суд его ранее признал. Помимо общего сорокалетнего срока, существовали и более короткие сроки для отдельных случаев, например, для споров о поместьях [5,

с. 162]. Согласно закону (XVI, 54), после смерти помещика и раздела его наследства, иск о переделе этого наследства мог быть подан в течение пяти лет.

Практика пожалования, как способа передачи права собственности, уходит корнями в глубокую древность. До XII века пожалования осуществлялись устно. В XIV-XV веках пожалование стало распространенным способом приобретения собственности, выступая либо дополнением к другим основаниям (например, при захвате ничейных вещей), либо самостоятельным основанием (например, когда государство даровало землю за заслуги). Вотчины жаловались не только в качестве награды, но и для: 1) обеспечения возможности несения государственной службы; 2) компенсации за изъятые земли; 3) возмещения ущерба от разорения [6, с. 158].

В Уложении, своде законов, двор описывался как хозяйство, включающее землю и постройки, где труд в основном обеспечивался зависимыми крестьянами. Документы XVI-XVII веков подтверждают, что служилым людям в качестве поместий выделялись не только земли в уездах, но и городские дворы, называемые просто «дворами» или «данными местами». Этот факт даёт основание некоторым исследователям рассматривать дворы как своего рода поместья [7, с. 20].

Обычно в качестве награды даровалась земля с живущими на ней людьми, хотя иногда жаловали и пустующие земли. Получить такую награду могли представители разных слоев населения, как крестьяне, так и служилые люди, независимо от того, принадлежали ли они ранее князю или другому владельцу. Хотя пожалование людей подразумевало и землю, на которой они жили, это не означало передачи права собственности на землю, поскольку крестьяне не владели ею. Таким образом, несмотря на отсутствие передачи прав собственности, пожалование земли и людей имело важное значение для государства.

Предметы, которые даровались в качестве пожалования, характеризовались тем, что не обязательно были чьей-либо частной собственностью. Это означало, что пожалование могло осуществляться напрямую из государственных ресурсов, либо же даровались незанятые земли, которые прежде никому не принадлежали [8, с. 6].

Пожалования считались основополагающим способом приобретения прав собственности. К ним же приравнивались «пожалования в куплю» — практика, когда князь продавал землю в полную собственность частным

лицам, церквям, монастырям и другим учреждениям [9, с. 148]. Награждение земель или привилегиями через жалованные грамоты было строго персонализированным актом. Эти грамоты предназначались конкретным людям: отдельным служилым лицам, их семьям (братьям, сыновьям и т. д.), а также церковным деятелям, таким как митрополиты, епископы и монастыри. Хотя грамоты определяли конкретные владения, само пожалование всегда было напрямую связано с личностью получателя [10, с. 26]. Княжеская грамота была тесно связана с личностью правителя. Она действовала лишь при жизни и правлении князя, выдавшего её. С приходом нового князя старые грамоты аннулировались, и требовалось либо получение новой, либо подтверждение старой, часто с внесением изменений. Это подчеркивало, что судебные и налоговые льготы землевладельцев зависели исключительно от княжеской милости, зафиксированной в грамоте, а не от прав собственности на землю, основанных на традиционном праве.

В научных исследованиях жалованные грамоты обычно классифицируют по трем ключевым категориям: 1) документы, оформляющие передачу земельной собственности феодалам; 2) грамоты, устанавливающие иммунитет феодальных владений; 3) документы, наделяющие феодалов правом на организацию производств, торговлю и взимание таможенных сборов.

Уложение не регулировало переход права собственности при обмене имуществом (XVI, 2–7), хотя сам обмен был разрешен. Скорее всего, мена осуществлялась по тем же правилам, что и покупка. Это подтверждается тем, что в Уложении понятия «купил» и «выменял» часто смешиваются, как будто это одно и то же [3, с. 77].

Таким образом, можно сделать следующие выводы по поводу приобретения права собственности по Соборному Уложению 1649 года:

1. приобретение права собственности было детально урегулировано;
2. произошло слияние вотчины и поместья;
3. приобретение права собственности имело не только юридическое, но и политическое значение.

Соборное Уложение 1649 года сыграло значительную роль в формировании правовой основы для регулирования права собственности в России, что оказало влияние на дальнейшее развитие российского законодательства, а также обеспечило более четкие рамки для имущественных отношений и способствовало развитию экономики.

Литература:

1. Латкин В. Н. Лекции по внешней истории русского права. Санкт-Петербург: Тип. Я. И. Либермана, 1889. — 536 с.
2. Беляев И. Д. Как понимали давность в разное время, и русское общество, и русские законы // Сб. уч.-лит. стат. профессоров и преподавателей Имп. Моск. ун-та. Москва: Унив. тип., 1855. — 359 с.
3. Строев В. Н. Историко-юридическое исследование Уложения. СПб., 1833. — 251 с.
4. Памятники русского права. Вып. 7 Памятники права периода создания абсолютной монархии. 2-я пол. XVII в. / под ред. Л. В. Черепнина. Москва: Госюриздат, 1963. — 512 с.
5. Энгельман И. Е. О давности по русскому гражданскому праву: Историко-догматическое исследование. Москва: Статут, 2003. — 612 с.

6. Неволин К. А. История Российских гражданских законов. Часть вторая: Книга вторая об имуществах. Раздел первый об имуществах вообще и раздел второй о правах на вещи. Москва: Статут, 2006. — 183 с.
7. Загоскин Н. П. О праве владения городскими дворами в Московском государстве. Историко-юридический очерк. Казань: Универ.тип., 1877. — 362 с.
8. Владимирский-Буданов М. Ф. Очерки из истории литовско-русского права. Киев: Тип. В. И. Завадского, 1889. — 358 с.
9. Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и историографии России периода феодализма. Москва: Наука, 1978. — 421 с.
10. Веселовский С. Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. Москва: Ин-т истории, 1926. — 275 с.

Проблема определения участников административного судопроизводства

Мендунова Алина Сергеевна, студент;

Юдина Дарья Сергеевна, студент

Научный руководитель: Карпова Анастасия Алексеевна, кандидат юридических наук, преподаватель
Саратовская государственная юридическая академия

Административное судопроизводство в Российской Федерации является сравнительно новым институтом, окончательно сформировавшимся после принятия Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в 2015 году. Одним из ключевых элементов его функционирования является определение круга участников административного процесса. От четкости и юридической определенности в данном вопросе зависит соблюдение принципов состязательности, равноправия сторон и эффективной судебной защиты прав граждан и организаций.

В качестве субъектов административно-процессуальных правоотношений выступают физические и юридические лица, наделённые законом соответствующим процессуальным статусом, который определяется их ролью в административном судопроизводстве. Данная процедура характеризуется многообразием участников, каждый из которых выполняет определённую процессуальную функцию, обусловленную их правовым положением и закреплённую в нормативно-правовых актах, регулирующих административный процесс [4, с. 153].

В юридической доктрине участники административного судопроизводства подлежат дифференцированной классификации, основанной на системном анализе их процессуального статуса, задач, функционального назначения, объема предоставленных прав и обязанностей, а также иных значимых юридических характеристик.

Субъекты административно-процессуальных правоотношений, участвующие в рассмотрении дел в порядке, установленном Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ), подразделяются на три основные группы:

1. Суд, реализующий полномочия по разрешению административных споров, занимает особое положение в структуре участников. Его деятельность носит публично-властный характер, а реализуемые функции направлены на обеспечение законности, правопорядка и защиты прав субъектов административных правоотношений. Статус

суда определяется не только КАС РФ, но и нормами конституционного и федерального законодательства, придающими ему статус арбитра в сфере публичного управления.

2. Лица, участвующие в деле. Наиболее обширную и значимую группу составляют субъекты, чье участие в процессе напрямую влияет на возникновение, развитие и прекращение административно-процессуальных отношений [1, с. 915]. К их числу, в соответствии со статьёй 37 КАС РФ, относятся [2]:

— стороны по делу (взыскатель и должник в делах о выдаче судебного приказа);

— заинтересованные лица;

— прокурор;

— органы, организации и лица, обращающиеся в суд с административными исками в защиту прав, свобод и законных интересов иных лиц либо неопределенного круга лиц.

Особое место в данной категории занимает прокурор, который, реализуя функции надзора за соблюдением законности, вправе как инициировать производство по делу путём подачи административного искового заявления, так и вступать в уже начатый процесс с целью дачи заключения по существу рассматриваемого спора.

3. Лица, способствующие осуществлению правосудия. Эта категория участников не является заинтересованной стороной в разрешении административного спора и, как следствие, не несёт процессуальных рисков, связанных с принятием судебного акта. Их участие преследует цель обеспечения объективности, полноты и эффективности судебного разбирательства. Согласно статье 48 КАС РФ к указанным субъектам относятся: эксперты (ст. 49); специалисты (ст. 50); свидетели (ст. 51); переводчики (ст. 52); помощник судьи (ст. 52.1); секретарь судебного заседания (ст. 53).

При этом перечень таких лиц не является исчерпывающим, что обусловлено открытым характером процессуального регулирования. Их функциональное назначение состоит в содействии суду при осуществлении право-

судия, обеспечении упорядоченного, своевременного и правомерного разрешения административного спора.

Несмотря на кодификацию административного судопроизводства, КАС РФ сохраняет некоторую терминологическую неопределенность. Так, в разных статьях кодекса используется терминология «лицо, подавшее заявление», «административный истец», «заявитель», «истец», что вызывает затруднения при толковании норм.

Участники административного судопроизводства обладают рядом юридически значимых характеристик, вытекающих из сущности их процессуального статуса. К числу основных признаков данных субъектов следует отнести следующие:

1. Нормативная определённость круга лиц: участники административного судопроизводства представляют собой строго определённую законом категорию субъектов, установленную положениями КАС РФ.

2. Правовая индивидуализация процессуального статуса: каждому участнику административного процесса присущ индивидуально закреплённый законом объём прав, обязанностей, функций и процессуальных задач, реализация которых ограничена рамками конкретного производства.

3. Юридическая ответственность как элемент правосубъектности: осуществление процессуальных прав и обязанностей сопряжено с возникновением юридически значимых последствий, включая возможность привлечения к предусмотренной законом юридической ответственности в случае нарушения установленных правовых норм.

4. Право на осуществление процессуальных действий от собственного имени, что свидетельствует о признании участника носителем индивидуализированной правосубъектности в рамках судопроизводства.

5. Наличие самостоятельного юридического интереса, под которым следует понимать как личную, так и публичную заинтересованность в результатах разрешения административного дела.

6. Право на выражение воли, направленное на возникновение, изменение или прекращение административно-процессуальных отношений.

7. Распространение на субъекта действия судебного акта, что обуславливает для участника обязательность и преюдициальное значение принятого судебного решения [3, с. 201].

Исходя из совокупности указанных признаков, под участниками административного судопроизводства следует понимать установленный законодательством круг лиц, наделённых в пределах конкретного административного дела индивидуализированным комплексом процессуальных прав и обязанностей, реализующих предусмотренные правовым статусом функции и задачи, а также несущих ответственность за правомерность своих действий и решений в рамках административного судопроизводства. Классификация участников административного судопроизводства играет важную роль в теоретическом осмыслении административного процесса и обеспечивает более чёткое понимание механизмов реализации судебной защиты в публично-правовой сфере.

Литература:

1. Акимов И. В. Лица, участвующие в административном судопроизводстве // Экономика и социум. 2023. № 12 (115)-1. С. 914–918.
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391; 2025. № 14. Ст. 1587.
3. Романов К. И. Понятие и классификация участников административного судопроизводства // Научные исследования высшей школы: сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 30 ноября 2019 года / Отв. ред. Гуляев Герман Юрьевич. Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г. Ю.), 2019. С. 200–203.
4. Табельский С. В. О некоторых проблемах субъектного состава административно-процессуальных правоотношений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1(52). С. 152–160.

Договор поставки: особенности заключения и согласование существенных условий

Морозова Надежда Сергеевна, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

Современная экономика немыслима без юридически оформленных соглашений. Каждое взаимоотношение служит важным звеном для развития рыночных процессов, принимая при этом различные формы. Одной из таких форм взаимодействия выступает договор по-

ставки, который по своей правовой природе является отдельным видом договора купли-продажи.

Обособлено, договор поставки представляет распространённую форму соглашения, часто применяемую в предпринимательской среде. Его создание происходит

с целью поставки товаров между предпринимателями или компаниями, а использование продукции возможно только в коммерческой сфере.

Возникновение договорных отношений создаёт статус и обязательства сторон. Так, один участник процесса становится поставщиком, а второй покупателем. Первый обязан поставить товар в определённый срок, в согласованном количестве и надлежащего качества, а второй произвести приёмку и рассчитаться в соответствии с договором [2]. И несмотря на кажущуюся схожесть данного вида с договором купли-продажи, соглашение о поставке обладает рядом особенностей, которые характерны ему в связи с профессиональным и повторяющимся характером. Именно данные специфичные черты влияют на исполнение, заключение и расторжение договора, а также на составление его существенных условий.

Законодательная основа договора поставки описана в 3 параграфе 30 главы Гражданского кодекса Российской Федерации включает в себя много аспектов, касающихся в первую очередь обязательств сторон, важных элементов для создания соглашения, а также моментов урегулирования всего взаимодействия [1]. Среди них стоит отметить то, что договор может быть заключен только между юридическими лицами, что подчеркивает коммерческий характер такой связи.

Также в большинстве случаев составление договора предполагает систематичный и долгосрочный тип сотрудничества, а потому заключение планируется с учётом продолжительного партнёрства. Оформление в большинстве случаев происходит в классическом письменном формате, хотя на данный момент всё чаще можно встретить договор поставки, который заключён посредством цифрового документооборота. При этом, стороны сами определяют форму документа, так как унифицированный шаблон не обозначен в законодательстве [3].

Процесс заключения происходит в соответствии с ранее упомянутой главой, а также статьей 432 Гражданского кодекса, где описаны основные положения для формирования соглашения. Однако специфика данного договора предполагает учёт не только описанных особенностей, но и других аспектов, вытекающих из предпринимательской направленности правоотношений участников [1]. Основой для заключения соглашения о поставке служит согласие сторон по всем существенным условиям, предусмотренным законом.

Заключение может происходить в стандартной форме, когда стороны подписывают единый документ, так и посредством обмена в виде оферты и акцепта. Деловая переписка в таком случае часто производится через электронные платформы, что особенно актуально в настоящее время. Такой процесс, осуществленный цифровым путём, происходит намного быстрее, чем классический вариант.

Следует подчеркнуть то, что договор поставки концентрируется не только на поставляемой продукции, но также на составе обязательств участников и регламентации их деятельности. Каждое соглашение включает в себя ин-

дивидуальные характеристики, касающиеся последствий невыполнения своих договорённостей, форс-мажорных обстоятельств и других аспектов. Такие особенности заключения могут быть отражены, как в основном договоре, так и в спецификациях, которые прикладываются к нему или к рамочному соглашению.

Существенные условия договора поставки включают в себя предмет договора и другие требования. Первое подразумевает количество и наименование продукции, ассортимент и комплектность. Второе обычно содержит в себе такие условия, как цена и сроки поставки. Однако помимо них могут быть закреплены и другие факторы, важные для сотрудничества. Всё это обсуждают участники договорных отношений перед тем, как составить основной договор поставки [5]. Так, они могут сформировать рамочный договор, а уже после исходя из него разработать основное соглашение. При этом отсутствие согласования хотя бы одного из этих условий может повлечь признание договора незаключённым [6].

Составление существенных условий играет важную роль, так как содержит необходимую информацию о поставляемом товаре. Так, когда происходит описание предмета договора стороны могут зафиксировать характеристики, которые касаются наименования продукции, её стандартов, технических условий и прочих свойств. Перечисленное не только даёт гарантию доставки необходимого груза, но также позволяет правильно провести проверку на соответствие. Если товар обозначается одинаково, но имеет различные признаки, то это предусматривается в тексте документов. Нередко точное описание предмета договора происходит в спецификациях, дополнительных документах, в то время как в основном тексте пишется лишь базовая информация о грузе. Такой подход даёт сторонам больше возможностей для расширения сведений, а также защищает от искажений главных характеристик [7].

Помимо этого, стороны обычно обозначают сроки поставки груза, так как они играют ключевую роль. Поставочные отношения формируются за счёт стабильной и своевременной доставки. Участники заранее обговаривают даты и время, когда возможно поставить продукцию, и если такие условия будут отсутствовать, то это может не только привести проблемы для сторон, но и в целом не создать эффективные партнёрские отношения, так как сроки фактически определяют начало и конец.

Ещё одним важным условием является цена. Во времена рыночной экономики стоимость товара сильно влияет на решение заключения сделки. Если один из участников не согласен с назначенной ценой, то еще на этапе формирования соглашения он может запросить скидку, либо найти другого поставщика, стоимость продукции которого, его будет полностью удовлетворять. В случае, если обе стороны не идут на компромисс по цене, так как одному хочется её снижения, а второй не может это предоставить, то соглашение вряд ли будет сформировано.

Также немаловажным условием является порядок исполнения обязательств, который касается передачи то-

вара со стороны поставщика и принятия груза с последующей оплатой со стороны покупателя. Данные условия исполнения затрагивают моменты, связанные с подробностями осуществления поставочной деятельности. Так, например, в договоре может быть не прописана поставка товара с погрузочной работой его на склад. Тогда такое действие рассчитывают, как дополнительную стоимость при необходимости.

Главным процессом при составлении существенных условий в договоре служит согласие сторон по всем ключевым параметрам сделки дабы избежать последующих неясностей и конфликтов в судебном порядке. Участники должны учесть все особенности в соответствии с действующим законодательством и прийти к консенсусу в результате чего договор будет считаться заключённым. Если же стороны не приняли всё это к сведению, то велика вероятность возникновения конфликтных ситуаций, которые будут решаться в суде [4].

В судебной практике можно часто наблюдать насколько сильно влияет проблема недостаточного согласования договора. Нередко соглашения считаются незаключёнными по причине отсутствия обозначения предмета договора, при том, что сам процесс поставки и оплаты мог фактически производиться. Поэтому существенные условия имеют большое значение и необходимы для возникновения

обязательств. Их определение и своевременное согласование позволяют миновать различного рода затруднения.

Уменьшение риска появления судебных споров возможно, если стороны будут детально и поэтапно согласовывать все условия, а также обсуждать все неоднозначные моменты. В тексте документа должны быть упомянуты все важные неотъемлемые части и установлена договоренность между участниками соглашения. Всё это в совокупности с юридическим сопровождением устраним слабые места и двусмысленные формулировки, которые мешают качественному сотрудничеству.

Итак, на основании описанного можно сделать вывод, что договор поставки играет важную роль в договорных правоотношениях. Особенности его заключения отражаются в субъектном составе участников, содержательном наполнении и ряде правил, нарушение которых приводит к недействительности соглашения. Существенные условия, которые необходимы при создании договора поставки, включают в себя предмет, сроки и стоимость товара. Упущение хотя бы одного из них может повлечь за собой проблемы и разногласия между сторонами, а потому чёткое их описание и согласие участников со всеми пунктами на начальных этапах просто необходимы для построения стабильных и эффективных коммерческих отношений.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (действующая редакция от 13.12.2024) // Система «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/b7fac2b965e6da20ae9588a23f16bd9d910a8328/
2. Баженов Ю. К., Баженов А. Ю. / «Коммерческая деятельность». Учебник под ред. Л. П. Дашкова. /Ю. К. Баженов, А. Ю. Баженов — Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К» —2023. — С. 45–63.
3. Беспалов Ю. Ф., Егорова О. А., Якушев П. А. / «Договорное право». / Ю. Ф. Беспалов, О. А. Егорова, П. А. Якушев// Учебное пособие. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право. —2017. — С. 59–83.
4. Брагинский М. И. Витрянский В. В. /Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд. / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — М.: Статут, —2011. — 847 с.
5. Гаврилова А. М. /Договор поставки в условиях рыночной экономики: дис. канд. юрид. наук / А. М. Гаврилова // Саратов. —2001. — 201 с.
6. Миненкова Л. Р. /Особенности заключения и исполнения договора поставки/ Л. Р. Миненкова // Сборник научных статей преподавателей кафедры права. Казань: Мир без границ. —2010. — С. 28–35.
7. Понеделко Д. В. /Специфика договора поставки, его отличие от иных видов договоров, используемых при реализации товаров и услуг /Д. В. Понеделко // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 384. — С. 167–171.

Эволюция взаимодействия России и Европейского суда по правам человека в защите прав граждан РФ: политико-правовой анализ

Муродов Абуали Холмуродович, студент магистратуры
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

В статье рассматривается эволюция взаимодействия Российской Федерации с Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ) в контексте защиты прав граждан. Автор выделяет три ключевых этапа — от периода конструктивного сотрудничества и правовой интеграции до ограничения взаимодействия и полного выхода из системы Европейской

конвенции. Анализируются изменения в правовом и политическом подходе России к международным обязательствам, включая исполнение решений ЕСПЧ, влияние прецедентной практики на внутреннее законодательство, а также причины и последствия отказа от юрисдикции ЕСПЧ. Особое внимание уделено правовому вакууму, возникшему после денонсации Конвенции, и рискам для защиты прав человека в условиях внутренней правовой изоляции. На основе анализа судебных дел, правовых актов и мнений экспертов сформулированы выводы о трансформации российской правовой политики и перспективах развития механизмов национальной правозащиты.

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека, права человека, международное право, юрисдикция, Россия, Европейская конвенция, правовая интеграция, правовой суверенитет, исполнение решений, правозащитные механизмы.

С момента ратификации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в 1998 году Россия стала частью европейской системы защиты прав и свобод человека. Это означало признание юрисдикции Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) и обязательство исполнять его решения. Для граждан Российской Федерации открылся доступ к международной инстанции, что стало значимым шагом в обеспечении верховенства права и контроля над действиями национальных властей.

Для удобства, мы можем «грубо» разделить эволюцию взаимодействия на три этапа. Каждый из этапов определяет взаимоотношения России и ЕСПЧ через призму международных событий, которые ярко отражают позиции России на международной арене.

Период 1998–2015 гг.: Сотрудничество и правовая интеграция. На протяжении первых лет после присоединения к Европейской конвенции о защите прав человека Россия демонстрировала достаточно высокий уровень открытости и готовности к сотрудничеству с Европейским судом по правам человека. С начала 1998 по 2015 год в целом наблюдалась интеграция европейских стандартов прав человека в российскую правовую систему. Российские власти начали исполнять решения ЕСПЧ, которые приводили к изменениям в ряде нормативных актов и судебной практики. Особенно это проявилось в сфере уголовного и административного судопроизводства, условий содержания под стражей и прав осуждённых. Европейский суд в этот период рассматривал множество дел, в которых граждане России жаловались на чрезмерную длительность содержания под стражей, жестокое обращение, отсутствие эффективного расследования, нарушения права на справедливое судебное разбирательство. Так, в делах «Калашников против России» (2002), [1] «Фёдоров и Федорова против России» (2005) [2], «Сорокин против России» (2007) [3]. Суд установил, что условия содержания в СИЗО нарушали статью 3 Конвенции (запрет на пытки и бесчеловечное обращение).

Одним из наиболее известных и значимых решений стало дело «Илашку и другие против Молдовы и России» (2004) [4], в котором ЕСПЧ признал ответственность Российской Федерации за содержание в заключении в Приднестровье четырёх молдавских граждан, несмотря на формальное отсутствие контроля России над регионом. Это дело стало первым прецедентом, подтвердившим возможность привлечения России к ответственности за действия подконтрольных территорий.

В 2013 году было вынесено решение по делу «Анчугов и Гладков против России» [5], касавшееся запрета осуждённым на участие в выборах. Суд постановил, что blanket ban — полный запрет без индивидуальной оценки — противоречит Конвенции. Это вызвало дискуссии о соответствии избирательного законодательства России стандартам Совета Европы. По данным Совета Европы, уже к 2010-м годам Россия входила в тройку стран-лидеров по количеству жалоб в ЕСПЧ.

Так, по статистике за 2015 год, более 22 % всех индивидуальных жалоб поступали из Российской Федерации. [6] Это говорит не только о доверии граждан к механизму Суда, но и о недостатках внутренних правозащитных механизмов. Юристы, такие как профессор М. А. Краснов и эксперт В. А. Новиков, отмечают, что именно в этот период ЕСПЧ стал «локомотивом для реформирования российской судебной системы», особенно в части обеспечения доступа к правосудию, независимости суда и условий исполнения наказаний. [7] Таким образом, данный этап можно охарактеризовать как период конструктивного сотрудничества, в течение которого решения ЕСПЧ оказывали системное влияние на развитие правовых институтов внутри страны.

На протяжении первых лет после присоединения Россия демонстрировала высокий уровень сотрудничества с ЕСПЧ. Страна активно исполняла решения суда, а также вносила изменения в законодательство под влиянием прецедентной практики. Наиболее заметное влияние ЕСПЧ оказал в области условий содержания в местах лишения свободы, избирательного права, прав собственности.

Период 2015–2022 гг.: Ограничение взаимодействия. Период с 2015 по 2022 год ознаменовался серьёзным изменением вектора взаимоотношений между Россией и Европейским судом по правам человека. Центральным событием стал принятие Федерального конституционного закона № 7-ФКЗ от 14 декабря 2015 года, [8] который предоставил Конституционному Суду Российской Федерации полномочия признавать решения ЕСПЧ не подлежащими исполнению, если они противоречат положениям Конституции РФ. Это стало беспрецедентным шагом и вызвало широкий резонанс внутри страны.

Наиболее известным примером стало дело «ЮКОС против России» [9], в котором ЕСПЧ постановил выплатить около 1,9 млрд евро бывшим акционерам компании. Однако Конституционный Суд РФ признал невозможным исполнение этого решения, сославшись на угрозу нарушения основ конституционного строя. Это решение стало

символом нового подхода к взаимодействию с международным правосудием — приоритет внутреннего законодательства над международными обязательствами. Кроме того, политический фон этого периода характеризовался резким ухудшением отношений России с Западом, в первую очередь из-за событий в Украине в 2014 году и последующих санкций. В таких условиях механизмы международного контроля, включая ЕСПЧ, стали восприниматься российскими властями как элементы внешнего давления, а не как инструменты правовой защиты. На внутреннем уровне усилилось давление на гражданское общество и правозащитные организации. Были приняты и расширены законы об «иностранных агентах», «нежелательных организациях», «фейках о действиях армии», что существенно ограничило пространство для правозащитной деятельности. Такие меры привели к тому, что часть правозащитных НКО была признана нежелательной или ликвидирована, включая «Мемориал». Также наблюдалась тенденция к ограничению взаимодействия с международными механизмами: Россия всё чаще игнорировала запросы ЕСПЧ по применению обеспечительных мер и переставала своевременно реагировать на его предписание. Это свидетельствовало о формировании линии на дистанцирование от международных обязательств в области прав человека. Многие эксперты, включая международных правоведов и российских конституционалистов, выражали обеспокоенность данным поворотом. Так, профессор В. А. Туманов подчеркивал, что отступление от исполнения решений ЕСПЧ подрывает авторитет России на международной арене и угрожает целостности правовой системы [10]. Таким образом, период 2015–2022 годов можно охарактеризовать как фазу активного ограничения взаимодействия и отхода от европейских стандартов защиты прав человека. Это стало прологом к дальнейшему радикальному разрыву, последовавшему в 2022 году.

Принятый в 2015 году Федеральный конституционный закон № 7-ФКЗ позволил Конституционному Суду РФ признавать решения ЕСПЧ не подлежащими исполнению, если они противоречат Конституции России. Это стало поворотным моментом и вызвало критику со стороны Совета Европы и правозащитных организаций.

Фактически, Россия начала избирательно подходить к исполнению решений Суда. Примеры включают дело «ЮКОС против России», где компенсации в миллиарды евро были признаны не соответствующими конституционному порядку. Внешнеполитическое обострение, связанное с событиями в Украине и санкциями, только усилило отдаление. Внутри страны усилилось давление на правозащитные организации, были приняты законы об «иностранных агентах», что также повлияло на взаимодействие с европейскими институтами.

Период 2022–2025 гг.: Прекращение участия 24 февраля 2022 года Россия начала военную операцию на территории Украины, что спровоцировало беспрецедентное ухудшение отношений с европейскими странами. Реакцией Совета Европы стало исключение Российской Феде-

рации из организации 16 марта 2022 года. Уже 22 марта Министерство иностранных дел России официально уведомило о выходе из Европейской конвенции по правам человека, а 16 сентября 2022 года юридически завершился процесс денонсации. [11] Это означало утрату Россией статуса участника Конвенции, а её граждан — права на обращение в Европейский суд по правам человека в отношении новых нарушений. Вместе с тем, ЕСПЧ объявил, что продолжит рассматривать дела, в которых нарушения прав человека произошли до 16 сентября 2022 года. Однако российские власти заявили, что не признают решений, вынесенных после 15 марта 2022 года, включая обязательства по выплатам компенсаций.

Такая позиция породила значительный правовой вакуум. Граждане Российской Федерации, ранее имевшие возможность прибегнуть к международной защите, утратили этот механизм. Это особенно критично на фоне ограничений внутри страны и роста числа дел, связанных с ограничением свободы слова, арестами активистов, закрытием НКО и усилением контроля за интернетом. Кроме того, правозащитники отмечают, что утрата участия в Конвенции привела к подрыву гарантий прав человека внутри страны. В докладе Human Rights Watch за 2023 год указывалось, что Россия утратила один из немногих эффективных внешних механизмов сдерживания нарушений прав. На международной арене отказ России признавать юрисдикцию ЕСПЧ был воспринят как окончательный разрыв с европейской системой прав человека. Страны-члены Совета Европы осудили этот шаг как нарушение универсальных правовых принципов и проявление отказа от общих ценностей.

Эволюция отношений между Российской Федерацией и Европейским судом по правам человека демонстрирует переход от стремления к интеграции к сознательной правовой изоляции. В первые десятилетия взаимодействия Россия воспринимала участие в ЕСПЧ как элемент сближения с Европой и инструмент модернизации. Однако со временем международные обязательства начали рассматриваться как вмешательство во внутренние дела и угроза государственному суверенитету. Политический дискурс сместился в сторону концепции «суверенной демократии», в которой международное право занимает подчинённое положение. Исполнение решений ЕСПЧ стало выборочным, а их критика — частью государственной риторики. Принятие закона, позволяющего не исполнять решения Суда, стало выражением нового вектора правовой политики. Мнения экспертов разделились. Некоторые, как профессор И. Е. Маркин [12], подчёркивают, что отказ от международной юрисдикции снижает гарантии защиты прав граждан и отдаляет Россию от мировых правовых стандартов. Другие, напротив, считают это проявлением защиты национального суверенитета в условиях политического давления. Таким образом, финальный этап взаимодействия с ЕСПЧ символизирует не только отказ от конкретного механизма, но и более широкий разворот правовой политики России в сторону внутренней замкнутости и самостоятельности.

Литература:

1. Дело Калашников против России (жалоба № 47095/99). <http://hrlibrary.umn.edu/russian/euro/Rkalashnikovcase.html>
2. Федоров и Федорова против России [Fedorov and Fedorova v. Russia] (№ 31008/02) [file:///C:/Users/AsusUser/Downloads/CASE %20OF %20FEDOROV %20AND %20FEDOROVA %20v. %20RUSSIA %20 %E2 %80 %93 %20 \[Russian %20translation\] %20summary %20by %20Development %20of %20Legal %20Systems %20Publ. %20Co %20.pdf](file:///C:/Users/AsusUser/Downloads/CASE%20OF%20FEDOROV%20AND%20FEDOROVA%20v.%20RUSSIA%20%E2%80%93%20[Russian%20translation]%20summary%20by%20Development%20of%20Legal%20Systems%20Publ.%20Co%20.pdf)
3. <https://minjust.gov.ru/ru/pages/arhiv-precedentnoj-praktiki-evropejskogo-suda-po-pravam-cheloveka/>
4. Дело Илашку и другие против Молдовы и России URL: http://sutyajnik.ru/rus/echr/judgments/ilascu_rus.htm
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. N 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» URL: <https://base.garant.ru/71382182/>
6. ECHR — Analysis of Statistics 2020. URL: [https://www.echr.coe.int/Documents/ Stats_analysis_2020_ENG.pdf](https://www.echr.coe.int/Documents/Stats_analysis_2020_ENG.pdf)
7. Краснов М. А. «Задачи и перспективы судебной реформы в России» // Реформы и право. 2021.
8. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40292/print>
9. ОАО Нефтяная компания ЮКОС против России URL: <https://ehrac.org.uk/ru/key-ehrac-cases/right-to-a-fair-trial-yukos-v-russia/>
10. Туманов В. А. Европейский Суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. — М.: Норма, 2001
11. Совет Европы официально объявил об исключении Российской Федерации из организации 16 марта 2022 года. URL: <https://www.coe.int/ru/web/portal/-/the-russian-federation-is-excluded-from-the-council-of-europe>
12. Маркин И. Е. Европейский Суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. — М.: Норма, 2001.
13. Протокол № 15 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 24 июня 2013 г. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/213>
1. Предварительные итоги деятельности Конституционного Суда РФ на пороге 15-летия: интернет-интервью с В. Д. Зорькиным, председателем Конституционного Суда РФ. URL: <http://www.consultant.ru/law/interview/zorkin/>
2. Доклад о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2019 г. URL: https://minjust.gov.ru/uploaded/files/doklad_qcmZYtl.pdf
3. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Федер. конституционный закон от 14 дек. 2015 г. № 7–ФКЗ // Российская газета. 2015. 16 дек. Федер. вып. № 284(6855).
4. Протокол № 11 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 11 мая 1994 г. // СЗ РФ. 1998. № 44. Ст. 5400.

Использование служебного положения как квалифицирующий признак совершения преступлений против жизни и здоровья

Нагибин Данил Андреевич, Российский государственный гуманитарный университет
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В статье рассматривается правовая природа использования служебного положения как квалифицирующего признака при совершении преступлений против жизни и здоровья. Анализируются теоретические подходы, нормы уголовного законодательства, а также судебная практика. Особое внимание уделено разграничению данного признака от смежных понятий и юридически значимых обстоятельств. Выдвигаются предложения по устранению пробелов и повышению эффективности квалификации.

Ключевые слова: уголовное право, квалификация, служебное положение, преступления против личности, должностное лицо, судебная практика.

Современное уголовное законодательство Российской Федерации предусматривает повышенную уголовную ответственность за совершение ряда преступлений с ис-

пользованием служебного положения. Особенно это актуально в случаях преступлений против жизни и здоровья, поскольку подобные деяния посягают не только на физи-

ческое существование человека, но и на доверие общества к институтам государственной власти, представителям органов правопорядка и иным уполномоченным лицам.

Использование служебного положения в качестве квалифицирующего признака ужесточает ответственность, поскольку показывает, что виновный использовал предоставленные ему государством или организацией полномочия в целях причинения вреда личности, то есть вопреки их назначению. Такой подход соответствует как уголовно-правовой доктрине, так и социально-правовой оценке подобных деяний.

Квалифицирующий признак — это обстоятельство, которое придаёт преступлению более высокую степень общественной опасности и, как следствие, влечёт за собой ужесточение уголовной ответственности. В теории уголовного права квалифицирующие признаки подразделяются на общие и специальные. Общие применимы к широкому кругу преступлений, а специальные касаются только отдельных составов [1, с. 47].

Использование служебного положения относится к числу специальных квалифицирующих признаков, поскольку не может быть применено ко всем преступлениям, а лишь к тем, где субъект — должностное или приравненное к нему лицо — использует свои полномочия для достижения преступной цели. Это обстоятельство отражает повышенную опасность деяния, поскольку подрывает основы служебной деятельности и авторитет государственной власти.

Понятие «служебное положение» в уголовном праве не имеет единого закрепления и определения, но его содержание раскрывается через нормы статьи 285–286 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), а также положения статей 105, 111, 117 и иных, где оно указывается как квалифицирующий признак [2].

По мнению В. М. Лебедева, служебное положение — это юридически признанный статус лица, обладающего властными, организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями в органах государственной власти, местного самоуправления, государственных или муниципальных учреждениях, а также в коммерческих структурах [3, с. 122].

Для признания использования служебного положения необходимо установить: наличие у лица соответствующего статуса; совершение преступления в связи с реализацией или возможностью реализации полномочий; причинно-следственную связь между служебным статусом и совершённым преступлением [4, с. 123].

Преступления против жизни и здоровья, такие как убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, истязание, приобретают квалифицированный характер, если совершены с использованием служебного положения. Например, пункт «в» части 2 статьи 105 УК РФ прямо предусматривает данный признак как отягчающий [2].

В таких случаях субъект преступления может использовать служебное положение: для облегчения совершения

преступления (например, доступ к информации, помещением, жертве); для сокрытия следов преступления; для преодоления сопротивления потерпевшего; под предлогом исполнения служебных обязанностей (например, при допросе или досмотре).

Самыми распространенными примерами являются случаи применения насилия со стороны сотрудников правоохранительных органов, охранных структур, медицинских работников или военных. В подобных ситуациях важна правильная квалификация: преступление должно быть отграничено от служебного проступка или превышения полномочий.

Анализ судебной практики показывает, что нередко возникают трудности в установлении связи между служебным положением и самим фактом преступления. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 разъясняется, что использование служебного положения должно быть не формальным, а фактическим, то есть оно должно объективно способствовать совершению преступления [5].

В ряде случаев следственные органы и суды допускают ошибки: либо не усматривают использования служебного положения там, где оно было, либо, наоборот, необоснованно его вменяют, когда преступление совершено вне рамок служебной деятельности. Такие ситуации порождают проблемы квалификации и нарушения прав как обвиняемых, так и потерпевших.

Например, в деле о причинении тяжкого вреда здоровью сотрудником исправительного учреждения суд признал, что применение силы было не обосновано служебной необходимостью, а носило личный мотив, что повлекло за собой квалификацию по части 2 статьи 111 УК РФ с отягчающим признаком [6, с. 214].

Важно различать использование служебного положения как квалифицирующего признака и превышение должностных полномочий (статья 286 УК РФ). В первом случае субъект совершает преступление общего характера (например, убийство), при этом используя служебный статус как средство, а не как цель.

Во втором случае предмет посягательства — порядок исполнения должностных обязанностей, и служебные полномочия превышаются ради достижения цели, прямо не связанной с исполнением закона. При этом квалификация возможна как совокупность преступлений — например, по статьям 105 и 286 УК РФ одновременно [4, с. 123].

Существующая практика требует унификации и нормативного уточнения. Возможным решением может стать: — введение отдельного примечания к статьям 105 и 111 УК РФ, разъясняющего содержание признака «использование служебного положения»; — более чёткое определение в законе круга лиц, обладающих данным статусом; — расширение и обновление Постановлений Пленума Верховного суда Российской Федерации по вопросам квалификации подобных преступлений.

Учитывая общественную опасность рассматриваемых деяний, такие меры позволят обеспечить единообразие и справедливость правоприменения.

Использование служебного положения при совершении преступлений против жизни и здоровья — это признак, указывающий на повышенную общественную опасность содеянного. Его надлежащее применение в ква-

лификации преступлений требует глубокого правового анализа, наличия чётких доказательств связи между должностным статусом и совершённым деянием.

Совершенствование нормативной базы, повышение уровня правовой культуры должностных лиц и развитие судебной практики являются необходимыми условиями эффективной борьбы с подобными преступлениями.

Литература:

1. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. — М.: Юридическая литература, 2018. — С. 256.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.05.2025).
3. Лебедев В. М. Комментарий к Уголовному кодексу РФ. — М.: Норма, 2023. — С. 542.
4. Мирошниченко Н. В. «Совершение преступления лицом с использованием служебного положения: проблемы квалификации и перспективы законодательной регламентации» — Общество и право, № 3 (45), 2013, С. 122–126.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении законодательства, регулирующего ответственность за преступления против жизни и здоровья» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.05.2025).
6. Судебная практика: преступления против личности с участием должностных лиц. // Бюллетень ВС РФ. — 2023. — № 8. — С. 210–220.

Становление и развитие системы противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма

Новиков Николай Олегович, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье рассматривается становление и развитие международной и национальной систем противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Автор анализирует исторические предпосылки возникновения термина «отмывание доходов», эволюцию правового регулирования, ключевые международные и национальные законодательные акты, а также деятельность международных организаций, таких как ФАТФ. Выделены два этапа становления системы ПОД/ФТ, охватывающие переход от латентной фазы к активному международному взаимодействию и усилению контроля в финансовой сфере.

Ключевые слова: отмывание доходов, финансирование терроризма, ФАТФ, легализация преступных доходов, международное право, финансовый контроль, ПОД/ФТ, организованная преступность.

Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, подразумевает совершение операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными лицами преступным путем, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом [1].

Термин «отмывание доходов» появился в начале XX века. Существует несколько версий его возникновения. Самая распространенная из них — предположение, что впервые данный термин был использован в связи с делом Аль Капоне, который считается первопроходцем в деле отмывания преступных доходов. Существуют и другие версии. Так, по одной из них, Лаки Лучано предлагал услуги по выводу денег в Европу и их инвести-

рованию в европейский бизнес. Другая версия связывает появление термина с деятельностью Мейера Лански, который организовал схему вывода денег через казино на Кубе, после чего, проведя их через ряд зарубежных юрисдикций, возвращал средства на территорию Соединенных Штатов Америки.

Однако явление отмывания преступных доходов не является изобретением одного человека — это последствия объективного развития преступной практики в ответ на совершенствование уголовного и финансового законодательства. В основе развития данного явления — элемент преступной деятельности, направленный на получение дохода. Сумма легализованных доходов, полученных преступным путем, на данный момент составляет от 2 до 5 % мирового ВВП в год [2]. Система отмывания денег влияет

на общественный порядок и экономическое благополучие общества, так как для ее возникновения, помимо самой преступной деятельности, необходима дополнительная надстройка.

Рассмотрим следующую ситуацию: некая преступная организация собирается легализовать полученный преступным путем доход. Для этого создается внешне легальная структура — в нашем случае производственное предприятие. Чтобы организовать такую структуру, нужно нанять финансового специалиста, возможно, с высшим образованием в соответствующей области (зависит от законодательства страны), обеспечить поставку валюты или иных активов на такое предприятие, подделывать финансовые и отчетные документы, обеспечить благоприятное для структуры взаимодействие с органами государственной власти. Все это приводит к тому, что преступные организации получают доступ к услугам квалифицированных специалистов, а те, в свою очередь, становятся соучастниками преступлений и получают за это материальное вознаграждение. Этот порочный круг не только способствует росту коррупции, но и значительно усложняет борьбу с отмыванием денег для правоохранительных органов.

Как социальное, а не исключительно правовое явление легализация имущества прослеживается еще в Средние века, когда в обществе начали формироваться правовые категории законного и незаконного владения имуществом. Примером может служить законодательство Средневековой Руси. Так, Псковская судная грамота 1467 года выделяет законные и незаконные способы получения имущества и устанавливает требование к покупателю, заключающееся в принесении присяги. С течением времени законодательство становилось более комплексным, вводились новые понятия и требования, санкции за совершение правонарушений. Например, уже в Судебнике 1497 года (ст. 46) устанавливается альтернативное требование о наличии свидетелей. В Судебнике 1550 года появляется требование уже к продавцу, заключающееся в обязательном наличии поручительства со стороны других торговцев рыночного ряда. Соборное уложение 1649 года устанавливает ответственность за реализацию товара без соответствующего поручительства, а также за посредничество в такой сделке. В уложении от 1885 года «О наказаниях уголовных и исправительных» появилась ответственность за сбыт незаконно полученного имущества [3].

Стоит отметить, что, несмотря на быстрое развитие этого явления, конкретные законодательные акты, в том числе международного характера, рассматривающие данное явление как отдельную правовую категорию и целенаправленно борющиеся с ним, появляются лишь начиная с 70-х годов XX века. В авангарде правовой мысли в тот момент были США — передовое капиталистическое государство, в наибольшей степени ощутившее развитие этого явления. Именно тогда в США появились соответствующие законодательные акты («О контроле за организованной преступностью», «О всеобщем контроле за

распространением наркотиков», «О банковской тайне»), которые заложили основу для современной системы и понимания противодействия легализации финансовых активов. Закон «О банковской тайне» в момент принятия и некоторое время после него работал неэффективно ввиду независимого статуса банков, что впоследствии было исправлено государством посредством вступления в силу акта «О мерах, направленных на сдерживание подделки и отмывания денег», который расширил спектр инструментов контроля над банковским сектором и позволил более эффективно осуществлять мониторинг его деятельности.

Вслед за США и другие западные страны начали процесс борьбы с отмыванием денег. Так, уголовная ответственность за деятельность, связанную с легализацией преступных доходов, была введена в 1982 году в Дании, в 1986 году — в Нидерландах, в 1987 — году во Франции, в 1988 году — в Норвегии, в 1990 году — в Швейцарии (а в 1991 году Швейцарской банковской комиссией была принята Директива по борьбе с отмыванием денежных средств), в 1992 году — в ФРГ [4].

Формализация же термина произошла в США в 1984 году благодаря Президентской комиссии по борьбе с организованной преступностью, которая указала на то, что под отмыванием денег следует понимать «процесс, благодаря которому скрывается существование, незаконное происхождение или использование доходов и попытки подать такие доходы, как имеющие вполне законное происхождение» [5].

Международное правовое регулирование данного явления началось примерно в то же время, а именно — в 1988 году с принятием Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. В ее статье 5 предусмотрена возможность конфискации доходов, полученных в результате противоправной деятельности.

В 1989 году была создана ФАТФ (Financial Action Task Force on Money Laundering) — «независимая межправительственная организация, компетенцией которой является установление стандартов и содействия эффективному осуществлению правовых, технических и организационных мер по борьбе с отмыванием денег, финансированием терроризма и распространением оружия массового уничтожения, а также с иными транснациональными преступлениями, связанными с этим» [7]. Организация была создана решением саммита G-7 в Париже, и изначально компетенция ФАТФ заключалась исключительно в изучении и разработке мер по противодействию отмыванию преступных доходов. Но уже в 1990 году организация выпустила «Сорок рекомендаций ФАТФ», описывавших целостный подход к борьбе с легализацией преступных доходов и международной кооперации в этой области.

Стоит отметить, что в международно-правовом поле основа для противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, последовательно вырабатыва-

лась с начала XX века. Примером может служить Гагская международная конвенция об опиуме 1912 года, ограничивавшая легальное получение прибыли от этого вида деятельности. Таким образом появлялись объективные причины для появления термина «нелегальные доходы», когда речь шла о наркоторговле. Впоследствии данная конвенция легла в основу антинаркотической деятельности Лиги Наций, а позже была интегрирована в ООН [8].

В 1999 году в рамках ООН была принята Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма, в которой закреплены основополагающие термины и принципы международного сотрудничества в области противодействия финансированию терроризма [9].

В связи с событиями 2001 года ФАТФ расширила свою компетенцию, включив в нее борьбу с финансированием терроризма, и выпустила девять специальных рекомендаций, посвященных этому вопросу. В феврале 2012 года ФАТФ дополнила этот перечень с учетом противодействия финансированию оружия массового поражения. С 2019 года ФАТФ разработала обязательные меры по регулированию и надзору, связанные с виртуальными активами и криптовалютами.

В итоге в процессе становления международной системы ПОД/ФТ можно выделить два этапа:

1. Первый этап — это формирование института борьбы с отмыванием доходов, полученных преступным

путем. Особенность данного этапа заключается в том, что его латентная фаза проходила до осознания необходимости данного инструмента, и это обусловило тот факт, что сама борьба с легализацией доходов не являлась основной целью соответствующей деятельности стран. В первую очередь они боролись с другими преступными явлениями, такими как наркоторговля, организованная преступность и коррупция. Другая особенность заключается в том, что основой международных стандартов борьбы с отмыванием денег является внутренняя, в том числе законодательная практика государств.

2. Второй этап, берущий свое начало после 11 сентября 2001 года ввиду террористической атаки на США, имел свои предпосылки: как указано выше, в 1999 году была принята конвенция о борьбе с терроризмом, которая, в свою очередь, является ответной мерой международного сообщества на возросшую террористическую активность [10]. На данном этапе происходит совершенствование уже устоявшейся системы ПОД/ФТ, при этом сама система перестает быть инструментом борьбы с другими преступлениями: основной целью становится борьба с отмыванием преступных доходов и финансированием терроризма. Это можно увидеть в ежегодных отчетах ФАТФ: начиная с документа за 2001–2002 год, в их содержании на первом месте стоит именно противодействие терроризму — наиболее актуальная для организации тема.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (в редакции от 21.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954. — URL: <http://szrf.pravo.gov.ru/list.html#editions=e100&divid=100000&volume=1001996025000&page=1&sort=position&limit=50&nd=4886&volid=1001996025000> (дата обращения: 02.06.2025).
2. Кучумов, А. В. Понятие «отмывание» (легализация) доходов: сущностные и правовые аспекты / А. В. Кучумов, Е. В. Печерица // Экономический вектор. — 2022. — № 3 (30). — С. 115–122.
3. Шашкова, А. В. Зарождение понятия «легализация» (отмывание) доходов, полученных преступным путем / А. В. Шашкова // Вестник МГИМО-Университета. — 2011. — № 3(18). — С. 272–274.
4. Староверов, А. В. История возникновения и развития законодательства зарубежных государств и международно-правовых норм о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем / А. В. Староверов // Вестник Московского университета МВД России. — 2020. — № 6. — С. 147–153. — doi:10.24411/2073-0454-2020-10341.
5. Хомич, О. В. Понятие легализации доходов, полученных преступным путем / О. В. Хомич // Образование и право. — 2018. — № 2. — С. 153–159.
6. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. — М., 1994. — Вып. XLVII. — С. 133.
7. Пузырев, С. А. Тенденции деятельности ФАТФ по противодействию угрозам глобальной финансовой системе / С. А. Пузырев // Вестник экономической безопасности. — 2020. — № 3. — С. 302–306. — doi:10.24411/2414-3995-2020-10205.
8. The international opium convention 1912 and subsequent relative papers. — Sen. Doc. №. 733, 62d Cong., 2d sess. — P. 36.
9. Международная конвенция ООН о борьбе с финансированием терроризма // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2003. — № 12. — Ст. 1059. — URL: <http://szrf.pravo.gov.ru/list.html#editions=e100&divid=100000&volume=1002003012000&page=1&sort=position&limit=50&nd=2&volid=1002003012000> (дата обращения: 02.06.2025).
10. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма // Сборник правовых актов. — 1998. — Вып. 10. — С. 133.

К вопросу о понятии и специфических характеристиках института лишения родительских прав

Орехова Кристина Олеговна, студент магистратуры

Научный руководитель: Иванова Наталия Александровна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор рассматривает понятие и специфические характеристики института лишения родительских прав: проанализировано действующее российское законодательство и современные научные исследования. Что позволило выявить некоторые проблемы в данной области и предложить наиболее оптимальные пути их решения.

Ключевые слова: семейное право, защита прав ребенка, лишение родительских прав, ответственность.

Политика каждого современного государства направлена на укрепление и защиту института семьи, материнства, отцовства и детства. Именно подобным образом государство создает надежную основу социального характера для возможности собственного дальнейшего развития и существования.

Исключением не является и Российская Федерация, которая в ст. 38 Конституции Российской Федерации закрепила, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства [3]. Защита осуществляется, в том числе, и путем законодательного регулирования прав и обязанностей членов семьи, а также ответственности за их неисполнение или ненадлежащее исполнение.

Наиболее значимой обязанностью родителей по отношению к детям является их воспитание, содержание и забота о них. Однако в современных условиях развития общества наблюдается картина, при которой достаточно распространены случаи уклонения родителей от исполнения обязанности по воспитанию и содержанию детей.

Одной из мер ответственности для родителей, ненадлежащим образом исполняющих (или не исполняющих) возложенные на них законом обязанности является лишение их родительских прав. Лишение родительских прав представляет собой наиболее строгую меру ответственности, применение которой возможно строго в исключительных случаях.

В современном российском законодательстве институт лишения родительских прав нашел собственное правовое отражение в ст.ст. 69, 70, 71 Семейного Кодекса Российской Федерации (далее по тексту — СК РФ) [6]. Данными статьями регламентируются основания, порядок и последствия лишения родительских прав.

Несмотря на значимость института лишения родительских прав для регулирования семейных правоотношений, до сих пор в действующем российском законодательстве отсутствует легальная дефиниция категории «лишение родительских прав», что создает определенный пробел правового регулирования.

В наиболее общем виде под лишением родительских прав следует понимать меру государственного принуждения, обуславливающую утрату родителями всех прав в отношении ребенка, в том числе некоторое ограничение их дееспособности, что необходимо для надлежащей за-

щиты интересов ребенка и перевоспитания родителей [2, с. 154].

В современной научной литературе существуют различные по своему содержанию дефиниции рассматриваемой категории. Приведем некоторые наиболее значимые из них:

1) «семейно-правовая мера ответственности, применяемая к родителям в качестве санкции за их безответственное поведение в отношении детей»;

2) «мера юридической ответственности, которая применяется к родителям за ненадлежащее исполнение либо вообще неисполнение своих родительских обязанностей»;

3) «карательная, кардинальная мера, являющаяся одной из мер семейно-правовой ответственности, из числа применяемых к родителям за неисполнение или ненадлежащее исполнение родительских обязанностей» [5, с. 67].

В каждом из вышеприведенных понятий указывается на то, что лишение родительских прав — это, прежде всего, мера ответственности (то есть определенная санкция). Однако ни одно из них не отображает всю специфику содержания института лишения родительских прав.

Помимо различий в определении понятия лишения родительских прав, в науке существуют некоторые споры касательно определения признаков данного института.

Так, например, в своих трудах Ю. Ф. Беспалов указывает на то, что институт лишения родительских прав основывается исключительно на кровной связи, что является неверным, поскольку, исходя из содержания и смысла законодательных положений, прав лишаются родители, то есть лица, записанные таковыми в соответствующих регистрационных документах. В качестве родителей ребенка могут быть признаны и лица, не обладающие с ним кровной связью (прежде всего, речь идет о процедуре усыновления). Ввиду чего позиция Ю. Ф. Беспалова не является верной и подвергается критике в литературе [1, с. 82].

Признанными специфическими характеристиками института лишения родительских прав являются следующие:

1) цель лишения родительских прав — обеспечение надлежащего развития и в целом благополучной жизни ребенка;

2) по своей сущности лишение родительских прав — это определенная мера наказания родителей за предшествующее этому поведение;

3) институт лишения родительских прав выполняет воспитательную функцию: в случае исправления родителей, их права могут быть восстановлены.

В целом, признаками института лишения родительских прав выступают:

- 1) индивидуальность;
- 2) исключительность;
- 3) бессрочность;
- 4) данная мера применяется только в отношении несовершеннолетнего ребенка;
- 5) предусмотренный в ст. 69 СК РФ перечень оснований лишения родительских прав является исчерпывающим и не может подлежать дополнительному трактованию [4, с. 11].

Подводя итог всему вышеизложенному, институт лишения родительских прав обладает определенными спе-

цифическими характеристиками, которые обязательно должны быть учтены для наиболее полного и конкретного определения его содержания.

В современном российском законодательстве наблюдается пробел правового регулирования, связанный с отсутствием в СК РФ дефиниции «лишение родительских прав». Для устранения данного пробела предлагается добавить в ст. 69 СК РФ примечание следующего содержания «Под лишением родительских прав в статьях настоящего Кодекса следует понимать меру юридической ответственности, применяемую к родителям за ненадлежащее исполнение либо неисполнение своих родительских обязанностей и влекущую полное прекращение каких либо прав, основанных на факте родства с ребенком».

Предлагаемое нововведение в СК РФ позволит наиболее полным образом отразить содержание института лишения родительских прав, а следовательно, положительным образом скажется на его практической реализации.

Литература:

1. Блиняева И. В. Особенности института лишения родительских прав / И. В. Блиняева. // Новый юридический вестник. 2021. № 9 (33). С. 81–83.
2. Каморникова Е. С., Махарадзе Н. С. Правовая природа лишения родительских прав / Е. С. Каморникова, Н. С. Махарадзе // Инновационное развитие современной юридической науки: материалы II ежегодных научных чтений, посвященных памяти профессора А. П. Лончакова. 2018. С. 153–160.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. — 1993. — 25 дек. — № 237; 2020. — 16 мар. — № 55.
4. Оюн А. С. Особенности института лишения родительских прав в Российской Федерации / А. С. Оюн // Вестник науки. 2019. № 3 (12). Том 4. С. 10–14.
5. Ревунова А. С. Правовая природа лишения родительских прав / А. С. Ревунова // Юриспрудения: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей II Международной научно-практической конференции. 2022. С. 65–68.
6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16; 2024. — № 33 (Часть I). — Ст. 4956.

Цифровой рубль и его влияние на регулирование криптовалютного рынка в России

Павлов Илья Павлович, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В статье рассматривается цифровой рубль и его влияние на регулирование криптовалютного рынка в России. Актуальность данной темы заключается в том, что введение цифрового рубля представляет собой значительный этап в развитии финансовой системы России, особенно в контексте глобальных тенденций цифровизации экономики. В связи с популярностью криптовалют и необходимостью гармонизации их правового статуса с внедрением цифровых финансовых инструментов необходимо изучать влияние цифрового рубля на этот рынок. Цель исследования заключается в разработке рекомендаций по интеграции цифрового рубля в финансово-правовую систему на основе его влияния на регулирование криптовалютного рынка в России. Для достижения цели необходимо решить задачи, направленные на изучении теоретических аспектов цифровых валют и их место в финансовой системе и рассмотрении особенностей регулирования криптовалютного рынка в России. При написании статьи используются такие методы исследования, как анализ научной литературы, сравнительный и структурный методы. Теоретическая значимость заключается в том, что исследование способствует углублению знаний о механизмах взаимодействия национальных цифровых валют

и криптовалютных рынков. Практическая значимость показывает то, какие рекомендации могут быть использованы при разработке политики в области цифровых финансов и адаптации их стратегии к новым условиям криптовалютных рынков. При написании статьи установлено, что цифровой рубль существенно изменяет баланс интересов на криптовалютном рынке, создавая как новые возможности, так и вызовы.

Ключевые слова: цифровой рубль, цифровая валюта, криптовалюта, криптовалютный рынок, цифровизация, банковская система.

The digital ruble and its impact on the regulation of the cryptocurrency market in Russia

The article examines the digital ruble and its impact on the regulation of the cryptocurrency market in Russia. The relevance of this topic lies in the fact that the introduction of the digital ruble represents a significant stage in the development of the Russian financial system, especially in the context of global trends in the digitalization of the economy. Due to the popularity of cryptocurrencies and the need to harmonize their legal status with the introduction of digital financial instruments, it is necessary to study the impact of the digital ruble on this market. The purpose of the study is to develop recommendations for the integration of the digital ruble into the financial and legal system based on its impact on the regulation of the cryptocurrency market in Russia. To achieve this goal, it is necessary to solve problems aimed at studying the theoretical aspects of digital currencies and their place in the financial system and considering the specifics of regulating the cryptocurrency market in Russia. When writing an article, research methods such as the analysis of scientific literature, comparative and structural methods are used. The theoretical significance lies in the fact that the research contributes to the deepening of knowledge about the mechanisms of interaction between national digital currencies and cryptocurrency markets. The practical significance shows which recommendations can be used in developing digital finance policies and adapting their strategies to the new conditions of the cryptocurrency markets. When writing the article, it was found that the digital ruble significantly changes the balance of interests in the cryptocurrency market, creating both new opportunities and challenges.

Keywords: digital ruble, digital currency, cryptocurrency, cryptocurrency market, digitalization, banking system.

Цифровой рубль представляет собой новый электронный формат национальной валюты, который изначально задуман как альтернатива традиционным наличным деньгам. Его основная цель — интеграция в повседневные финансовые операции, что, однако, на данный момент не выглядит очевидным преимуществом для обычных пользователей. Противопоставление цифрового рубля биткойн затрагивает вопросы государственного контроля, финансовой безопасности и правового регулирования.

Цифровой рубль регулируется Центральным банком России и полностью контролируется государством, в отличие от криптовалют, таких как биткойн, который с 2010 года стремительно находит своих сторонников и инвесторов [1, с. 86]. Криптовалюты, находясь в децентрализованных сетях, не поддаются прямому контролю со стороны органов власти, что делает их привлекательными для пользователей, ищущих автономию в финансовых вопросах и независимость от государственных структур. В то время как криптовалюты строятся на основе технологии блокчейн и не имеют единого центра управления, цифровой рубль является продуктом централизованного эмитента — Центрального банка России.

Когда в 2017 году был предложен первый проект постановления о введении так называемого «крипторубля», не было еще полной ясности, как будет регулироваться рынок криптовалют в стране [8, с. 27]. Цифровой рубль, будучи государственной валютой, должен быть строго ре-

гулируемым элементом, тогда как криптовалюты оставались вне прямого контроля. Когда в 2020 году Банк России опубликовал отчет о создании цифровой валюты, сразу же встал вопрос о правовой поддержке этого нововведения и о том, как он будет соотноситься с уже существующими криптовалютами. Федеральный закон № 339-ФЗ ставит на первое место цифровую валюту и ее юридический статус в правовом поле России [7, с. 242]. Это законодательно закладывает основу для интеграции цифрового рубля в финансовую систему и в повседневную экономику страны, в то время как правовой статус криптовалют продолжает оставаться неясным и часто меняющимся.

Правовое регулирование цифрового рубля, активное внедрение и тестирование его функционала изменяет парадигму на рынке криптовалют. Криптовалюты не имеют четкого регулятора, а их обращение регулируется исключительно рыночными законами. С введением цифрового рубля государство стремится создать систему, которая будет максимально контролируемой и безопасной с точки зрения финансовых транзакций. Криптовалюты могут потерять часть своей привлекательности для пользователей, которые привыкли к независимости от государственных структур и легальных финансовых институтов. Центральный банк, разработавший концепцию цифрового рубля, ставит акцент на его использование в повседневных расчетах.

Внесение изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации по обороту денежных средств подчеркивает значение правовой поддержки цифрового рубля,

одновременно уточняя, как будет регулироваться обращение криптовалют. Таким образом, Российская Федерация формирует правовую основу, которая помогает синхронизировать действия в сфере традиционных валют и новых финансовых технологий [10, с. 248]. В то время как цифровой рубль закрепляется на законодательном уровне и получает все больше правовых форм, криптовалюты продолжают существовать в «серой» правовой зоне, не получая четкого статусного оформления.

С 2023 года Банк России активно тестирует цифровой рубль в рамках пилотных проектов, в ходе которых предусмотрено использование цифровых кошельков для осуществления переводов и оплат покупок. В то же время криптовалюты, такие как биткойн, продолжают использоваться для международных платежей, создания частных финансовых активов и как инвестиционные инструменты, но не интегрируются в систему повседневных расчетов в России на законодательном уровне [3, с. 2267]. Этот процесс приводит к юридическим вызовам, поскольку необходимо определить, как законодательно соотносятся эти два феномена — государственная валюта и криптовалюты, которые не подчиняются строгому контролю.

Цифровой рубль вступает в конкурентное противостояние с криптовалютами, поскольку он представляет собой полноценную государственную валюту, привязанную к рублю, что делает его более безопасным и предсказуемым для использования в стране. Однако его развитие сопряжено с правовыми проблемами, связанными с ограничениями, которые могут быть наложены на криптовалюты [2, с. 146]. С введением цифрового рубля появляется угроза законодательного давления на криптовалютный рынок.

С правовой точки зрения внедрение цифрового рубля в России вызывает целый ряд проблем, связанных с регулированием как самого цифрового рубля, так и его взаимодействия с существующими правовыми нормами, в частности с рынком криптовалют и традиционными финансовыми инструментами. Можно выделить следующие проблемы правового регулирования:

1. Проблемы с правовым регулированием прозрачности и контроля за транзакциями

Цифровой рубль будет находиться под контролем Центрального банка России, что предполагает высокий уровень мониторинга и отслеживания всех транзакций. С одной стороны, внедрение цифрового рубля позволяет эффективно бороться с финансовыми преступлениями, такими как отмывание денег и уклонение от налогов, за счет полного контроля за движением средств. С другой стороны, это создает угрозу вмешательства государства в частную финансовую жизнь граждан, что может нарушать право на личную неприкосновенность, закрепленное в Конституции РФ и в международных актах, таких как Европейская конвенция о защите прав человека.

Для решения этой проблемы необходимо тщательно проработать правовую основу защиты персональных

данных, ограничив доступ государственных органов к информации о конкретных пользователях в случаях, когда это не связано с расследованием преступлений [5, с. 57]. Законодательно необходимо предусмотреть возможность блокирования транзакций или приостановления операций в случае подозрения на незаконную деятельность, с обязательным уведомлением пользователя о таких действиях. Установление четких правовых норм относительно того, в каких случаях доступ к данным может быть предоставлен, поможет избежать злоупотреблений и обеспечит защиту прав пользователей.

2. Проблемы с правом собственности на цифровые рубли

Цифровой рубль будет иметь статус официальной валюты, но его правовой режим вызывает вопросы, связанные с правами пользователей на средства, хранящиеся в цифровом формате. Согласно действующему законодательству России, денежные средства на банковских счетах принадлежат владельцам счетов, но в случае цифрового рубля механизм этого владения может быть иным. Поскольку цифровой рубль будет находиться на платформе Центрального банка, возникает вопрос, имеет ли гражданин или юридическое лицо полное право на средства, хранящиеся в цифровом формате, или же эти средства будут рассматриваться как временные записи, находящиеся под контролем государства [1, с. 4].

Для разрешения этой проблемы необходимо закрепить в законодательстве правила, определяющие статус цифрового рубля как элемента правового оборота. Следует прописать, что средства, хранящиеся на счетах в цифровых рублях, принадлежат пользователю, однако они подчиняются особым условиям, связанным с контролем за оборотом этих средств, например, с ограничениями по их использованию для некоторых типов транзакций или в случае подозрений на незаконную деятельность. Цифровой рубль должен обеспечивать те же правовые гарантии защиты, что и традиционные валютные средства.

3. Проблемы правового регулирования в контексте криптовалют

Цифровой рубль и криптовалюты обладают схожими техническими характеристиками, однако они отличаются по своей правовой сущности. Криптовалюты не регулируются напрямую государством, что создает правовые лакуны и вызывает неопределенность в вопросах налогообложения, признания сделок, защиты прав потребителей и предотвращения преступной деятельности. Цифровой рубль является объектом прямого контроля со стороны государства, и его правовой статус четко закреплен в законодательстве.

Для решения этого вопроса необходимо установить четкую границу между цифровым рублем и криптовалютами в правовом поле. На данный момент криптова-

люты в России не признаны законным средством платежа, что делает их оборот сложным в правовом контексте, особенно в части налогообложения и регулирования. Цифровой рубль будет иметь четкие правовые рамки, а его использование будет строго регламентировано Центральным банком [6, с. 129]. Для устранения противоречий между существующими правилами для криптовалют и цифровым рублем следует провести детальную правовую работу, направленную на гармонизацию этих норм. Цифровой рубль и криптовалюты могут существовать одновременно, но их правовой статус и механизм регулирования должны быть различны. Установление четких норм, определяющих, как и какие криптовалюты могут быть использованы наряду с цифровым рублем, а какие должны быть ограничены, поможет обеспечить правовую определенность.

4. Проблемы с юридической силой цифровых рублевых транзакций

Цифровой рубль должен иметь юридическую силу, аналогичную традиционным денежным средствам, чтобы его использование было признано в рамках гражданского

оборота. Транзакции с использованием цифрового рубля должны иметь такую же правовую силу, как и транзакции с обычной валютой, а также обеспечивать возможность защиты прав сторон в случае возникновения споров.

Для этого необходимо внести изменения в действующее законодательство, обеспечив юридическую силу сделок и контрактов, заключенных с использованием цифровых рублей [9, с. 358]. Это включает в себя признание цифровых рублей законным средством платежа в рамках гражданского и налогового законодательства, обеспечение равных условий для использования цифровых рублей наравне с другими видами денежных средств.

Таким образом, правовое регулирование цифрового рубля в России должно быть тщательно продумано, чтобы обеспечить его безопасность, юридическую силу и соответствие международным стандартам. Необходимо, чтобы законодательство точно определяло статус цифрового рубля как законного средства платежа, защищало права пользователей и гарантировало их конфиденциальность. При правильной юридической настройке и учете возможных рисков, цифровой рубль может стать эффективным финансовым инструментом в системе национальной безопасности.

Литература:

1. Авис О. У. Банковская культура и необходимость ее трансформации в современных условиях // Финансовые рынки и банки. 2021. № 11. С.1–5.
2. Каплунов А. А., Коваженков М. А. Состояние банковской системы в России в настоящий момент и перспективы ее развития // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2023. № 8 (34). С.143–148.
3. Карпенко О. Д. Финансово-правовое регулирование цифрового рубля: научный аспект // Научный аспект. 2024. Т. 19. № 6. С. 2264–2268.
4. Копылец Н. А. О проблемах правового регулирования цифрового рубля // Публичное администрирование правового механизма цифровизации финансового сектора, воздействие цифровых технологий на сферу несостоятельности (банкротства). 2023. С. 83–87.
5. Лукьянова А. С. Нормативно-правовое регулирование цифрового рубля в России // Состояние и тенденции развития права государств Кавказского региона. Ставрополь, 2024. С. 55–58.
6. Никонец О. Е., Севрюкова С. В. Динамика институционального развития финансового рынка в системе трансформации инвестиционных и кредитных ресурсов // Вестник НГИЭИ. 2023. № 1 (80). С. 123–134.
7. Попова А. А. Цифровой рубль как новая форма валюты: перспективы развития и особенности правового регулирования // Проблемы обеспечения верховенства закона: история и современность. Елец, 2022. С. 240–245.
8. Тропская С. С., Мигачева Е. В. Цифровой рубль, его внедрение: правовая природа в контексте частноправового и публично-правового регулирования // Финансовое право. 2024. № 9. С. 25–28.
9. Чеботарев Д. Д. Правовое регулирование «цифрового рубля». История и перспективы // Правовое регулирование государственного управления в сфере интеллектуальных прав и информационных технологий в современных социально-экономических условиях. Москва, 2023. С. 356–360.
10. Шагуч А. Б. Концепция правового регулирования оборота цифрового рубля в Российской Федерации // Научное образование. 2022. № 1 (14). С. 246–249.

Алиментное обязательство между иными членами семьи

Паршина Екатерина Александровна, студент;

Начетова Ирина Александровна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье авторы исследуют один из видов алиментных обязательств, а именно алиментное обязательство между иными членами семьи.

Ключевые слова: алименты, обязательства, семья, право, содержание, нуждаемость.

Алиментные обязательства представляют собой важный институт семейного права, направленный на обеспечение материальной поддержки лиц, нуждающихся в помощи, прежде всего детей и бывших супругов. Алименты нередко являются единственным источником средств к существованию детей, нетрудоспособных родителей, супругов, поэтому знание порядка требования предоставления алиментов является крайне важным.

В качестве одного из видов алиментных обязательств рассмотрим алиментные обязательства иных членов семьи.

Глава 15 СК РФ посвящена алиментным обязательствам иных членов семьи [1]. К ним отнесены братья и сестры, бабушки, дедушки и внуки, воспитанники и фактические воспитатели, пасынки, падчерицы, отчимы и мачехи. Данные алиментные обязательства принято называть алиментными обязательствами второй очереди. Это означает, что с вышеперечисленных лиц взимаются алименты только тогда, когда невозможно взыскать алименты с обязанных лиц первой очереди (родители и дети, супруги и бывшие супруги).

Право на получение в судебном порядке алиментов от своих братьев и сестер, обладающих необходимыми для этого средствами, возникает у несовершеннолетних, нуждающихся в помощи братьев и сестер, если по каким-либо причинам родители не могут предоставить необходимого содержания своим детям [2]. В качестве необходимых условий привлечения указанных лиц к выплате алиментов является не только наличие у них необходимых для этого средств, но также трудоспособность совершеннолетних братьев и сестер.

Нуждаемость как условие получения алиментов от братьев и сестёр, определяется как явное недостаточное количество средств для удовлетворения жизненно важных потребностей гражданина.

Алиментная обязанность совершеннолетних братьев и сестёр является дополнительной в случае недостаточности средств, уплачиваемых родителями на содержание несовершеннолетних. Что же касается ситуации, когда родители несовершеннолетних скончались, или уклоняются от уплаты алиментов и в других обстоятельствах, когда несовершеннолетние дети оказываются без средств к существованию, алиментная обязанность их совершеннолетних братьев и сестер приобретает основной характер.

Такое же право на получение алиментов предоставляется нетрудоспособным нуждающимся в помощи со-

вершеннолетним братьям и сестрам, если они не могут получить содержание от своих трудоспособных совершеннолетних детей, супругов (бывших супругов) или от родителей. Нетрудоспособным лицом является при двух условиях: достижение пенсионного возраста или наличие инвалидности I, II либо в отдельных случаях III группы [2].

К алиментным обязательствам иных членов семьи относится также обязанность дедушки и бабушки по содержанию своих внуков [1]. Внуки имеют право на получение алиментов от дедушки и бабушки при условии: их нуждаемости, невозможности получения содержания от своих родителей, супругов (бывших супругов), а также наличия у дедушки и бабушки достаточных средств для содержания своих внуков. Такое же право предоставляется совершеннолетним нетрудоспособным нуждающимся в помощи внукам, если они не могут получить содержание от своих супругов (бывших супругов) или от родителей.

При возложении на дедушку и бабушку обязанности по уплате алиментов необходимо учитывать, что взыскание денежных средств на содержание внуков не должно существенным образом отражаться на благосостоянии дедушки и бабушки. Стоит упомянуть, что к уплате алиментов на внуков могут быть привлечены дедушка и бабушка со стороны обоих родителей.

Противоположной алиментной обязанности дедушки и бабушки содержать своих внуков является обязанность внуков содержать своих бабушку и дедушку. Данная обязанность установлена статьей 95 Семейного кодекса РФ. Согласно указанной статье, внуки привлекаются к уплате алиментов лишь в случае невозможности получения дедушкой или бабушкой содержания от своих совершеннолетних трудоспособных детей или от супруга (бывшего супруга) [1]. К уплате алиментов привлекаются лишь трудоспособные совершеннолетние внуки. Кроме того, внуки должны обладать необходимой материальной обеспеченностью для выполнения этой обязанности.

Следующей алиментной обязанностью иных членов семьи является обязанность воспитанников содержать своих фактических воспитателей (ст. 96 СК РФ) [1]. Нетрудоспособные нуждающиеся лица, осуществлявшие фактическое воспитание и содержание несовершеннолетних детей, имеют право требовать предоставления содержания от своих трудоспособных воспитанников, достигших совершеннолетия. Фактическими воспитателями

признаются лица, осуществлявшие воспитание и содержание несовершеннолетних без назначения их опекунами или попечителями. В качестве фактических воспитателей могут выступать как посторонние для ребенка лица или дальние родственники, так и члены семьи: дедушка, бабушка, братья и сестры.

Статьей 27 Семейного кодекса предусмотрена обязанность пасынков и падчериц по содержанию отчима и мачехи [1]. Нетрудоспособные нуждающиеся в помощи отчим и мачеха, воспитывавшие и содержавшие своих пасынков или падчериц, имеют право требовать предоставления алиментов от трудоспособных совершеннолетних пасынков или падчериц, обладающих необходимыми для

этого средствами, если они не могут получить содержание от своих совершеннолетних трудоспособных детей или от супругов (бывших супругов).

Суд вправе освободить пасынков и падчериц от обязанностей содержать отчима или мачеху, если они выполняли свои обязанности по воспитанию или содержанию пасынков и падчериц ненадлежащим образом.

Подводя итог вышесказанному, алиментные обязательства иных членов семьи имеют свои особенности. Но они, как и другие виды алиментных обязательств служат одной цели: они обеспечивают получение средств на содержание нетрудоспособных и нуждающихся членов семьи от других ее членов.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. N 223-ФЗ: (ред. от (ред. от 23.11.2024) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]: — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/.
2. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов: постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 26.12.2017 № 56 // Бюл. Верхов. Суда РФ. 2018. № 4.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 22 (573) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 11.06.2025. Дата выхода в свет: 18.06.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.